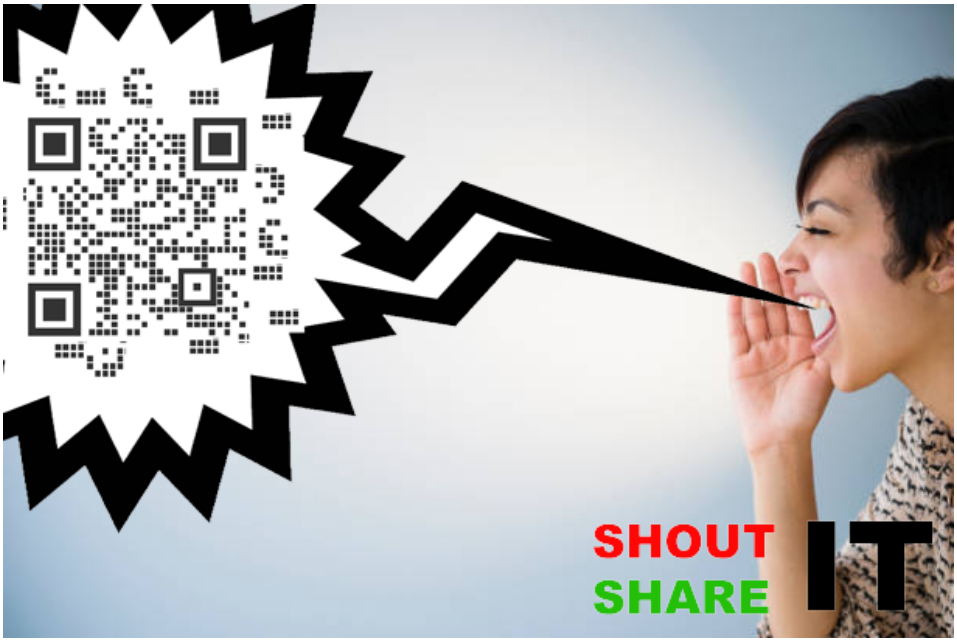
НА ЗЛОМЕ ДВУХ ВРЕМЁН. 80-е

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ЭТА КНИГА — ПОПЫТКА ВСПОМНИТЬ 80-Е ГОДЫ. КАК МЫ ЖИЛИ ТОГДА, ЧТО ПЕРЕЖИВАЛИ, О ЧЕМ МЕЧТАЛИ, ВО ЧТО ВЕРИЛИ. ЭТА КНИГА О СТУДЕНЧЕСТВЕ В ТЕ ГОДЫ, СТРОЙОТРЯДАХ, КОМСОМОЛЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЕЯНИЯ И ИДЕИ БЫЛИ ТОГДА ГЛАВНЫМИ ДЛЯ НАС, СТУДЕНТОВ. ФОРМИРОВАЛИСЬ НАШИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ. ЭТА КНИГА — НАБОР ИСТОРИЙ, КОТОРЫЕ ВСПОМИНАЕТ АВТОР, ПЕРЕСМАТРИВАЯ ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПОЖЕЛТЕВШИЕ ПИСЬМА ОТ РОДИТЕЛЕЙ, ДРУГА ЖЕНЫ. ЭТА КНИГА — ХРОНИКА ЛИЧНЫХ ИСТОРИЙ И РАССКАЗОВ НА ФОНЕ ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА, КОГДА НАЧАЛА РАЗВАЛИВАТЬСЯ СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА И РУШИТСЯ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ.

альпина
ПАБЛИШЕР


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сергей Васильев – первый инвестор и председатель совета директоров «Рамблера» в 1999–2001 годах, инвестбанкир и председатель совета директоров инвестиционной группы «Русские Фонды». Но это сейчас. А раньше были советское детство, пионерлагеря, школа, техникум со стенгазетами и комсомольскими собраниями, учеба в МФТИ, «картошка», стройотряды, студенческое общежитие, работа инженером и первые поиски своего пути в кооператорстве и банковском бизнесе. Вся эта череда событий происходила на фоне исторических перемен, которые, набирая обороты, неумолимо вели к переломному моменту в жизни огромной страны – развалу СССР, разделившему нашу жизнь на до и после… Книга – сборник биографических рассказов, личных писем и фотографий автора на рубеже 1980–1990-х годов. Это частные истории из недавнего прошлого нашей страны, такие знакомые для каждого, кто застал ту эпоху, и в то же время такие личные.

- Сергей Васильев
  -
  - Горловка
  - Наш двор
  - Детские мечты
  - Совок
  - Пионерлагерь
  - Машина
  - Мама
  - Школа
  - Наши книги
  - Техникум
  - Командир
  - Коммунизм
  - Комсомольский прожектор
  - Литклуб газеты «Кочегарка»
  - Голос
  - Брежнев
  - Донецкий «Точмаш»
  - Журнал «Квант»
  - Олимпиада МФТИ
  - Распределение
  - В Москву
  - Сочинение

- Физтех
- «Картошка»
- Провинция
- Комсомольское собрание
- Брежнев, Андропов, Черненко…
- Горбачёв
- Сухой закон
- БАМ
- Северная Корея
- Что? Где? Когда?
- Лом
- Жена
- Бронь крайкома
- Б.Г.
- «Звуки МУ»
- Встреча с американцами
- Маевка
- Письма из строяка. Степной Алтай
- Экономика стройотрядов
- Коляска
- Демократы и патриоты
- Семейный быт
- Горно-алтайский стройотряд
- Видео
- Кооператор
- Кроссворды
- Академик Сахаров
- Военные сборы
- Болгария
- Библия
- «Красное колесо»
- Переворот сознания
- Выборы
- Американский университет
- Обмен
- Суета и безденежье
- Путч
- Банк. Начало
- НИИ ЦАГИ
- Первый кредит
- СССР
- Расслоение
- Банковский строяк
- О деньгах

- О бизнесе
- Америка
- Родзянко
- Белый дом

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Сергей Васильев
На разломе двух времён. 80-е

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

НА РАЗЛОМЕ ДВУХ ВРЕМЁН. 80-е

альпина
ПАБЛИШЕР
2018

Руководитель проекта *А. Рысляева*
Арт-директор *Л. Бенщуша*
Дизайнер *М. Грошева*
Корректор *И. Астапкина*
Компьютерная верстка *Б. Руссо*
Фотоматериалы предоставлены автором, а также агентствами *East News, Fotodom.ru, ТАСС, «Коммерсантъ»*

© С. Васильев, 2018
© ООО «Интеллектуальная Литература», 2018

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

Горловка

Горловка (1974)

Мы вернулись в Горловку, когда мне было 9 лет.

После сибирского городка нефтяников, состоявшего из деревянных домов, посреди болот и тайги, шахтерский город Горловка показался мне огромным. Тут у нас была трехкомнатная квартира на пятом этаже хрущевки.

Из таких же обычных пятиэтажек состоял весь район. Но расставлены дома были как-то по-особому и образовывали своего рода внутренний двор, на него и смотрели подъезды соседних пятиэтажек. Там были устроены две асфальтированные площадки: на одной мы играли в футбол, а на другой летом крутили кино. Это сильно меня тогда удивило. На площадке стояли крашеные деревянные скамейки и сцена, я долго не мог понять, зачем они тут?

И вот как-то вечером, в субботу, когда солнце уже заходило за тополя, во двор въехала машина и какие-то важные люди стали устанавливать кинопроектор и натягивать экран. Постепенно из домов стали выходить жители ближайших пятиэтажек и рассаживаться там, кто семьями, кто в одиночку.

– Что сегодня привезли? – спрашивали они у киномеханика.

– Узнаете еще, – важно отвечал тот, устанавливая свои бобины. А когда уже совсем темнело и в горловский двор приходила вечерняя прохлада, механик наконец-то включал свою «шарманку».

Все начиналось с «Фитиля». Потом шла серия «Ну, погоди!» или «Ералаша», и только после этого вступления киномеханик запускал какую-нибудь старую советскую комедию или новый индийский фильм.

«Зита и Гита» под вечерним небом, среди тополей и как будто расступившихся пятиэтажек, среди друзей и соседей…

Во время сеанса все, дети и взрослые, громко смеялись, болтали, переживали и охали, а девчонки визжали, когда в белую простынь экрана вдруг врезалась летучая мышь – в Горловке летними ночами много летучих мышей.

По утрам наш двор оглашался дребезжащим звоном колокольчика – это приезжала «молочка» со свежим молоком или мусорка. Мы с сестрой постоянно спорили, как разделить эти обязанности: понятное дело, идти за молоком было приятнее, нежели выносить мусор.

Молока в Горловке тогда было очень много. Его привозили

каждое утро во двор на «молочке», но можно было пойти за ним и в магазин. Там за продавщицей висел большой плакат: «Жить возможно, скажем прямо, без вина и табака, но никто с времен Адама жить не мог без молока!».

В стену была встроена огромная стеклянная колба, высотой метра в два. Продавщица нажимала кнопку, и молоко начинало наполнять емкость за стеной. Белый уровень в колбе поднимался все выше и выше, и очередь пристально следила за ним. По уровню в колбе ты мог понять, хватит ли тебе молока, стоит ли еще стоять в очереди или можно уходить.

Но больше всего мне нравилось молоко в треугольных пакетиках. Оно, наверное, по качеству уступало, но хотелось купить именно его. В нем было что-то современное, городское, почти столичное.

Автомобилей в нашем дворе было только два – у нас и у наших соседей с первого этажа.

За год до возвращения на большую землю отец купил свой первый и единственный автомобиль – новенькие «Жигули». За эту «копейку», он отдал почти все, что заработал на севере, и очень любил свою машину. А у соседа с первого этажа была длинная белая «Волга». Он купил ее, работая в Алжире по какому-то советскому контракту.

Других авто в нашем дворе не было, и потому мне казалось, что мы очень богаты. И действительно, у нас было все, что «полагалось» в советской семье: кассетный магнитофон, холодильник, черно-белый телевизор, автомобиль.

Через год после возвращения родителям дали шесть соток, и отец стал строить «дачу». Когда он достроил свой домик на Гольме и три ряда виноградника начали давать урожай, это был уже полный комплект типовой советской мечты.

Где-то к концу 70-х нам наконец провели и телефон, очередь на него, была почему-то самой длинной и хлопотной. Нам дали один номер на двоих с соседями, и когда телефон звонил, нужно было сначала узнать, кому звонят: нам или им?

Я считал тогда нашу семью очень продвинутой и вообще – «повидавшей мир». Когда нам с сестрой не было и года, отец уехал на заработки в Сибирь, в Нижневартовск, где только начинали добывать самотлорскую нефть. Он поехал туда за «длинным» сибирским рублем и сразу забрал жену с детьми. Каждое лето мы летали обратно на большую землю и отдыхали в разных пансионатах, на Черном море. Это было тогда очень круто – мало кто из детей-сверстников летал на самолетах и редко кто видел море. И потому мне казалось, что мы были очень обеспеченными.

Но самыми богатыми в городе, конечно, считались шахтеры, загадочные люди с черными-черными глазами. Шахтеры были самыми уважаемыми людьми и потому – самыми состоятельными. Они казались мне исполинами, великанами с широкими плечами и мозолистыми руками.

Шахтер – это сила, шахтер – это слава, почет и богатство.

У каждого шахтера были «Жигули» или «Волга», так считалось вокруг.

Горловка – шахтерский город, там много терриконов шахт, и по окружающим железнодорожным путям круглосуточно шли бесконечные эшелоны с углем. Но почему-то самих шахтеров я видел редко. Среди наших знакомых их не было, они не жили и в нашем дворе. Я редко встречал их в автобусах, троллейбусах и трамваях, а их невозможно было бы пропустить или с кем-то спутать. И потому шахтеры, как люди, как класс, как натура, так и остались для меня загадочными исполинами с отбойным молотком на плече, с черным обводом глаз и светом фонарика на каске во лбу.

Наш двор (Конец 1970-х)

Каждое лето на небольшой пятачок внутри нашего района, рядом с маленьким колхозным рынком, приезжал немецкий цирк. Пустырь был своего рода нерегулируемым перекрестком, перепутьем тропинок и дорожек на пути из дома в школу, из дома на рынок, с рынка в кулинарию или из школы в музыкальный салон.

И вот в один из жарких летних дней на этот исчерченный тропами пустырь вдруг начинали съезжаться никелированные автомобили, автобусы и передвижные дома на колесах, яркие, громкие и иностранные.

Все начиналось с процедуры подъема шатра.

Ставились огромные высокие мачты, они крепились к земле стальными тросами и потом с помощью больших лебедок ловкие стройные ребята начинали поднимать сам шатер.

Посмотреть на это зрелище собирался весь район. Красивые, атлетичные немецкие парни быстро и деловито сновали между мачтами: кто-то крутил лебедки, кто-то крепил столбы. Завтра они переоденутся в красивую цирковую форму и превратятся в акробатов, клоунов или фокусников.

На целый месяц летний цирк из ГДР становился центром нашего мира. Вскоре мы уже узнавали циркачей в лицо и знали, как зовут каждого из них. Немецкий цирк в районном центре простого шахтерского городка не смотрелся тогда чем-то удивительным. Это казалось нормой, что к нам приезжают иностранные артисты.

Поражало только одно – их модная одежда.

ГДР – социалистическая страна, как и мы, но у них все было по-другому. Они ходили в джинсах и жевали жвачку. А у нас джинсы были в редкость, и жевательные резинки в ярких обертках относились к разряду заветной детской мечты. Мы меняли на них все, что возможно, а потом, во дворе, уже обменивались между собой.

Все наше детство прошло во дворах. Мы постоянно были там чем-то заняты: футболом, хоккеем, а каждый год к нам приходила какая-нибудь новая дворовая игра.

В тот сезон мы играли в «подкрышки». Для этой игры нужно было иметь небольшую свинцовую биту, размером со спичечный коробок. Ты целился и кидал биту в небольшую горку, составленную из сплюснутых бутылочных крышек из-под

лимонада. Если ты попадал и разбивал горку, то все крышки были твои. Если мазал, то биту кидал другой. Если никто по горке не попадал, то ее разбивал игрок, чья бита упала ближе всех. А далее, все поочередно, били своими битами по крышкам, лежащим на земле. Если крышка переворачивалась с первого удара – она твоя. Если нет, то ход передавался следующему.

Задача игры – выиграть как можно больше крышек. Выигранные крышки – твое богатство, «валюта», с которой ты ходил из одного двора в другой – заработать еще или, наоборот, проиграть.

Чтобы крышку ударом свинцовой биты было трудно перевернуть, ее нужно аккуратно и ровно сплюснуть. Лучше всего крышки «выпрямлялись» под колесами трамвая.

Мы раскладывали их на рельсах в ряд и ждали очередного трамвая. Когда он с грохотом проносился, отполированные тяжелым колесом крышки со звоном разлетались по сторонам.

А через год модным стало играть в «банки». Там роль крышек играли большие банки из-под краски, из них сооружалась высокая горка. Вместо биты – железный прут. Это была уже более взрослая игра, ведь прут был тяжелый. Не дай бог попасть им случайно в кого-нибудь из игроков.

Цель игры – попасть точно в банки. Если с первого удара никому попасть не удавалось, все продвигались на шаг вперед и опять кидали прут в банки. От меткого удара они с грохотом разлетались по сторонам.

Эта игра – что-то типа русской лапты, только на смену деревянной палке пришел железный прут, а на смену деревянным «городкам» – железные банки.

Рабочие кварталы придумывали своим детям новые игры из старых народных забав.

В нашем дворе

Детские мечты (1970-е)

В детстве я хотел быть космонавтом.

Мы росли в то время, когда каждого нового космонавта все знали по имени и в лицо. По возвращении с орбиты им обязательно давали звезду Героя Советского Союза, и все мальчишки хотели стать космонавтами.

А еще… я хотел уйти на войну, чтобы вернуться оттуда героем. Это была такая тайная мальчишеская мечта – когда вся школа, мальчишки и девчонки, собираются 1 сентября на линейку перед школой, а тут из-за угла выходишь ты, весь в орденах и медалях.

Нашими кумирами были космонавты и ветераны той недавней войны, увешанные боевыми наградами.

Чуть позже я решил стать следователем, кем-то средним между Томиным и Знаменским из «Следствие ведут знатоки», где «наша служба и опасна, и трудна», а от тебя требуются смелость и ум! И только после следователя я наконец-то решил стать ученым.

Это представлялось мне примерно так. Где-то далеко в лесу стоит большой дом. Лес дремучий, еловый и бесконечный. Форму дома я не помню, но он был теплый и с камином.

Там я буду творить и что-то изобретать!

А раз в год возвращаться из лесного дома в город с новым очередным открытием!

Первые космонавты СССР

P.S.

Вот такими были наши детские мечты в застойные 70-е – гремучая смесь из космонавта, солдата, следователя и ученого-физика.

Кто бы мог подумать, чем все это закончится…

Совок

Сегодня, оглядываясь назад, вспоминая уже далекие советские времена, хочется заострить внимание на двух великих социальных достижениях той эпохи.

Первое – зарплаты.

Каждый месяц, 5-го и 20-го, наши родители получали зарплату. В Сибири отец зарабатывал хорошо, в Горловке меньше. Он часто менял работу, на стройке тогда платили немного. Но зарплата была всегда и у него, и у мамы. Это работало как часы, день в день. Точно в срок каждый работающий человек получал свою зарплату.

В столичной Москве, Сибири, азиатских кишлаках, украинских селах и городах, больших и малых, в крупных министерствах и маленьких мастерских, школах, институтах, театрах и больницах многомиллионное работающее население Советского Союза получало свою зарплату и было абсолютно уверено в том, что в следующем месяце обязательно получит опять.

Это не было сплошной уравниловкой, в самой системе оплаты были сложные коэффициенты учета, различные КТУ (коэффициенты трудового участия), премиальные, аккордные. Система не отличалась простотой, но, главное, она была безусловной. Это настолько вошло в привычку, что никто не мог представить, что может быть иначе.

Это не воспринималось как чудо или сверхдостижение. За организацию такого порядка никого не награждали, никому не давали государственных премий, не вручали медалей и орденов. Это было обыденностью, нормой жизни. Все были абсолютно уверены: так было и так будет всегда.

Второе – детский отдых.

Каждое лето все школьники Советского Союза ездили в пионерские лагеря. Такой отдых не был обязаловкой, но все родители старались отправить своего ребенка в пионерский лагерь. Это было модно и стало постепенно общей нормой.

Каждое крупное и среднее предприятие имело свою базу отдыха. Между ними было своего рода соревнование, кто сделает свой пионерлагерь круче, чтобы их дети отдыхали в лучших местах. У одних лагеря были в лесу, у других на море. И летом десятки миллионов советских детей отправлялись отдыхать на природу в тысячи специально оборудованных баз отдыха.

Это было обычным делом, советской нормой. Иначе и быть не могло – все дети летом должны отдыхать на природе!

P.S.

Мы часто критикуем советский строй за его примитивность и убогость. Мы все время ищем образцы на Западе, пытаемся подражать ему, брать с него пример, якобы там все организовано гораздо сложнее и умнее.

Но что может быть сложнее, чем реализовать подобное? Чтобы каждый человек вовремя получал свою зарплату и каждое лето все дети непременно выезжали отдыхать!

А ведь это было у нас еще совсем недавно и называлось… СОВОК.

Пионерлагерь (Лето 1978)

В первом лагере, куда нас с сестрой отправили родители, мне не понравилось.

Мы были еще детьми. Я плакал, уговаривал, чтобы нас забрали домой, но пришлось свыкнуться и дотерпеть. Все прелести пионерского лагеря осознаешь чуть позже, когда начинаешь разделять сверстников на… мальчиков и девочек.

Пионерский лагерь под Славяногорском – это легкие деревянные домики в сосновом лесу. В каждой комнате по восемь – десять кроватей. Туалет и умывальники на улице. Это воспринималось как игра, что-то среднее между «военной зарницей» и «походом».

Каждое утро начиналось с зарядки, построения и поднятия флага. Пионервожатые все время придумывали какие-то игры и состязания.

Из непременных был конкурс военной песни. Каждый отряд должен был со сцены исполнить какую-то песню, инсценируя ее текст.

Если мы выбирали «Землянку», то сооружали холм из коробок и ящиков, и накрывали этот мусор куском брезента, изображая военное укрытие. Весь отряд выстраивался за «холмом» и начинал петь:

«Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза…»

А на сцене, усаживалась «одинокая девочка» и «поджигала» спичками дрова, изображая огонь в печи… На словах «Про тебя мне шептали кусты», отряд, стоявший за «холмом», начинал шуршать ветками, изображая шорох.

Но особо популярна была песня «Бухенвальдский набат».

Из отряда выбирали двух самых высоких и упитанных мальчиков, они должны были изображать «фашистов». Остальных одевали в потрепанную одежду, предварительно покрасив ее в полоску, чтобы напоминала арестантскую робу.

Когда в песне начинались слова

«Это жертвы ожили из пепла
И восстали вновь, и восстали вновь!..»,

отряд «арестантов» набрасывался на «фашистов» и выталкивал их со сцены.

Далее все «арестанты» выстраивались в ряды и с трагическими лицами, насколько это у них получалось, продолжали петь:

«Сотни тысяч заживо сожженных
Строятся, строятся в шеренги к ряду ряд…»

Эту песню мы исполняли из года в год. Мы инсценировали ее по-разному, меняли одежду, амуницию, но почему-то всегда к концу песни зал начинал хохотать.

Песня была серьезная и трагическая. Но то ли кто-то из «фашистов» получался уморительно смешным, то ли кто-то из «узников» был слишком упитанным для жертвы концлагеря, но всякий раз исполнение заканчивалось улыбками.

Вожатые шикали, ругались, грозились пальцем, но и сами в результате укатывались со смеху.

А главным событием пионерлагерной жизни была, конечно, вечерняя дискотека. Точнее – «танцы». Мы ждали их каждый день.

Пионерлагерь. Славянногорск

Первые мои «танцы» в пионерском лагере были под баян. В центре круглой танцевальной площадки на стул усаживался

пожилой баянист и начинал играть. Через год гармониста заменил проигрыватель с пластинками, а потом на смену ему пришел и магнитофон. Репертуар менялся, но обязательно половина танцев были быстрые, половина медленные.

Мы, естественно, все ждали… когда же будет медляк?

Тут наступал томительный момент.

Вообще в течение всего летнего месяца в пионерском лагере шел постоянный процесс выбора, с кем «дружить», – обязательный, самый интригующий и волнительный элемент лагерной жизни.

Уже к концу второй недели все примерно понимали, кто с кем «дружит». Это было соревнование и соперничество.

Я помню, как пригласил на медленный танец девочку, за которой давно наблюдал.

Мы танцевали на пионерском расстоянии, вытянув руки, я держал ее за талию, а она положила мне руки на плечи. Но этого было достаточно, чтобы сразу после танца ко мне подошел какой-то шкет из младшего отряда.

Он толкнул меня плечом в сторону темного парка и сплюнув, тихо процедил:

– Не шелести.

Шкет был младше меня и ниже ростом, я не испугался, но он кивнул в сторону, где столпилась компания из трех-четырех крепких ребят.

– С ней хочет дружить Гарик, – прошептал шкет и указал мне на высокого крепкого пацана из старшего отряда. Он стоял в центре этой компашки.

Я гордо сказал, что мы пока не «дружим», но в любом случае это должен быть ее решение:

– Пусть выбирает она.

Мы потолкались в темноте плечами и разошлись.

«Дружба» заключалась в редких прогулках по дорожкам лагерного парка и случайных беседах наедине, раскачиваясь вдвоем на деревянных качелях.

К концу лагерной смены все мальчики и девочки были уже по уши в своих «дружбах», и расставание проходило трогательно и мучительно. Мы что-то говорили друг другу про вечную дружбу и что мы обязательно должны еще встретиться. Но автобус возвращал нас в город, родители разбирали нас вместе с чемоданами и развозили по домам, ставя точку на очередной лагерной смене.

Оставались только томительные воспоминания о «дружбе» и времени, которое не вернуть уже никогда…

Машина
(Лето 1978)

Автомобиль для отца был страстью и смыслом жизни.

Он купил его на свои «сибирские» деньги и очень им гордился. Все время мыл его и старался начистить до блеска. Автомобиль был тогда редкостью и придавал чувство состоятельности и свободы. Летом отец отправлялся на нем в путешествия по Украине и брал меня с собой.

Я безумно любил эти поездки. По сторонам проносились леса, поля, города. Мы часто останавливались у каких-то памятников, в новых и незнакомых местах, а ночью спали прямо в машине, кое-как разместившись на сиденьях. А по дороге отец «калымил», подвозя случайных пассажиров.

Эти неожиданные полулегальные заработки очень возбуждали отца. Он радовался им как ребенок. Я видел его азарт и сам включался в игру. Мне нравилось первым замечать на дороге голосующих людей, о чем я сразу радостно кричал отцу. А потом замолкал и ждал. Сколько нам заплатит этот «пассажир»? Отец никогда не называл цену.

– Сколько не жалко, – говорил он.

А потом радовался или огорчался, долго обсуждая, каким оказался этот случайный попутчик, жадным или щедрым, хорошим или плохим.

Постепенно эта «забава» со случайными заработками превратилась для него во второй источник дохода. Одной зарплаты на жизнь всегда не хватало. Работая прорабом на разных стройках в Горловке, по выходным он «калымил», зарабатывая что-то еще. Потом исчезал в гараже, пропадая там все выходные, что-то ремонтировал или конструировал приспособления, чтобы чинить машину было легче.

«Жигули» первой модели ВАЗ-2101

Сдать машину в ремонт было почти невозможно. На единственной в области станции технического обслуживания была огромная очередь, да и всякий ремонт стоил огромных денег, обычной зарплаты на это не хватало. Отец чинил все сам, с трудом выискивая нужные детали и запчасти. Все тогда чинили свои авто самостоятельно.

Гаражный кооператив на окраине Горловки у подножия террикона шахты был важным местом, где собиралась

«состоятельная» часть мужского населения нашего шахтерского городка. Там они встречались по выходным, обсуждали новости, играли в домино и выпивали. Там они чувствовали себя хозяевами жизни, свободными людьми.

Но легковых автомобилей в городе было мало, и периодически городское начальство накладывало на «свободных» автовладельцев необычную повинность – предоставить свои личные авто для государственных или партийных нужд. В момент прохождения техосмотра в ГАИ тебе могли неожиданно приказать посадить в салон какого-нибудь начальника и возить его бесплатно по городу, куда тот укажет.

Однажды на эту странную «барщину» напоролся и отец. Мы заехали в ГАИ, думая быстро управиться с осмотром, чтобы потом ехать на дачу. Была суббота, выходной день. Но офицер-гаишник вдруг подвел к нам даму, начальницу из горкома партии, и сказал, что мы должны повозить ее по строительным объектам, которые были в разных концах города.

Отец опешил, но делать было нечего, иначе талон техосмотра ему не дадут.

Унизительность ситуации была еще в том, что на заднем сиденье в этот момент находился я.

– Кто эта тетя? – шепотом спросил я у отца.

Он ничего мне не ответил, а лишь зло отвернулся в сторону и с этим демонстративно злым выражением лица ездил весь день. Неловкость ситуации с использованием чужого автомобиля с ребенком на заднем сидении чувствовала и она, но в горкоме партии автомобилей не хватало, а город был большой.

P.S.

Так я впервые узнал, кто такие «начальники», а потом и наслушался от отца, как он к ним относится…

Мама (1979)

В детстве я называл маму все время на «вы», даже дома.

– Мама, разрешите мне пойти во двор, отпустите меня с друзьями.

Простая, обычная женщина, она тянула все лямки, которые ложились на ее плечи по жизни.

Отец был деловитым и бойким. Это он решил уехать на заработки в Сибирь, а она покорно это приняла. Взяла двух годовалых детей и поехала за ним в Нижневартовск.

Городок нефтяников тогда только начинал строиться, и первым нашим жильем был строительный вагончик. Отец все время менял работу, а она тащила на себе домашние заботы, параллельно устроившись в строительную контору следить за «техникой безопасности». В советское время работать должны были все – и муж и жена.

Со стороны казалось – отец был главным. Но глядя изнутри, своим детским чутьем я понимал, что главная – она.

Когда отец заработал на машину, он решил, что хватит уже Сибири, и мы поехали назад на большую землю. Он потратил на «Жигули» почти все, что заработал, но все равно решил: хватит. И мы вернулись в Горловку.

Там у нас была трехкомнатная квартира на пятом этаже обычной пятиэтажки, которую отцу, молодому выпускнику института, дали сразу, как только родились мы с сестрой. Такие же дома стояли и вокруг. Строительство «хрущевок» было тогда в самом разгаре. Вчерашние жители деревень переселялись в отдельные квартиры из тесных рабочих общежитий и коммуналок. Горячая вода, отдельный туалет уже считались обязательным уровнем комфорта для советского человека.

Изредка приезжая к родственникам в деревню, я видел старые деревянные дома с туалетом на улице, где воду носили из колодца на коромысле. Нам нравилось греться у деревенской печи, но это было уже как игра в старину.

Деревня – вчерашний день, сегодня люди должны жить в городе. Любая городская отдельная квартира воспринималась как ступень наверх. Там многого еще не хватало, но прогресс шел и чувствовался во всем. К концу 70-х у всех в квартирах было по холодильнику, это считалось нормой.

А вот с телевизорами были еще проблемы. Всеобщая телефикация проходила в течение 70-х и постепенно решился и

этот вопрос. В нашем доме черно-белый телевизор был у всех, а цветной – только у соседей с первого этажа, мы ходили к ним смотреть фигурное катание. У нас цветного телевизора так и не появилось, да и черно-белый все время ломался. Шла какая-то рябь, помехи, часто нужно было придерживать сзади отходившие лампы, чтобы наладить картинку.

Перед телевизором посреди комнаты в зале стояли два кресла, а между ними торшер.

Каждый вечер после работы отец усаживался в кресло и раскладывал у ног пришедшие за день газеты. Он выписывал тогда «Правду», «Известия», «Комсомолку» и местную «Кочегарку». Отец зачитывал их до дыр, периодически что-то комментируя или обсуждая с мамой и нами, детьми. А после прочтения газет начинался его длинный монолог о рабочих делах на его участке, сложностях и заботах.

Он работал на стройке, был человеком неуживчивым и все время с кем-то ругался. Все эти производственные проблемы он сильно переживал и вечерами выражал нам свое недовольство то одним начальником, то другим. Мама и мы с сестрой дружно кивали, успокаивали его, поддерживая в его бесчисленных рабочих конфликтах.

Так проходили вечера. Папа изливал свою душу, а мама его утешала, занималась домашними делами, готовкой, уборкой.

Она успевала везде и терпеливо тянула все.

В отличие от отца, у нее на работе к этому времени все было хорошо. Она устроилась сначала инженером, а потом постепенно доросла до главного инженера по технике безопасности на местной трикотажной фабрике. И считалась там начальницей.

У нее был даже свой кабинет.

P.S.

От обращения к родной маме на «вы» я отучился не сразу. Это удивляло многих друзей и постепенно, как и все, я перешел с мамой на «ты». Но внутри так и осталось.

Самая главная – это мама!

Школа (1979–1980-е)

Я не учил украинский в школе.

Тогда на Донбассе было правило, что все, кто попадали в школу с третьего класса, освобождались от изучения украинского языка и литературы.

Когда мы вернулись в Горловку, я как раз пошел в третий класс и потому был освобожден от «украинского». Но чтобы я не шатался без дела, учительница требовала, чтобы я сидел в классе и слушал ее уроки. Я не получал оценок (мне не давали задания), но находиться в классе был обязан и потому постепенно украинский язык, естественно, выучил.

К концу восьмого класса я уже свободно понимал по-украински и мог на нем говорить. Писал по-украински, конечно, плохо, но не хуже многих других.

Часто наша учительница во время диктантов просила, чтобы их писал и я, а потом многозначительно тыкала моей тетрадкой в лицо какому-нибудь двоечнику: «Вот, смотри, даже Васильев и то сделал меньше ошибок!»

А еще мне нравилось учить наизусть украинские стихи, особенно Шевченко, это очень оттачивало память. Любимым был, конечно, «Реве та стогне Дніпр широкий…».

Вообще украинский язык был для меня очень забавным, все время казалось, что его основная задача – зачем-то заменить в русских словах некоторые гласные на «і» с точкой. А основная цель обучения – угадывать, куда же поставить эту «і», вместо простого русского «и» или

русского «о»?

8 «А» класс,
школа №16

Но были, конечно, и сложные моменты, когда нужно было догадаться: куда же вставить «ї» с двумя точками?

Этому искусству я так и не научился.

Вообще, украинского языка в Горловке, и на Украине в целом, было тогда довольно много. В основном это определялось тем, что вся Украина смотрела два телеканала.

Первый, самый главный, – общесоюзный канал, он был, естественно, на русском. А второй – украинский канал, вещал на

мове.

Все смотрели оба эти телеканала и непрерывно между ними переключались в поисках того или иного фильма или интересной передачи. И естественно, в результате этого постоянного переключения ты постепенно переставал замечать различия между двумя языками и уже абсолютно свободно мог слушать и понимать их оба.

В обычной жизни: дома, в школе, во дворе – везде в Горловке все говорили только по-русски. Украинский язык я слышал лишь на уроках «украинского» в школе и по украинскому телевидению.

В живой разговорной речи его не было. Исключением были отцовские родственники из села под Хмельницким, откуда он был родом. Когда они приезжали к нам в гости, то говорили наполовину на русском, наполовину на мове. Точнее, так с ними разговаривал отец, а мы просто слушали этот их сельский говор. Тогда украинский язык и стал для меня ассоциироваться с селом, с украинской родовой глубинкой отца. Городская Украина говорила исключительно на русском, по крайней мере на Донбассе.

Но главное, что мне дала школа № 16 города Горловки, где я учился, была любовь к математике!

И «виновником» тому был лучший учитель математики всех времен и народов, Иосиф Моисеевич Михайловский. Это был не просто преподаватель, он был умнейший человек, эрудит, знаток всего и вся. Ему было тогда около 50, он очень любил литературу и мог бесконечно долго читать наизусть Пушкина или неожиданно посреди урока математики вдруг рассказать байку про Ходжу Насреддина.

Каждый его урок был каким-то фонтаном новых знаний, мыслей, историй и рассказов. Именно он, Иосиф Моисеевич, и научил меня… думать.

Он привил вкус к чтению и поиску знаний.

Но главное, я вдруг почувствовал, что могу решать задачи быстрее других в классе. Кроме простых задачек из программы, он всегда давал одну не стандартную, какую-то очень заковыристую. Он объявлял тишину и смотрел, кто решит первым. Я все время ждал этой минуты, чтобы начинать думать. Это движение мысли в голове, этот процесс поиска ответа был безумно увлекательным и очень будоражил молодые мозги. А главное – нужно было найти ответ первым. Именно к этому призывал Иосиф Моисеевич как в игре «Что? Где? Когда?».

«Минута пошла!» – объявлял он, и я начинал исписывать листок бумаги в поисках правильного ответа.

Постепенно я стал замечать, что находил решение одним из

первых, а потом и вовсе каждый раз первым. К этому стал привыкать и мой учитель, он даже просил меня не спешить поднимать руку, дать шанс другим.

Еще одним учителем, кто запомнился мне в школе, была наша классная руководительница. Именно из-за нее меня с другом и выгнали из школы. Именно выгнали. За поведение. Я не был каким-то драчуном или лентяем, наоборот. Я исправно ходил школу, учился только на четверки и пятерки, единственную тройку поставила мне она.

Это была – месть.

Она преподавала русский язык и литературу и все время ругалась. Она ругалась на всех, на каждого ученика в отдельности и на весь класс целиком, придумывая каждый раз какие-то новые обороты и словечки.

Как-то мы с другом стали выписывать все ее ругательные слова на отдельный листок и носили его с собой, как шпаргалку. Из многочисленных ее ругательств мы решили заносить туда только слова и словосочетания на букву «Д».

Дурак, дебил, дупло, дерево, дальтоник, душный, дохлый, дурашка, долбанутый, дятел, дошел до дна, долетел до ручки, дребедень в голове, достал до почки, драчун, дерьмо и т. д. и т. п.

Богат и необъятен русский язык.

Эта «шпаргалка» росла и росла, и мы вынуждены были приклеивать к ней новые листочки, сворачивая свиток в гармошку. В это трудно поверить, но число ругательств на букву «Д» перевалило за 100 и через какое-то время слухи о нашем «списке» стали распространяться по всей школе.

О нем, конечно, узнала и она.

Однажды она не выдержала и во время очередного приступа ругательств в чей-то адрес резко обернулась в мою сторону и закричала:

– Васильев, запиши новое слово в свой дневник – «дегенерат»!

P.S.

Именно эти два учителя, математики и русского языка, и определили в результате мою судьбу.

Из-за конфликта с классным руководителем я вынужден был после восьмого класса уйти из школы. Мы с другом вместо окончания десятилетки пошли в машиностроительный техникум.

Четыре года техникума дали мне достаточно времени, чтобы повзрослеть и понять, что я хочу от жизни. А любовь к точным наукам, которую мне привил лучший учитель математики города

Горловки, определила мой дальнейший жизненный выбор.

Наши книги (1980)

Первая настоящая книга, которую я прочитал, – «Таинственный остров» Жюль Верна.

До нее были тонкие книжки с картинками и раскраски, но первая толстая и без картинок была именно эта.

На далекий затерянный в океане остров случайно залетают на воздушном шаре пятеро беглецов, спасающихся из плена. Попав на необитаемый остров, они пытаются выжить и постепенно, шаг за шагом, налаживают там жизнь.

Из единственного пшеничного зернышка, оказавшегося в кармане одного из беглецов, им удается вырастить первый колосок. Из колоска засеять грядку, а из грядки потом – целое поле. Им удается приручить диких животных и устроить настоящую ферму.

Год идет за годом, и человеческий труд, смекалка и знания превращают безжизненный далекий остров в обжитой уютный дом. Лишь концовка книга смущала неожиданным фантастическим финалом, где появляется старый капитан Немо со своей невероятной подводной лодкой «Наутилус».

Это была первая книга, которую я прочитал сам, по собственному желанию и инициативе, а не по школьной программе. Оказалось, что читать не «по программе» – это безумно интересно и совсем не скучно.

Уже тогда я заметил – в школе задают читать неинтересные книги. Если хочешь что-то увлекательное, нужно искать самому.

Прочитав эту первую толстую книгу, я попросил маму найти что-нибудь еще, но у нас книг почти не было. «Домашняя библиотека» была большим богатством. Шкаф, заполненный книгами, был редкостью, по крайней мере в нашем доме такого почти ни у кого не было.

Но мама нашла знакомую, у которой книги были, и повела меня к ней. Там я и стал брать на время что-нибудь почитать. С этого момента было прочитано огромное количество приключенческой литературы типа «Трех мушкетеров», «Шерлока Холмса» или «Последнего из могикан».

Но более всего мне тогда нравилась советская фантастика, особенно «Тайна двух океанов».

Сверхсовременная советская подлодка плавает в глубинах мирового океана. Она – лучшее достижение наших ученых. Так же, как в «Таинственном Острове», эта книга была про

изобретения и труд. Но Жюль Верн писал про нитроглицерин, который понадобился, чтобы взорвать гранитную скалу, а тут был придуман современный ультразвуковой излучатель, чтобы поражать вражеский объект.

Врагом была японская эскадра.

Эти книги, и наши, и иностранные, были очень «советскими» и правильными – про любовь к науке и патриотизм. Они хорошо впитывались молодыми пионерскими мозгами.

Но главной книгой юности стал роман Джека Лондона «Мартин Иден». Я прочитал ее летом 80-го, когда только поступил в техникум.

Обычный моряк, парень из самых низов случайно знакомится с красивой умной девушкой из высшего общества.

Он прост, груб и плохо образован. Но для смеха и из снисхождения к увлечению дочери ее родители позволяют Мартину бывать у них дома. Моряк потрясен высшим светом, его «высокими» идеалами и решает полностью изменить свою жизнь.

Он будет писателем!

Но, не умея даже грамотно писать, он вынужден начать с азов и погружается в самообразование: читает книги, философские труды, работает над языком.

Он пишет рассказы и рассылает их повсюду, но никто не хочет их публиковать. Нужно на что-то жить, и он днем работает в прачечной, а по ночам продолжает писать рассказы. Но их все так же отсылают ему назад. Девушка, из-за которой он и устремился в этот «высший свет», уходит от него. Родители ищут для нее более подходящую партию.

А он все пишет и пишет, работает и работает.

И за труды ему воздается – наконец одно издательство случайно печатает его повесть. Она производит фурор. Одно за одним издательства наперебой выпрашивают у него книги, предлагая за публикацию большие деньги.

Мартин становится знаменитостью, его приглашают в лучшие дома и клубы. К нему возвращается девушка, ради которой он когда-то бросил свой простой моряцкий мир. Но увидев, что она вернулась не к нему, а к его богатству, он отказывается от нее.

Когда к нему приходят слава и деньги, когда приходит все то, ради чего и было это нечеловеческое напряжение сил, он наконец-то все понимает.

Эта жизнь становится ему неинтересна.

Он покупает билет на пароход и где-то посреди огромного Тихого океана бросается в воду и уходит вглубь навсегда…

P.S.

Я не мог заснуть после этой книги несколько дней. «Мартин Иден» перевернул мою жизнь.

Если ты хочешь познать что-то высшее, недостижимое – борись. И даже если мир наверху неидеален, этот путь стоит того, чтобы его пройти. Ведь нет ничего величественнее, чем, достигнув вершины, познать ее несовершенство.

Техникум (1980–1984)

Почему мы с другом решили уйти из школы и поступить в техникум, для меня до сих пор остается загадкой.

Хотя у нас и был конфликт с классной руководительницей, его можно было замять. Школу я не любил, но все равно четкого и логического объяснения этому шагу у меня до сих пор нет.

Когда мы вернулись в Горловку, я влился в третий класс чужой для меня школы. Там уже были сформировавшиеся компании, интересы, и я в них не вписывался. Детское восприятие обид, неудач и оплошностей быстро сформировало у меня стойкую нелюбовь к новой школе. Мне казалось, что я был там каким-то незаметным, серым, забитым учеником. А мне хотелось быть вожаком. Но как стать вожаком, если вокруг – враждебные детские компании, которые тебя не замечают и обижают?

Единственным другом стал Игорь.

Нас посадили за одну парту, мы быстро сдружились и у нас сразу появились свои, отдельные от других, интересы, планы и истории. Мы были неразлучны и все время придумывали какие-то игры в тайные общества и подпольные организации, противопоставляя себя остальным ученикам.

Тайком, поздно вечером, когда на улице уже темнело, мы чертили мелом на асфальте школьного двора три буквы – ТПО.

«Тайную Пионерскую Организацию» мы учредили в пятом классе.

Выпускное фото

Горловский машиностроительный техникум

В ней состояли два человека – Игорь и я. Был написан устав и клятва, мы собирались бороться за все хорошее и против всего плохого! Нам казалось, что у всех наших одноклассников примитивные интересы и шутки. Называя себя пионерами, они на самом деле живут совсем не по «пионерским» ленинским принципам.

Наверное, наше поступление в техникум было своего рода неосознанным побегом из нелюбимой школы, от неинтересных

друзей.

И вот, мы оставили школу и поступили в техникум. А это многое тогда меняло и значительно предопределяло будущее.

Советская система среднего и высшего образования четко выстраивала следующую этапную лестницу: сначала восемь классов общего образования для всех детей – это был минимум в любых городах, районах, селах и деревнях. Далее, после восьми классов, ты мог выбрать: или идти в ПТУ (тогда ты будешь простым рабочим), или идти в техникум (тогда ты будешь мастером или прорабом у этих рабочих). А можешь продолжить учиться в школе, заканчивать десятилетку.

После десятого класса все поступали в институты. Тут тоже был свой выбор, попроще или посложнее, но в любом случае институт – это уже было высшее образование.

После института ты точно не будешь рабочим, а станешь каким-нибудь инженером, врачом, ученым, артистом, в общем, кем угодно, но не рабочим. И все школьники, которые хорошо учились, стремились поступить в институт.

Мои родители вышли из простых крестьянских семей, и выбор сына – пойти в техникум – сразу одобрили: у тебя будет хорошая нужная специальность!

В Горловке в то время было три или четыре техникума, мы выбрали наугад один из них – машиностроительный.

С этого момента у меня начались четыре года настоящего счастья, именно эти четыре года учебы в Горловском машиностроительном техникуме определили многое. Попав в новую компанию, где все учащиеся встретились впервые, мы с Игорем сразу стали центром коллектива и нашли много новых друзей. Поразительно, но уровень образования ребят и девушек, которые поступили тогда в техникум, оказался совсем не ниже, чем уровень тех, кто остался в школе и стал готовиться в институты. Скорее, даже наоборот, тут у всех было больше мотивации и организованности.

В техникуме я наконец-то почувствовал драйв от учебы и получения знаний. Если в школе я был обычным хорошистом и особо не стремился к высоким оценкам, то тут я завелся: я должен стать отличником по всем предметам!

P.S.

Мне нравилось хорошо учиться. Я получал от этого кайф.

И мгновенно выросли крылья, захотелось еще большего. Уже на втором курсе я понял, что после техникума буду обязательно

поступать в институт, а на третьем курсе уже точно решил, что двину в Москву.

Командир

Советская система с детства воспитывала «командиров».

В детском саду все дети были примерно равны, а вот в школе уже начинался «отбор».

С первого класса мы становились октябрятами и делились на звездочки. В каждой звездочке – командир. Тут выбор был скорее случайным, в этом возрасте трудно разглядеть зачатки лидерских качеств. Но в любом случае получение какого-то звания сразу делало ребенка более ответственным.

С третьего-четвертого класса из октябрят мы переходили в пионеры.

Тут структура и деление были более сложными, появлялись звенья, отряды, дружины. Пионерское звено – это не менее трех пионеров. Отряд – это обычно класс. Дружина – совокупность пионерских отрядов школы. В каждом отряде, дружине выбирался совет и соответственно председатель совета отряда, дружины. Из этих председателей или членов совета формировался слет дружин района, города, области. На слетах формировались пионерские штабы района, города и т. д.

В каждом штабе был командир.

Сейчас это звучит странно и, возможно, воспринимается громоздко, но тогда в реальной жизни это нас совсем не утомляло. Наоборот. Всякое награждение очередным попаданием в совет дружины или в городской штаб воспринималось как удачный ход в своеобразной игре во взрослую жизнь, где почетно быть командиром.

С восьмого класса начинался комсомол, где была уже своя организационная структура и иерархия «званий». В основе всего лежало комсомольское собрание, которое выбирало свой комитет и секретаря комитета. Такая структура была во всех старших классах школы и во всех вузах.

Кроме этой обязательной цепочки «октябренок – пионер – комсомолец» существовали еще и параллельные ветви.

В летних пионерских лагерях всегда выбирали командиров отрядов. Обычно в смену было в среднем по десять отрядов, соответственно – десять командиров. Каждое утро, по очереди, один из командиров выводил шеренгой свой отряд и торжественно поднимал флаг на утренней линейке.

Кроме этого, в институтах появлялись еще профком и студсовет, где выбирали председателя профкома и студенческого совета. Отдельная жизнь – стройотряды. В каждом строяке были командир, мастер и комиссар.

И в результате получалось, что молодой человек, выходя во взрослую жизнь, уже многократно проходил через сито отбора командиров.

Если в тебе проявились хоть какие-то лидерские качества, ты просто не мог не оказаться командиром октябрятской звездочки, председателем совета пионерского отряда или дружины, членом комитета или секретарем комитета комсомола, профоргом, членом студсовета, командиром, мастером или комиссаром стройотряда.

Будучи однажды выбранным хоть кем-то из вышеперечисленных, ты уже взваливал на себя ответственности чуть больше, чем несли остальные. Так воспитывались характер, отношение к делу и коллективу.

Именно из них, из этих командиров, председателей, секретарей, мастеров и комиссаров в результате и выросли современные руководители и бизнесмены.

P.S.

Мы часто называем советскую систему уравниловкой, критикуя ее за серость и однообразие. Но глядя из сегодняшнего дня, я не могу не отметить, что именно вчерашняя советская система воспитывала «лидеров». А сейчас, когда царит свобода, демократизм в образовании и толерантность во всем, мы, наоборот, выравниваем всех детей под одну гребенку, и уже очень трудно выявить настоящего лидера, КОМАНДИРА.

Коммунизм (Весна 1982)

Моральный кодекс строителя коммунизма, который висел на стене в каждой советской школе, – это длинный и скучный список требований: какими мы должны быть, чтобы достичь коммунизма.

Там было что-то про честность, порядочность и интернационализм. Но главное, нужно много работать, ибо кто не работает, тот не ест. Из кодекса следовало, что основные наши враги – это лентяи и тунеядцы. Именно они и мешают достичь желанной цели.

Поэтому первостепенной задачей на текущем этапе виделась борьба с тунеядством.

Нужно всего лишь убедить всех людей честно работать, и будет счастье! Тогда мы и достигнем финальной формулы коммунизма – от каждого по способностям, каждому по потребностям. Но именно эта конечная формула коммунизма и вызывала вопросы и внутренние сомнения.

Мы призываем всех работать по способностям, но способности у всех разные. И одновременно каждому обещаем раздавать по потребностям, а ведь потребности могут быть любые. Это как? То есть можно толком не работать, а получать зарплату, какую захочешь? И при этом что захотел, то и покупай? Это было трудно понять школьными мозгами, и коммунизм воспринимался как некое далекое будущее, когда люди изменятся и станут лучше и честнее.

Каким он будет, человек далекого коммунистического общества?

В незрелых детских и юношеских головах рисовались люди в белых туниках, звездолеты и подводные корабли. Представлялась фантастика, но при этом была и уверенность, что она достижима.

Диалектика исторического материализма, которому нас учили со школьной скамьи, диктовала четкую последовательность стадий исторического процесса: вначале был первобытнообщинный строй, потом феодальный, затем капитализм, на смену которому и пришел социализм. За этой четвертой по счету формацией и должен следовать, собственно, коммунизм. Если историческими фактами подтверждалось наступление четырех предыдущих фаз, то, по логике, должен был настать и финальный, окончательный исторический этап. Тут логика не давала сбоя, и детский разум не ставил этот факт под сомнение.

Но каким он будет и когда наступит – об этом учителя не говорили.

В учебниках как-то мельком упоминалась фраза Хрущева, что коммунизм наступит в 80-х. Но преподаватель научного коммунизма осторожно уточнял, что коммунизм – понятие растяжимое во времени и что Хрущев, скорее всего, говорил лишь о первых ростках коммунизма в социалистическом обществе.

– И вообще, мы до сих пор окружены державами капитализма, нашими злейшими противниками, и потому сроки наступления коммунизма, по-видимому, чуть сдвигаются, – объясняли преподаватели.

Короче говоря, неясность в этом вопросе чувствовалась, но сомнений в наших головах не было. Мы его достигнем!

Мы были молоды, и жизнь тогда бурлила. Голова вскипала от новых мыслей, идей и перспектив будущего. Я чувствовал в тот год невероятный подъем. Открытие русской классики и современной литературы, первые мечты о будущем, о поступлении в институт в Москве будоражили молодые мозги. Мы с другом выпускали студенческую газету, сочиняли книгу, писали сценарий спектакля. Я вгрызался в учебники математики и физики и каждую минуту был чем-то занят, но хотелось сделать еще больше.

Именно тогда, весной 1982-го, я вдруг понял, как это – жить при коммунизме!

Мы шли с Игорем ранним утром от трамвайной остановки к техникуму. Путь был длинный, километра два и мы все время о чем-то болтали, спорили.

– Вот смотри, коммунизм – это формула: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Игорь, а ведь я готов к этому уже сейчас! – остановил я друга на полпути, – Я готов жить по этой формуле: отдавать все свои силы и способности стране, обществу и ничего не просить взамен.

– Точно. И я тоже, – ответил Игорь.

– Коммунизм – это общество, где люди хотят отдавать стране больше, чем брать себе. Это же так просто! Вот мы сейчас именно так и живем, мы хотим отдавать больше, чем брать.

Мы смотрели друг на друга и чувствовали, что сделали важное открытие.

– Игорь, это означает, что мы с тобой уже живем в коммунизме!

– Да, но пока только мы вдвоем, – засмеялся в ответ друг.

– Но, если так можем жить мы, значит, так могут жить и другие! Когда люди увлечены каким-то делом, когда они могут реализовывать свои способности, тогда человек вдруг забывает о

своих потребностях, ведь в этот момент он достигает высшего счастья и эйфории.

Мы шли в тот день по дороге с абсолютной уверенностью в себе, мы знали куда идем и понимали, что нужно делать для достижения цели!

P.S.

Через 10 лет страна повернет от социализма к капитализму. Той цели, которая у нас была, уже нет, а другой мы еще не нашли. О «коммунизме» как о понятии забыто. Но вопрос, как создать общество, в котором каждый человек смог бы реализовать свои способности, – остается.

Если я спрошу сегодня себя, какой кусок жизни за 25 лет в бизнесе был самым важным и продуктивным, то вспомню, наверное, два-три, максимум четыре таких этапа. И все они были тогда, когда я не думал о деньгах.

Если человек находит свое призвание, в нем открывается бездна энергии и хочется тратить ее без остатка, на всю катушку. В этот момент вырастают крылья, и ты летишь, не думая о зарплате, доходах и вообще о деньгах. Они теряют значение.

Когда человек может реализовывать свои способности, ему становятся безразличны его потребности. Это и есть коммунизм!

Комсомольский прожектор (1982)

В советских школах и техникумах кроме учебы нужно было заниматься общественной работой. За это в техникуме отвечал комсорг, молодая бойкая девушка. Должность ее была штатной, но ей нужно было выбрать кого-то из активных учащихся, на кого можно было опереться, и ее выбор пал на меня и моего друга.

Круг «общественных дел» был для того времени типичным: дискотека по праздникам, турнир по шахматам и футболу и что-то еще в том же духе. Нам она поручила рисовать техникумовскую газету.

«Комсомольский прожектор» должен был освещать светлые и темные пятна из жизни нашего учебного заведения. Школьные или студенческие газеты – обычное дело для того времени. Стенгазеты выпускали и до нас, ничего особого в этом задании не было.

Но, взявшись за ее написание-рисование, мы вдруг вошли в азарт!

Игорь начал писать стихи, а я рисовать к ним картинки-сцены в карикатурном стиле. Первая же газета вызвала всеобщий интерес. У стены столпились и ученики, и преподаватели.

После первого неожиданного успеха у аудитории мы сразу взялись за следующий выпуск. Каждые выходные мы собирались у Игоря или у меня и всю ночь что-то сочиняли и рисовали. У Игоря стал вырабатываться его яркий, едкий слог и меткая рифма. А у меня вырисовываться собственный стиль карикатурных персонажей, которыми мы и стали населять большой лист ватмана нашего «Комсомольского прожектора».

Рано утром в понедельник, свернув «газету» в трубу, мы везли ее к комсоргу, чтобы вместе торжественно повесить на стене рядом с расписанием занятий. Каждый раз это становилось событием для техникума, по крайней мере нам с Игорем так казалось.

Всю неделю мы обсуждали с ним персонажей либо искали новые темы, чтобы потом раскритиковать и высмеять это в следующем номере стенгазеты: кто с кем подрался, кто прогулял субботник или… курил в туалете.

«Перемена пришла громкогласая,
От уроков устали дети.
В унитазы окурки выбрасывая,

Курят девочки в туалете.
Пол от пепла уже коробится,
Лица девочек бледно-желты.
Если пудру убрать, посмóтрите –
Это вовсе не лица – морды.
Неужели не страшно, девочки, –
Одряхлеть, разминувшись с юностью?
…Унитазы журчат, посмеиваясь
Над ужасною вашей глупостью!»

Обычно студенческая стенгазета была обязаловкой, но постепенно мы заметили, что нас никто к этому не принуждает. Мы сами хотим что-то в ней написать, что-то придумать, нарисовать и вообще изложить какую-то мысль. Неожиданно для нас самих мы увидели, что из казенной обязаловки можно сделать что-то яркое, смешное и интересное.

Это настолько нас тогда поглотило, что весь год мы жили нашей газетой, рифмами ее стихов и карикатурными образами ее персонажей.

И чем больше мы входили в раж, тем глубже и резче становились темы нашей газеты. Если в первых выпусках мы писали про учащихся и их истории, т. е. про самих себя, то постепенно нам стало этого мало. Захотелось писать про что-то более серьезное, важное и острое. И мы стали писать про преподавателей, а потом еще дальше, вообще про… страну.

Мы не ставили цель выпускать антисоветскую газету. Мы не были критиканами или диссидентами. Какие диссиденты в 17 лет? Но одна из очередных газет взорвала-таки деканат! Замдекана раздраженно сорвал газету со стены и вызвал нас к себе.

Мы были его любимыми учениками, но в тот момент Евгений Григорьевич был взбешен.

Я не помню уже, о чем была та газета, кого и что мы там затронули, какие были там рифмы, о чем были те карикатуры. Но разъяренный Евгений Григорьевич кричал на всю учительскую:

– Вот именно из-за таких, как вы, – и он указывал пальцем на нас, – начнется то, что сейчас творится в Польше!

А в Польше в тот момент происходили беспорядки под водительством профсоюза «Солидарность». Рабочие гданьской судоверфи объявили забастовку, и польская милиция уже несколько недель не могла их разогнать.

Я был советским юношей и в душе точно был против далекой непонятной мне «Солидарности», против всяких поляков и за все

советское. Мы как-то оправдывались, говорили Евгению Григорьевичу, что он не прав. Но на этом выпуск «Комсомольского прожектора» закончился. Мы обиделись, пытались забрать сорванную газету, но замдекана ее куда-то спрятал от греха подальше.

Выпуск газеты закончился, но в нас уже забурлил дух противоречия, и мы решили назло всем, тайно писать… книгу!

Это должен был быть сатирический роман типа «Золотого теленка», но не про давние годы, а про современные дни. Про 80-е! Про наших жуликов и казнокрадов, тунеядцев и партократов! Мы должны высмеять их всех!

Как Ильф и Петров писали «Золотого теленка» вдвоем, так и мы решили писать роман вместе. Мы жили с Игорем тогда одной жизнью, одними идеями и впечатлениями. Мы жадно впитывали литературу, русскую поэзию, песни Высоцкого, рифмы Маяковского. Перечитывали все, что находили свежего в горловских книжных магазинах или городской библиотеке.

Мы были неразлучными друзьями. Два разных склада мышления: я – технарь, он – гуманитарий. Моим коньком были математика, физика, черчение, а он легко писал. У него был точный и выверенный русский язык, легкая рифма и острая мысль.

В общем, сатирический роман, под условным названием «Спортлото» мы стали писать вдвоем. В первый момент мы лишь наметили общий скелет, фабулу романа.

Она была такова: в заштатном советском городишке молодой человек от нечего делать купил лотерейный билет «Спортлото». Он не верил в случайные выигрыши, не пытался что-то просчитать и потому поставил совсем нереальную, не сулящую выигрыша комбинацию. Нужно было выбрать шесть чисел из 49. Он выбрал 1, 2, 3, 4, 5, 6! В выигрыш такой комбинации он не верил и рассказал про свою «нереальную» ставку друзьям и подруге еще до розыгрыша. Сам куда-то уехал, а билет потерял.

Розыгрыш лотереи «Спортлото» показывали тогда в прямом эфире по центральному телевидению на главном первом канале. Ставка была невероятной, но она выпала, и потому выигрыш оказался самым большим в истории СССР – 1 миллион рублей!

Далее начинаются похождения главного героя, а также различных проходимцев, которые, узнав о «выигрыше», ринулись на поиск вожделенного билета. Наша задумка была проста: мы хотели по ходу странствий этого билета по стране с названием СССР показать всех персонажей, населявших ее. Желательно с юмором и гротеском.

Мы были воспитаны на «12 стульях» и «Золотом теленке»

и видели свой роман примерно таким же, но не про молодую советскую республику, а про нашу большую, огромную Родину – СССР.

Это должна быть едкая сатира, но не против, а ЗА!

Ведь Ильф с Петровым смогли как-то так описать советскую действительность, что ты смеялся над ее героями, но не над страной.

Так же, как они, мы видели пороки системы в конкретных персонажах, но не в самой системе. Система была прекрасная и великая, но часть людей, населявших СССР, были смешны и карикатурны.

Так мы тогда думали, так мы и сели писать свой роман.

Мы писали по очереди, один вечер Игорь, один я. Мы передавали друг другу рукопись, не рассказывая о своих задумках, давая каждому свободу в его фантазиях и мыслях. Стиль письма у нас был разный и задумки, естественно, отличались, сюжетные линии ветвились и разрастались. Мы ругались, спорили про детали, запутывая весь сюжет.

Мы сразу придумали, каким будет финал романа – «счастливый» билет, проехав тысячи километров, пройдя через сотни вспотевших от волнения рук, не должен был достаться никому! Но если в «12 стульях» клад, запрятанный в стул, превратился в Дом культуры, то по нашему замыслу он должен был просто улететь, утонуть или куда-то раствориться, оставив проворовавшихся торгашей, жуликов, взяточников и казнокрадов ни с чем. Мы ясно видели эту концовку.

Но как подобраться к ней через дебри сюжета, сочиняемые двумя абсолютно разными по характеру и стилю молодыми людьми? Мы не понимали, мучились, пытались что-то состыковать, но в результате запутывались все больше. И, не пройдя и трети пути, остановились…

Я спрятал пухлую папку с листами на антресоли за старыми вещами, чтобы ее никто не нашел. И роман так и остался недописанным.

P.S.

Через полгода после того, как мы забросили свою книгу, на экраны всех советских кинотеатров вышла последняя комедия Гайдая – «Спортлото-82». Поразительно, но великий режиссер взял за основу своей киноленты ту же самую идею! Случайный билет, случайный выигрыш тот же самый набор цифр – 1, 2, 3, 4, 5, 6.

Герой теряет, ищет и находит свой билет, сталкиваясь по пути с жуликами, авантюристами и спекулянтами.

Мы жили в одной стране, общими переживаниями, мыслями, идеями и страстями.

Литклуб газеты «Кочегарка» (1982)

Однажды мы с другом обнаружили в городе необычное сообщество.

На стене городской библиотеки висело объявление: «В эту субботу состоится очередное заседание литературного клуба газеты "Кочегарка"».

Ради смеха и интереса мы решили туда сходить и так там и остались на целых два года. Раз в месяц, а может, и чаще мы стали посещать это презабавное собрание увлеченных людей.

Там собирались все писатели и поэты города Горловки.

Тут были и профессиональные литераторы типа редактора местной газеты и поэты-любители. Мужчины были в основном старше сорока, а женщины лет 30–35. Мне казалось, что они все незамужние или разведенные: трудно было представить, что у них есть семья, ведь заседания литературного клуба проводились по выходным и иногда длились по три-четыре часа. Я не мог вообразить, например, свою маму, посещающую такой литклуб: она не оставила бы домашние заботы ради таких посиделок.

Мы с Игорем были там самые молодые, нам было по 17. Все литературное сообщество с любопытством на нас смотрело, пытаясь понять, зачем нам это нужно и действительно ли нам это интересно. Но постепенно к нам привыкли, мы стали завсегдатаями. Нас даже полюбили, глядя на нас как на подрастающее литературное поколение.

В первом ряду кресел обычно располагались мастодонты литклуба, именитые и «заслуженные» горловские литераторы и даже один член Союза писателей СССР. За ними – все остальные члены клуба вперемешку, а на галерке садились мы с Игорем. Оттуда удобнее было всех видеть, наблюдать, смеяться и плакать.

В отличие от всеобщей советской казенщины, царившей на телеэкранах, в залах комсомольских, партийных и прочих заседаний, тут был настоящий оазис духовной свободы и раскрепощенности. Всякий раз, как мы приходили туда, мы не знали, что будет дальше. О чем пойдет разговор, кто и что будет читать? Это все время был экспромт.

Экспромт людей свободных, небезразличных, оторванных от реальной жизни и немного странных. Наверное, именно таких людей называют «городскими сумасшедшими». Вместо того чтобы обсуждать производственные показатели своих шахт и заводов или судачить про сплетни соседнего двора, они собирались по

субботам, в свободное от работы время, чтобы обсудить… чужие стихи.

На каждом новом заседании перед публикой выступал поэт.

Он раздавал всему залу свои стихи, предварительно распечатанные на машинке, и, волнуясь, начинал их читать. Он читал их в первый раз. Это было обязательное условие литклуба, это должен быть именно дебют. Или первое прочтения стиха, или даже дебют самого поэта!

Вы когда-нибудь пробовали читать перед публикой стихи, свои собственные стихи? И не просто перед случайными зеваками, а перед аудиторией взыскательных критиков, добрых и едких, надменных и простых, злых и насмешливых? Перед мужчинами и женщинами, перед людьми, которые только для того и собрались, чтобы прямо сейчас обсудить эти твои стихи!

Всякий раз такое чтение было пиком эмоционального напряжения для чтеца, будь он молодым или старым, профессиональным или начинающим. Волновались все. Это чувствовалось и передавалось сквозь ряды вне зависимости от качества литературного материала.

Помню какой-то забавный старик, ему было уже за 70, принес свой очередной стих. Старичок был тщедушный, смешной, совсем лысый, но с живыми глазами и яркой улыбкой. Его все давно знали и потому заранее уже улыбались в предвкушении смешных и наивных стихов, но старались делать задумчивый вид, чтобы его не обидеть.

Стих начинался серьезно, и сначала все держали себя в руках. Но когда очередной своей рифмованной аллегорией он возвестил, что «голова его уже облетела, как одуванчик», зал не выдержал и взорвался от хохота. Мне, как и всем, было безумно смешно и жалко его одновременно.

Сразу после чтения начинался подробный разбор стиха.

Какие были рифмы? Какой размер: ямб или хорей, дактиль или анапест? Где автор сделал ошибки, где сбился ритм? У кого из великих он «украл» ту или иную рифму или мысль. Да и вообще, о чем этот стих?

Это всегда был едкий, жесткий, меткий и интересный разговор, разбор полета.

– Зачем ты это написал?

И вот настал момент, когда такого «разбора полетов» дождался и Игорь. Он тоже писал стихи. Весь зал тогда очень обрадовался, они наконец-то дождались! Что же прочтут эти молодые?! О чем будут их стихи?

Игорь, как и все, волновался. Долго выбирал, какой свой стих прочитать и решил читать «Про осень».

«Осень ворвалась, играя ветрами,
Землю врасплох застигла,
Грубо скрутила ее облаками
И рассмеялась дико…»

Там было дальше что-то про лето, про непогоду и тепло, которое хочет пробиться сквозь ветер и ливни. Зал дослушал все внимательно до конца и… ничего не понял. Все ждали чего-то резкого, про молодость, про любовь или задор. А тут какая-то лирика про погоду и времена года.

И только член Союза писателей СССР понял все. Он сам взялся за анализ и долго, витиевато объяснял Игорю и всем остальным, что «так нельзя», что «это слишком», но он понимает, что «это молодость» и «все пройдет». Речь его была длинная, с экскурсами в историю. Он не старался всем что-то сразу прояснить, а лишь намеками стал разъяснять залу суть.

И до всех постепенно начал доходить потаенный смысл стиха, что «осень» – это ОКТЯБРЬ и что «зима» – ЗАСТОЙ.

– Ох уж эти, молодые, – заохал зал.

P.S.

Через много-много лет у меня появилось увлечение: я стал скупать в московских антикварных лавках прижизненные издания поэтов Серебряного века. Тогда, в нулевые, эти потертые, истрепанные книжечки Блока, Есенина, Ахматовой, Гумилева были никому не нужны в Москве.

Приходя на редкие книжные аукционы, я вдруг обнаруживал, что за книжки собираюсь торговаться только я, и потому мне удавалось покупать их почти даром. Постепенно я собрал почти все, дома накопилась большая библиотека. На меня, респектабельного московского банкира, с удивлением смотрели тогда антиквары.

Зачем ему нужны эти «стишки»?

Наверное, какой-то чудак, «городской сумасшедший»…

Голос
(Январь 1982)

У родителей был радиоприемник «ВЭФ – Спидола».

Каждый вечер я пытался ловить на нем «Голос Америки» или «Немецкую волну». Приемник хрипел, шипел, слова с трудом пробивались сквозь эфир, нужно было все время крутить колесо настройки.

Народ рассказывал, что так наши глушат «вражеские голоса». Но в реальности причину помех понять было трудно. То ли действительно работали глушилки, то ли это были обычные помехи эфира, то ли барахлил сам радиоприемник, он у нас был уже старый. Приходилось вслушиваться в шипящий эфир, вылавливая оттуда незнакомые фразы и слова.

Там не говорили что-то сверхзапретное или такое, от чего взрывались мозги. Но голоса ведущих были свежими, новыми, они смеялись в эфире и вели беседы в том непринужденном стиле, которого так не хватало советскому телевидению и радио.

Слушать «Голоса» считалось запретным, хотя формальных приказов об этом не было. Но кто может запретить тебе крутить ручку собственного радиоприемника?

Мы не обсуждали услышанное во дворе, но почти в каждой семье был радиоприемник, который ловил короткие волны. Вечером я прятался в своей спальне, плотно прикрывал дверь от родителей и настраивал эту волну, чтобы послушать что-то новое. Я чувствовал себя как разведчик, принимающий шифрованную запрещенную радиограмму откуда-то с другой стороны земли.

Мы были пионерами и комсомольцами, свято верили в дело строительства коммунизма, но при этом страстно хотели услышать что-то свежее.

«Голоса» не говорили о каких-то фундаментальных несовершенствах социалистической системы, там не критиковали партию и советское правительство, там просто рассказывали о фактах и новостях, о которых говорили все вокруг, но почему-то молчал телевизор.

Оттуда, с волн «Голоса Америки», я впервые услышал Высоцкого – в день, когда он умер.

Мне было всего 15, и кто такой Высоцкий я вообще не знал. Всю ночь без остановки «Голос Америки» крутил его песни. Только тогда я вдруг и понял, что все «блатные» песни, что мы пели во дворе под гитару, были ЕГО.

«В тот вечер я не пил, не пел –
Я на нее вовсю глядел,
Как смотрят дети, как смотрят дети.
Но тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Что мне не светит…»

15 лет – тот возраст, когда ты начинаешь не только впитывать мир, но впервые пытаешься его понять. Мы с другом влюбились в Высоцкого и стали жадно глотать все, что можно было о нем узнать. Мы вслушивались в тексты его песен, в двойной смысл его строк, и приходило новое понимание того, что нас окружало.

Советская жизнь наконец-то становилась понятнее и яснее, мы чувствовали ее более полно. С ее правдами, бедами, нервами и страстями.

P.S.

Зимой 1982-го на каникулах техникумовской группой мы впервые поехали в Москву.

Оказавшись в столице и выбирая куда пойти, из огромного списка музеев, театров, магазинов мы выбрали Высоцкого и поехали на его могилу.

25 января, в день его рождения, там собралась огромная толпа. Народ стоял молча, люди передавали вперед цветы – положить у могилы. Но вдруг кто-то включил магнитофон, и в морозном январском небе над Ваганьковским кладбищем стал подниматься его хриплый рубленный голос.

«Посмотрите – вот он
без страховки идет.
Чуть правее наклон –
упадет, пропадет!
Чуть левее наклон –
все равно не спасти…
Но должно быть, ему очень нужно пройти
четыре четверти пути…»

Брежнев (Ноябрь 1982)

Все наше детство прошло при Брежневе.

Когда я родился он уже стал Генеральным Секретарем. Я ходил в детский сад, учился в школе, поступил в техникум, а на самом верху оставался все время один и тот же человек, Леонид Ильич. Он выглядел важным, спокойным и мудрым, как и положено главному человеку страны. Вся система управления казалась правильной и честной. Каждые пять лет проходили выборы в высший орган страны – Верховный Совет СССР. Они были свободными, всенародными, прямыми, тайными, но… безальтернативными.

Сегодня, когда на выборах депутатов пестрят фотографии трех – пяти, а то и десяти кандидатов на каждое место, трудно представить, что такое возможно, но тогда в бюллетенях для голосования всегда стояла только одна фамилия. У избирателя было право выбора, но не между различными кандидатами: можно было проголосовать либо ЗА, либо ПРОТИВ этого одного кандидата.

Подавляющее большинство голосовало ЗА.

Всякие выборы – это было событие! На улице играла музыка, повсюду надували воздушные шарики, продавали конфеты и всякие сладости. Папа и мама красиво одевались, брали нас, детей, и шли голосовать, как на праздник. Никто их не заставлял идти на выборы, не принуждал. Все шли свободно и добровольно.

Проголосовав, родители между собой обсуждали кандидата. Что они слышали о нем, чем он известен. В Горловке обычно выдвигали какого-нибудь знатного шахтера или токаря с местного машиностроительного завода. Люди эти были всем известны, и никогда такие кандидаты не вызывали сомнения, они были достойны выбора.

Похороны Л.И. Брежнева

Сам список «кандидатов» формировался где-то наверху в горкомах и обкомах партии. Каким образом именно этот конкретный токарь или шахтер попадали в бюллетень для голосования, оставалось непонятным, процедура выдвижения кандидатов была неясна. Но когда подводили итоги и объявляли, что 99,5 % избирателей проголосовали «за», то сомнения пропадали.

Люди сделали свой выбор, все честно.

Почти 100 %-ный результат голосования за предложенных кандидатов как бы подтверждал право партии и формировать список, и вообще, быть главной рулевой силой в стране. Если люди настолько единогласно поддерживали этот «партийный» список кандидатов, то какие могут быть сомнения в руководящей роли самой партии.

Потом избранные депутаты собирались в Москве, где в прямом эфире, под телекамерами единогласно выбирали Президиум Верховного Совета. Это действо было настолько открыто, торжественно и добровольно, что воспринималось всеми, как абсолютно свободное волеизъявление. Все – честно.

Наверху собрались самые достойные.

Приехав той зимой в Москву, мы случайно купили билеты на хоккей, играли «ЦСКА» и «Динамо». И вдруг зрители стали шептаться и показывать пальцем куда-то вдаль, в сторону правительственной ложи. Наши места были по диагонали напротив, и через громадную ледовую арену я всматривался в едва различимую тучную фигуру в темном пальто.

Фигура была далеко, но, мне кажется, я даже разглядел густые брови.

Это был он – самый главный и важный человек в СССР.

Никаких солдат в коридорах ледового дворца я не заметил. Никакой излишней суеты вокруг не было. Впервые оказавшись в Москве, мы случайно купили билеты на какой-то обычный проходной матч, но волей случая на него пришел и ОН. Я долго потом рассказывал всем, что видел Брежнева.

Он сидел на противоположной трибуне и смотрел свой любимый хоккей. Возможно, в последний раз в своей жизни.

А через полгода, в ноябре, центральное телевидение объявило: умер Леонид Ильич Брежнев.

В тот момент замерла страна.

В горле застрял комок, и от волнения затряслись руки. Нет, я не плакал, но мгновенно пришло ощущение, что в жизни начинается что-то абсолютно новое. И мы прильнули к телевизору, пристально наблюдая за каждым шагом той долгой траурной процессии, провожавшей его тело к кремлевской стене.

«Вчера до глубокой ночи и сегодня утром продолжается прощание трудящихся Москвы, представителей других городов и союзных республик нашей страны, а также зарубежных делегаций с Леонидом Ильичом Брежневым…

10 часов 15 минут.

В последний почетный караул у гроба покойного встают товарищи Андропов, Горбачёв, Гришин, Громыко, Кунаев, Романов, Тихонов, Устинов, Черненко, Щербицкий, Алиев…

Под звуки траурных мелодий гроб с телом Леонида Ильича Брежнева выносят из Колонного зала и устанавливают на артиллерийский лафет. Кортеж медленно направляется на Красную площадь. За гробом в скорбном молчании идут руководители коммунистической партии… Впереди процессии венки от ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета, от трудовых коллективов. На алых подушечках советские награды и награды многих зарубежных государств… Красная площадь заполнена народом. В четком строю войска московского гарнизона. Траурная процессия останавливается у мавзолея. Гроб с лафета переносят на постамент. На центральную трибуну мавзолея поднимаются руководители коммунистической партии и советского государства.

Траурный митинг открывает Генеральный Секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов:

– Товарищи, тяжелая утрата постигла нашу партию, наш народ, все передовое человечество. Сегодня мы провожаем в последний путь Леонида Ильича Брежнева, славного сына нашей Родины, пламенного марксиста-ленинца, выдающегося руководителя Коммунистической партии и Советского государства…

Процессия направляется к кремлевской стене.

12 часов 45 минут.

Гроб с телом покойного опускают в могилу».

P.S.

В этот момент что-то упало и гулко грохнуло. То ли это был звук первого артиллерийского залпа, то ли гроб реально уронили, но вся страна вздрогнула.

Это не к добру…

Донецкий «Точмаш» (Лето 1983)

Первая профессия, которую мне вписали в трудовую книжку, была токарь. После третьего года техникума нас направили наконец-то работать на производство. Я точил танковые снаряды на донецком заводе «Точмаш».

Чтобы из чугунной литой чушки получился сверкающий тонкой резьбой снаряд, болванка должна пройти через последовательный ряд двух десятков токарных станков. Сначала грубый резец первых трех станков снимал верхний слой окалины. На следующих станках сверло вытачивало сердцевину. Потом нарезалась резьба, одна снаружи, другая внутри. Накручивались какие-то медные кольца, вставлялся патрон, и уже где-то в дальнем конце огромного цеха снаряды укладывались в аккуратные деревянные ящики зеленого цвета с гербом и штампом «Министерство обороны СССР».

Меня поставили в самом начале этой цепи.

Это были первые три грубых станка, тут точность токаря была не очень важна, и сюда часто ставили новичков типа нас, практикантов. Но в то же время именно это место в самом начале конвейера сразу давило на тебя всей ответственностью. Если что-то шло не так, что-то ломалось или шел брак, вся цепь станков сразу останавливалась. И все работающие дальше по цепи токари-ветераны гулко кричали:

– Чего встали, что случилось?

Тут, на первых станках, ты не мог остановиться, не мог отойти, когда захотел. А станки все время ломались, иногда шел брак и потому нервы все время были на пределе. Мы жили тогда в рабочем общежитии, в трехстах метрах от проходной, и неделя превращалась в бесконечную череду рабочих смен с коротким перерывом на обед и сон. Мы очень уставали.

Только через месяц я наконец-то втянулся, разобрался в деталях, ведь у каждого токарного станка свой характер и свои привычки. Кого-то нужно гладить, кого-то бить кувалдой. Где-то нужен ключ, а где-то необходимо подлить масло. Когда я стал чувствовать все три станка, понимать их характеры и нрав, дело пошло. Я даже научился бороться с монотонностью рабочего процесса, читая про себя стихи. Хорошо шел Маяковский: «Облако в штанах», «Про это». Я даже стал привыкать к работе, нервная и физическая перегрузка стали уходить. Но все равно внутреннее ощущение, что монотонная тяжелая работа, поточная линия

производства и вообще рабочая специальность – не мое, нарастало. В те дни, работая токарем на заводе «Точмаш», я и принял окончательное решение, что после техникума поеду поступать в институт.

Нужно менять жизнь кардинально.

Однако времени на серьезную подготовку уже почти не было. Производственная практика должна была закончиться зимой, и до экзаменов в институт осталось бы только три-четыре месяца. Этого мало, чтобы подготовиться к поступлению в хороший вуз. А ведь нужно было еще писать техникумовскую дипломную работу. Последние два года нам не преподавали ни математику, ни физику, а они мне были нужны. Начиная с третьего курса нас учили специальным предметам: металловедению, гидравлике, электротехнике и прочему. В общем, из нас готовили токарей, а мне нужна была математика и физика, так как я уже задумался о Москве.

Была ночная смена, когда от усталости, недосыпа и просто по невнимательности тяжеленный танковый снаряд свалился мне на руку. Носилки, заводской медпункт и переполох цехового начальства – так закончился мой непродолжительный трудовой опыт!

P.S.

Это была случайность, оплошность, обычная производственная травма, но именно она дала мне столь необходимые полгода свободного времени для подготовки к вступительным экзаменам в институт. Наверное, это был знак – пора ставить точку и начинать новую жизнь.

Журнал «Квант» (Зима 1983–1984)

Из всех советских журналов моим любимым был «Квант».

В конце каждого номера я находил главное, то, ради чего и выписывал этот журнал, – задачи по математике и физике, предлагавшиеся в прошлые годы на вступительных экзаменах в ведущих технических вузах СССР, как областных центров типа Томска, Киева, Ленинграда, так и столичных, включая МГУ, МИФИ и МФТИ. Там были примеры экзаменационных задач уже давних, 1970-х годов, но были и совсем свежие – за 1980-й, 1981-й, 1982-й. Сначала шли сами задачи, а в конце ответы к ним. Решая их, ты мог как бы поэкспериментировать, ответить на вопросы: что тебе по силам? Куда ты смог бы поступить?

И вот, взявшись за их решение, я постепенно стал чувствовать и осознавать градацию советских институтов. Чем «столичнее» и именитее был вуз, тем сложнее были вступительные задания.

Искусство составления задач по математике и физике для вступительных экзаменов тех лет до сих пор для меня великая загадка! Как можно придумать абсолютно новую задачу, скажем, по стереометрии? Да еще такую, чтобы заранее ее невозможно было даже представить? Но главное, придумать задачу нужно было так, чтобы ее уровень сложности четко соответствовал уровню престижности вуза, для которого она предназначалась! Я до сих пор не знаю, кто эти люди, работавшие над составлением вступительных задач, но уровень их мастерства был непревзойденным.

АНАТОЛИЙ МОРКОВКИН. ТАСС

ЮРИЙ ДЬЯКОНОВ. ТАСС

1981 г. Студенты у главного корпуса Московского государственного университета

Я начал свои попытки с самых простых задач по математике, предлагавшихся на экзаменах в областные вузы типа Донецка, Ростова или Орла. Но быстро понял, что с ними я справляюсь легко. Чуть сложнее были задачи для университетов Киева, Томска или Новосибирска. Еще сложнее были задачки в ленинградские вузы.

Но особняком стояла, конечно, Москва!

Уровень сложности задач практически любого московского

вуза в те годы был на порядок выше уровня сложности всех томских, новосибирских и киевских вузов вместе взятых.

Когда, пытаясь решать «московские» задачи, я вдруг понял, что они мне по зубам… я и принял, возможно, самое важное решение в жизни: я поеду поступать в Москву! В тот момент я уже не рассматривал другие варианты. Если ты способен решать «московские» задачки, зачем размениваться на что-то еще?

Теперь только в Москву!

Но и в столице имелась своя градация. Сначала, как я постепенно выяснил, по уровню сложности шел длинный список вузов, таких как Московский Горный, МВТУ, МИСИ, МИСиС, МИЭМ, МИЭТ, МАИ и некоторые другие. Таких институтов технической направленности в те годы в Москве было 10–15. Уровень их вступительных задач по математике был примерно одинаковым, и я вскоре понял, что справляюсь и с ними.

За этим первым кругом московских вузов шла техническая элита, ведущая четверка: МИФИ, МФТИ и два факультета МГУ, мехмат и физфак. Подступиться к решению их вступительных задач было само по себе мини-подвигом. Но, разбирая примеры этой четверки, я быстро уловил, что даже тут есть два абсолютных лидера – Физтех (МФТИ) и мехмат МГУ! Их задачки были самые сложные.

На каждом вступительном экзамене предлагались пять задач.

Первую я обычно решал минут за пять – десять. Вторая давалась минут за 15. Она не требовала какой-то особой фантазии или догадки, просто нужно было время, чтобы все аккуратно и четко разложить, помножить, поделить и без ошибок расписать на бумаге. Третья задачка – это была первая преграда, которая требовала напряжения мозгов. На нее могло уйти и полчаса.

Дальше – четвертая! Это была уже очень сложная задача.

Когда я только взялся за «московские» вступительные экзамены, четвертая задачка на Физтех или мехмат МГУ мне не давалась. Лишь длительные тренировки и системный разбор полетов с моим репетитором, Иосифом Моисеевичем Михайловским, научили меня с ними справляться. И далось это не сразу. Я исписывал тонны бумаги, пока искал к ним подходы и методы решения.

В Горловке был химический комбинат «Стирол», он выпускал селитру, гранулированные минеральные удобрения для сельского хозяйства. Упаковывались они в огромные полиэтиленовые мешки. И потому у многих жителей города такие мешки водились в хозяйстве, и каждый приспосабливал их к чему мог. Кто-то хранил в них старые вещи, кто-то картошку на зиму. Я стал

складывать в эти мешки исписанные листы бумаги, которые сотнями ежедневно уходили на решение примеров вступительных экзаменов в московские вузы. Сначала наполнился один мешок, потом второй, третий. К весне 84-го, когда я уезжал в Москву поступать на Физтех, полиэтиленовыми мешками была заполнена вся спальня.

Но самой сложной задачкой была, конечно, пятая!

Это была не просто задача, это была – песня! Гимн уму, интуиции, озарению, терпению и настойчивости. Решить пятую задачку на Физтех или мехмат было невероятно сложно!

Когда я стал договариваться с Иосифом Моисеевичем о репетиторстве для подготовки к поступлению в МФТИ, пятую задачку с трудом мог решить и он сам, хотя четвертую он обычно решал легко. Для решения четвертой еще можно было подсказать общие подходы, принципы решений, типовые схемы, но для пятой это не работало.

– Тут я тебе помочь не смогу, отсюда плыви уже сам, – сказал он.

Зимой 84-го, через полгода после того, как я начал готовиться к экзаменам и засел за решение «московских» задачек, я впервые смог покорить пятую. Я решал ее более трех часов. Это было слишком долго, непозволительно долго, столько времени на экзамене мне не дадут. Но в тот момент я понял, что смогу ее осилить!

Каждый новый месяц: февраль, март, апрель, май – я ждал свежий номер журнала «Квант» в предвкушении очередной пятой задачки из вариантов вступительных на Физтех или мехмат. И садился ее решать.

Я ставил перед собой шахматные часы и с ударом по кнопке начинал ее решение. Это было невероятно увлекательное путешествие, гимнастика мозгов, полет мысли под строгий метроном шахматных часов. За весну 84-го из всех пятых задачек на Физтех, которые я нашел в старых подшивках журнала «Квант», мне удалось решить всего три или четыре. Этого было мало для 100 %-ного успеха, но тем не менее я решил поступать именно на Физтех.

Я легко мог сдать экзамен в любой московский вуз, их задачки к тому времени я уже решал легко. Но пятая физтеховская мне давалась не всегда и требовала больше времени, чем отводилось экзаменом, и все-таки я сделал выбор в пользу Физтеха.

Во-первых, для поступления, возможно, хватило бы и четырех правильно решенных задач. А во-вторых, именно уровень сложности пятой задачки и говорил мне: Физтех – это высшая

планка среди вузов СССР!

P.S.

Если ты смог хотя бы однажды решить все пять задач, значит, высшая планка для тебя достижима и не стоит соглашаться на меньшее!

Олимпиада МФТИ (Январь 1984)

На круглой тумбе для объявлений, что стояла на пересечении улицы Гагарина и проспекта Победы, кто-то приклеил плакат – «Выездная олимпиада МФТИ».

Я застыл от неожиданности – у нас в Горловке пройдет олимпиада от того самого московского Физтеха, о котором я мечтал, целыми днями решая его вступительные задачи.

Вот теперь можно будет проверить, на что я способен! И заодно увидеть, собирается ли кто-то еще из Горловки пробиться в этот престижный вуз.

О моей подготовке на Физтех знал только друг, с ним я делился всеми планами и переживаниями, а теперь об этом узнают и другие, ведь на такие олимпиады обычно собирались попробовать свои силы лучшие ученики десятых классов. Для них это был выпускной год, и все готовились поступать в институты, они и будут моими основными конкурентами, когда я поеду летом в Москву.

Одно дело – решать задачки, сидя дома, наедине с самим собой. И совсем другое – делать то же самое на глазах других.

Это будет совсем иное испытание – настоящая проверка в реальной «боевой обстановке». Пришел момент попробовать свои силы.

Для моральной поддержки я позвал с собой Игоря. Он в математике и физике был не силен, так как готовился поступать на филологический, но по дружбе пошел со мной.

Сами олимпиады не были для меня новинкой. В первой математической олимпиаде я участвовал еще в школе, в то время это было обычное дело. Но тогда я только начал увлекаться математикой, но это еще не стало страстью. Первая победа пришла позже, в техникуме.

Каждый год в Горловке проводили городские олимпиады по математике и физике среди учащихся техникумов, отдельно от школьных. Считалось, что техникумовский уровень ниже школьного. На той межтехникумовской городской олимпиаде я победил. Сначала по математике, а потом и по физике. Первая победа меня очень окрылила. Наверное, именно после нее и появился вкус к успеху и хорошей учебе.

Любому юноше важно уловить, в чем его конек. Нужно почувствовать, где и что ты можешь делать лучше других. Как только ты понимаешь, что победы приходят тут, то сразу

начинаешь копать еще глубже.

Первый успех придал уверенности, но это была победа среди учащихся техникумов. Учеников школ там не было, и трудно было понять, чего он стоил, тот успех. И вот через два года такой шанс впервые выпал.

Выездную олимпиаду МФТИ организовывал один из студентов Физтеха. Тогда была традиция: студенты, приезжая на зимние каникулы в свой город, должны были заодно провести там олимпиаду, собрав по возможности лучших школьников города. Это была своего рода и реклама Физтеха, и попытка отобрать лучших из лучших.

Олимпиадные задачи не были похожи на типовые школьные задания, они всегда были нестандартные и походили именно на задачи вступительных экзаменов. Они были необычны, но вполне посильны. Нужно было лишь проявить смекалку, чуточку нетривиального мышления. Именно таких студентов искал Физтех.

– Из какой вы школы? – спросили меня на входе в аудиторию, где проходила олимпиада.

– Я из машиностроительного техникума, – ответил я.

Высокий парень в очках, студент факультета аэромеханики и летательной техники МФТИ, который приехал в родную Горловку проводить олимпиаду, удивленно поднял на меня глаза. Все школьники, находившиеся в зале, тоже повернулись в мою сторону. Такое было впервые, чтобы учащийся техникума пришел поучаствовать в школьной олимпиаде наравне с десятиклассниками.

Да еще и не в простой, а в физтеховской.

После короткой дискуссии – а может ли вообще выпускник техникума поступать в МФТИ – мы со студентом Физтеха прояснили: да, в принципе – может.

Мне дали лист с задачками, как и всем, и объявили, что время пошло.

На решение задач отводилось два часа. Я справился быстрее и одним из первых сдал работу. Игорь для вида боролся с задачами, но честно признался, почти ничего решить не смог, все-таки олимпиадные задачи требовали специальной и длительной подготовки. А я к тому моменту уже был хорошо подготовлен: дали о себе знать и упорная самостоятельная работа, и помощь репетитора.

А на следующий день, когда нас позвали на подведение итогов, студент Физтеха торжественно объявил:

– Первое место занял учащийся Горловского машиностроительного техникума.

И вручил мне диплом.

Распределение (Июнь 1984)

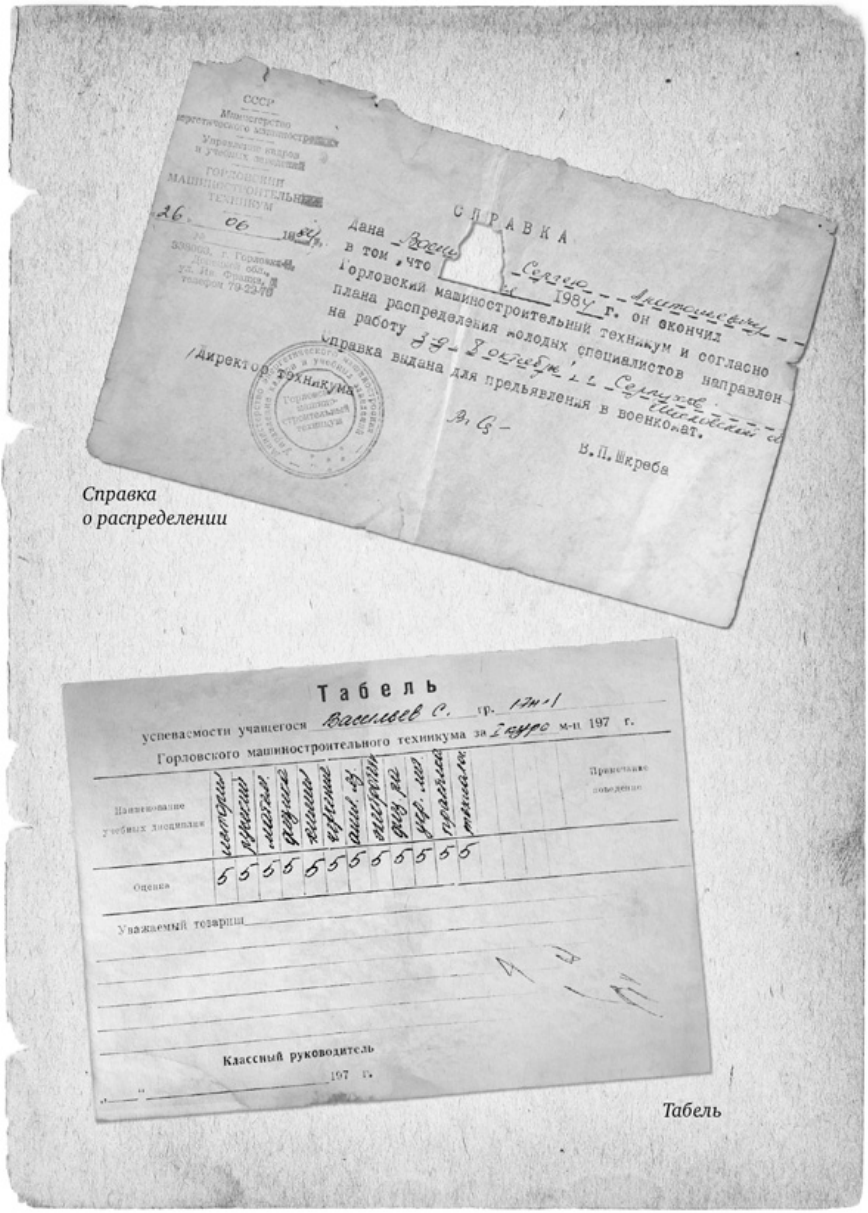
Выпускников нашего техникума распределяли по всему Союзу.

Основная специальность, на которой нас учили называлась «Энергетическое машиностроение». Это предполагало довольное глубокое изучение основ металлургии и металлообработки, от мартеновских печей до токарных и фрезерных станков. Наш курс обучался суперновому тогда направлению – станкам с ЧПУ (числовым программным управлением), там уже применялись первые ЭВМ. Они были еще на перфокартах, но для них уже преподавались основы программирования. В техникумовскую мастерскую привезли первый станок-робот, который должен был работать без человека.

В общем, уровень подготовки в простом машиностроительном техникуме в шахтерском городе был довольно высоким, и спрос на выпускников – соответствующим. Заявки были из различных городов огромного Советского Союза. Так было не только у нас, по этому принципу работала вся система среднего специального образования в стране.

К концу учебы в техникуме ты должен был решить, куда идти работать дальше. Это были твои обязанность и право одновременно.

Обязанность – работать по той специальности, на которую учился. И право – в зависимости от успехов в учебе выбрать место работы для дальнейшего распределения.



СПРАВКА

Дана _____ в том, что _____ Горловский машиностроительный техникум и согласно плана распределения молодых специалистов направлен на работу _____

Справка выдана для предъявления в военкомат.

Директор техникума В. П. Шкреба

Табель

успеваемости учащегося _____ гр. 17м-1

Горловского машиностроительного техникума за _____ м-ц 197 г.

Наименование учебных дисциплин	материаловедение	черчение	сопротивление материалов	детали машин	электротехника	физ-ра	инж. эконом.	практика		Примечание, поведение
Оценка	5	5	5	5	5	5	5	5	5	

Уважаемый товарищ _____

Классный руководитель _____

"___" _____ 197 г.

Справка о распределении

Табель

По уровню «престижности» в том году была следующая градация. На первом месте стоял Ленинград, точнее машиностроительный завод под Ленинградом, в Колпино. Это было самое завидное место работы, и лучшие из учащихся старались попасть именно туда. На наш техникум в Колпино в том году было выделено шесть или семь мест. Далее шли Подмосковные Серпухов и Подольск, оттуда было три или четыре заявки. Потом – волгодонский «Атоммаш» и только за этими

крупными и далекими городами следовал донецкий «Точмаш» и наш горловский «Машзавод». Заявок из дальних городов было много, и более половины учащихся выбирали уехать подальше. Все отличники, заканчивавшие техникум с красным дипломом, стремились в дальние города.

Никто не хотел оставаться дома.

Так было принято в советское время, что молодой человек должен передвигаться по стране. Всеобщее перемещение молодых кадров было нормой системы. Ты получал распределение и после окончания учебы приезжал туда работать. Тебе выделяли место в общежитии, где и начиналась твоя новая трудовая жизнь.

Дальше все зависело от тебя.

Если ты вписывался в коллектив и работу, то ты укоренялся на новом месте. Двигался там по служебной и профессиональной лестнице, вставал в очередь на квартиру и стремился к другим местным благам.

С годами логика продвижения и передвижения менялась. Кто-то мог жениться, выйти замуж и по семейным обстоятельствам поменять работу. Кому-то работа не нравилась, он искал новую. Но в подавляющем большинстве случаев именно место, куда тебя распределили, становилось твоей основной работой. То есть, по сути, ты выбирал место, где продолжится твоя жизнь. Поэтому к такому выбору все относились очень серьезно, и за хорошие места всегда была конкуренция.

К четвертому курсу техникума я был одним из лучших учащихся и шел на красный диплом, где в длинном списке отметок были только пятерки. С таким дипломом я, естественно, мог выбрать любое из предлагаемых мест. И по логике нужно было выбирать Ленинград. Но я уже окончательно решил для себя, что буду поступать на Физтех. Мне не хотелось забирать у ребят, однокурсников, это дефицитное «ленинградское» место, оно бы «прогорело», если бы я поступил в МФТИ и им не воспользовался. Поэтому я выбрал второе по «престижности» место – город Серпухов, его я воспринимал как страховочное, куда пришлось бы распределиться, если бы я так и не поступил на Физтех.

Само поступление в институт после техникума не было свободным делом. Такое право тебе давал только красный диплом, и то не в любой вуз. Чтобы поступать в институт по иной направленности, чем был твой техникум, в красном дипломе количество пятерок должно было сильно превышать количество четверок. Советские правила тут были жесткими. Если ты хочешь иметь право на выбор, право все поменять в своей жизни – будь лучшим.

Я шел на 100 %-ный красный диплом, и такое право у меня было.

В Москву (Июнь 1984)

Московский поезд от станции Никитовка отходил рано утром.

Абсолютно неожиданно проводить меня в этот путь вышел отец. У нас никогда не было с ним длинных задушевных разговоров, мы не вели долгих бесед о жизненных целях и устремлениях. Когда-то он тоже сделал свой прорыв, выбравшись из украинского села в город, поступил в институт и работал теперь на стройке прорабом. Больших высот в жизни он, может, и не достиг, но семья жила в достатке, у нас все было: машина, гараж, дача.

Теперь свой жизненный прорыв наверх, из шахтерского города Горловки в Москву, делал я.

Мои юношеские увлечения математикой, физикой, литературой он не воспринимал всерьез, для него это было чем-то далеким и бесполезным. Он даже не заходил ко мне в комнату узнать, что я там делаю. Что читаю. Какие задачки решаю.

Но вот наступило лето, я окончил техникум и собрал чемодан с вещами, книгами и документами, чтобы ехать поступать в Москву. Мне кажется, всю неотвратимость происходящего он понял только в тот момент. Мы шли пешком до автобусной остановки. Он ничего не говорил, мы оба молчали, но чувствовали бесповоротность происходящего.

Я уезжаю навсегда.

На автобусной остановке ко мне присоединился Игорь. Он тоже был с чемоданом и его тоже вышел провожать отец. Мы уезжали.

Под мерный стук вагонных колес хорошо думалось. Сначала закончились бесконечные шахтерские пригороды, и пошли поля. Донецкие просторы – это в основном степи, и только вдоль дорог стояли высокие тополя, леса начинались уже ближе к Харькову.

Мы ехали покорять Москву. Моя задача – поступить в МФТИ, была не из легких. Я поступал после четырех лет техникума, где учили в основном черчению и металлообработке – это было совсем не про высшую математику. Я много готовился, решил тонну задач, но все равно поступать на Физтех после техникума – редкая наглость. И тем не менее я был внутренне абсолютно спокоен и уверен в себе.

Через центральную Россию поезд проходил ночью, и только под утро мы стали приближаться к столице. Поезда, вагоны и километры переплетающихся железнодорожных путей вели в

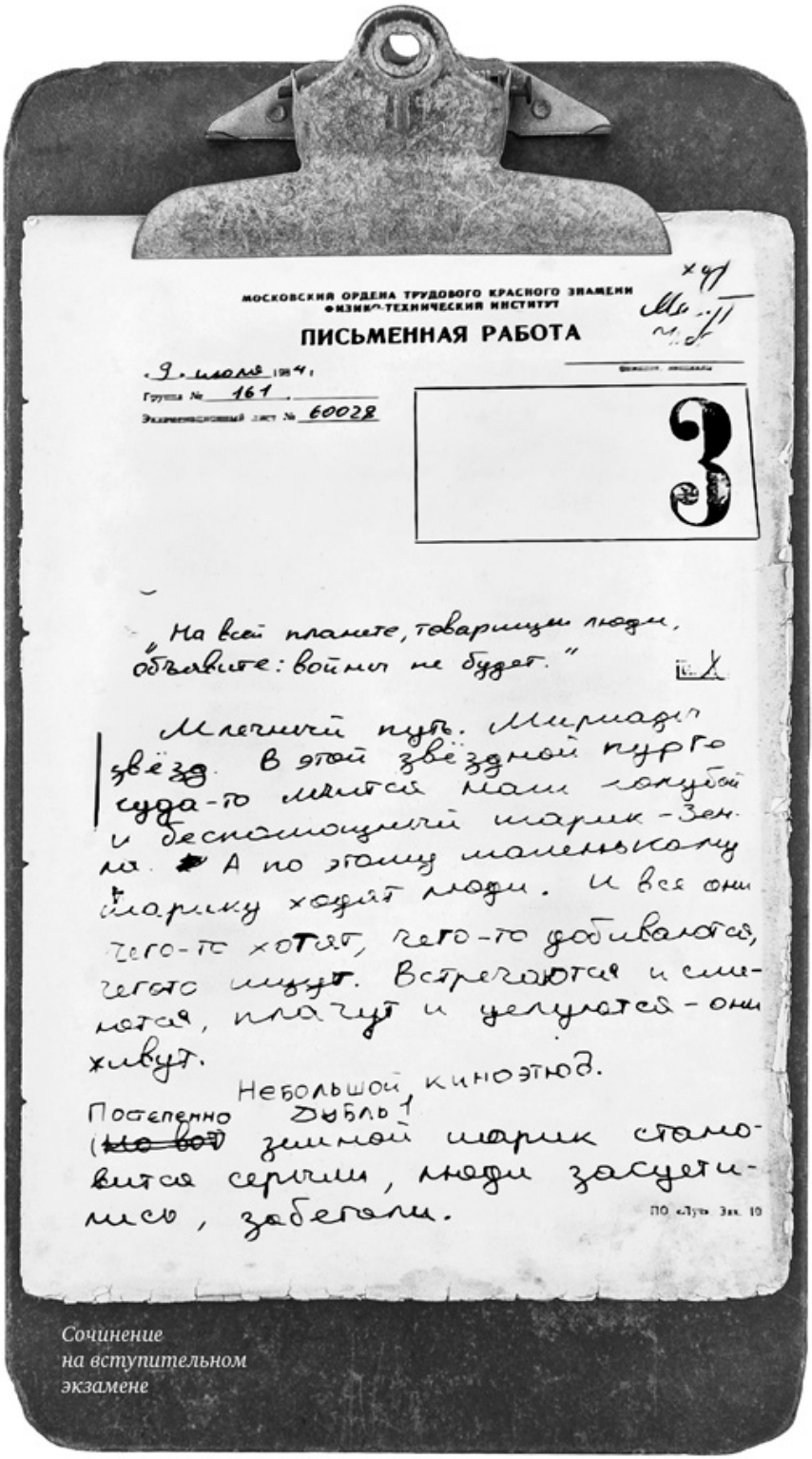
Москву, в центр мира. На Курском вокзале мы с другом расстались, он поехал на Воробьевы горы искать общежитие МГУ, а я искать пригородный поезд на Долгопрудный.

В полупустом вагоне электрички сидели три или четыре молодых парня, таких же как и я: у каждого чемодан. Нас невозможно было ни с кем перепутать. Все мы ехали из разных концов страны покорять столицу.

Волнение нарастало.

P.S.

Это будет самый важный и главный экзамен в жизни. Всё, что случится потом, – все достижения, взлеты и падения, – будет лишь его следствием. Мы не чувствовали себя провинциалами и воспринимали Москву не как город, а как очередную высоту, которую нужно покорить.



МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПИСЬМЕННАЯ РАБОТА

9. июля 1984 г.
Группа № 161
Экзаменационный лист № 60028

3

"На всей планете, товарищи люди,
объявите: войны не будет."

Млечный путь. Миллиарды звёзд. В этой звёздной пурге куда-то мчится наш голубой и беспомощный шарик-Земля. А по этому маленькому шарику ходят люди. И все они чего-то хотят, чего-то добиваются, чего-то ищут. Встречаются и смеются, плачут и целуются - они живут.

Небольшой киноэтюд.

Постепенно дубль 1
(~~на вот~~) зимний шарик столкнется с Землей, люди засуетились, забегали.

ПО «Путь Ильича» 19

Сочинение на вступительном экзамене

Сочинение (Июль 1984)

По русскому в школе у меня была тройка.

Хорошо шли математика и физика, а русский не шел. Я никак не мог усвоить правила русского языка. Где ставить запятые, а где не нужно. Как пишется то или иное слово. Если у тебя логический склад ума, это только мешает. В русском языке нет логики, тут не работает и интуиция. Нужно было запоминать фразы и слова, а я все время пытался «логически» угадывать. Нужно тут ставить запятую или нет? Нужен ли тут дефис? Логика не работала, а интуиция подводила, я не угадывал. В общем, у меня была тройка.

В техникуме русскую литературу мы еще изучали, а «языка» как предмета уже не было вообще, и к окончанию техникума моя грамотность точно не улучшилась. За четыре техникумовских года я, конечно, повзрослел, много читал, влюбился в русскую литературу и поэзию. Мы с другом запоем вчитывались в Достоевского и Толстого, учили наизусть Маяковского и Есенина. Но читать – это не писать! От чтения чужих, хоть и хороших книг, правописание не улучшается.

Когда я решил поступать на Физтех, мне нужны были точные науки, и я погрузился в математику и физику. Трудности на этом пути были столь велики, что заняться чем-то еще уже не было ни сил, ни времени. И в результате я был сравнительно хорошо готов к экзаменам по математике и физике, но по «русскому» у меня был полный ноль.

А в перечне вступительных экзаменов всех советских вузов того времени обязательно стояло сочинение. К нему я не готовился вообще. Тут оставалась только одна надежда: на авось! Авось пронесет, авось как-нибудь…

И вот наконец-то я сдал вступительные экзамены по математике и физике.

Семнадцать, суммарный балл за два письменных и два устных экзамена, – это был отличный результат, на такое я даже не рассчитывал.

Наступил день сочинения.

Я что-то мог написать на тему по Достоевскому или Толстому, если бы выпали они. Их к тому моменту я перечитал уже не раз. Но если будет что-то из Островского, Чехова, Фадеева или Твардовского, это – капут. Их я совсем не читал.

Выпал Островский.

Оставался единственный шанс – писать на свободную тему. В те годы на вступительных экзаменах всегда давали «свободную» тему, когда можно было писать не по конкретному автору или произведению, а «от себя», но на заданную тему.

Нам выпала свободная тема про гонку вооружений и борьбу за мир с эпиграфом из Маяковского: «На всей планете, товарищи люди, объявите: войны не будет».

В первую секунду на меня нашло оцепенение. Ну что можно написать на эту дурацкую тему? А нужно было сочинить минимум четыре страницы. Да еще и написать грамотно, без ошибок. Оцепенение стало переходить в злость на себя, на окружающих, на тех, кто придумал эту идиотскую тему.

Но время уходило, а нужно было писать. Писать сочинение!

И тут, в одно мгновение, на смену злости и беспомощности вдруг пришли наглость и азарт. Куда-то исчезли оцепенение и страх, испарилась ответственность перед экзаменом и судьбой.

В ту минуту, возможно, определялась моя судьба. Я чувствовал это кожей. Если я провалю сочинение, придется возвращаться домой. Тогда осенью меня заберут в армию, а после армии можно забыть о Физтехе и Москве. Ответственность была огромной, но в то мгновение, когда нужно было наконец-то начинать писать, она перестала на меня давить.

И полился поток сознания. Я решил написать «сценарий» боевика глазами американского режиссера.

Если уж эпатировать экзаменационную комиссию, то по полной! Нужно выдать что-то такое, чего они еще никогда не читали, ведь я поступал в лучший вуз СССР. Если уж писать сочинение, то надо именно сочинять! Пусть это будет отсебятина, бред, но это должно удивить. Они должны увидеть, что я пишу это сходу и придумываю сам.

План «сценария» был такой. Американский режиссер снимает боевик о начале третьей мировой войны. Там будет ядерный гриб, истребители и танки. Картинка должна развиваться стремительно, как это и бывает в настоящем боевике. Они, американцы, беззаботно думают, что им удастся нас победить, что они выживут в той войне и останутся на земле королями.

Сюжетная линия в голове развивалась стремительно. К чему в результате придет повествование, я в тот момент еще не придумал, концовки пока не было. Но можно было уже начинать, главное – не делать ошибок. Объем текста требовался не такой уж большой, но и в нем было легко напортачить.

Я решил писать короткими фразами. В одно, максимум два слова. В таких фразах не будет сомнений с запятыми, их там ставить будет негде.

Сочинение я начал так: «Млечный путь. Мириады звезд».

Точка. Пока я точно ошибок еще не сделал, все шло нормально. Но продолжать в этом духе будет трудно, рано или поздно придется удлинять предложения, и далее я написал: «В этой звездной пурге куда-то мчится наш голубой и беспомощный шарик – Земля».

Здесь я остановился и задумался, нужно ли ставить тире перед «Земля»? Машинально я его уже поставил, но если его зачеркнуть, то это будет первое исправление в тексте, а я написал всего три предложения.

И тут пришла свобода. Какая разница сколько будет исправлений, если первые ошибки уже сделаны. С этого момента я почувствовал облегчение, и текст пошел потоком. Пора было эпатировать «публику», и меня понесло.

> *«Небольшой киноэтюд.*
>
> *Дубль 1.*
>
> *Постепенно земной шарик становится серым, люди засуетились, забегали.*
>
> *Дубль 2.*
>
> *На горизонте вырастают ядерные грибы.*
>
> *Дубль 3.*
>
> *Рассекая воздух, мечутся по небу сияющие истребители.*
>
> *Дубль 4.*
>
> *Взмывают вверх остроконечные ракеты. Треск пуль и снарядов настроен в такт ритму современного рока».*

Я был доволен текстом, он мне нравился. В нем появился ритм, а рубленные короткие фразы не оставляли места для запятых. Я перешел на вторую страницу. Нужно было как-то закручивать сюжет, и я решил перенести читателя-зрителя во времена Маяковского и Первой мировой.

> *«Начало века. Воздух пропитан вонью рабочих слободок и солдатских портянок. Там, на западном фронте, солдат втыкает штык в землю, а в ресторанных салонах Москвы разжиревший обыватель кричит: "Вперед на Берлин", упиваясь приторно слащавым стихом Северянина…»*

Когда текст сочинения дошел до Северянина, я понял, что запутался. Мысль, конечно, можно было еще выпутать и вытащить сюжетную линию назад, к американскому боевику, но тогда придется сильно удлинять текст. Невозможно в одно

предложение перейти от Северянина снова к третьей мировой.

В тексте тем временем появились запятые. А у меня вопросы – нужны ли они там? И я зачеркнул от отчаяния весь предыдущий абзац! Полностью. Нужно было начинать все сначала, и я вернулся к американскому режиссеру с вопросом:

> *«Может быть господа режиссеры покажут развалины Москвы и Вашингтона, кадящий Париж и дымящий Саратов?»*

Далее в тексте пошли витиеватые размышления про человеческую жизнь и домашний уют, про сложную паутину отношений и узлы противоречий между людьми и странами, временем и прогрессом. Сюжет постепенно развивался, запутывался и распутывался, а я тем временем перешел уже на четвертую страницу. Пора было заканчивать, отведенные на сочинение два часа подходили к концу.

> *«Но мы – люди, нам дан разум, и я верю, что придет тот день и узел будет распутан, люди встанут и торжественно скажут клятву: "Войны не будет!"»*

Я поставил восклицательный знак и сдал сочинение.

Выйдя из помещения, где проходил экзамен, я был абсолютно уверен, что его провалил. Количество исправлений и потенциальных ошибок было так велико, что за это точно поставят двойку!

Я шел по улице, ветер дул мне в лицо. Мысли путались, но волнение не уходило, меня все еще переполняли азарт и страсть, с которыми я писал свое сочинение. Это было невероятное чувство – бросить вызов экзамену и судьбе. Пусть я проиграю сегодня, но я обязательно выиграю завтра. Если ты хочешь победить и чего-то добиться, не переписывай чужой текст. Пиши свой. Пусть с ошибками, с исправлениями, но ты должен пройти свой путь и сдать свой экзамен сам.

В те годы моим кумиром был Маяковский. Я шел по тротуару и, сжав зубы, читал про себя его чеканный стих:

> «Вашу мысль,
> мечтающую на размягченном мозгу,
> как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
> буду дразнить об окровавленный сердца лоскут:
> досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий.
>
> У меня в душе ни одного седого волоса,

и старческой нежности нет в ней!
Мир огро́мив мощью голоса,
иду – красивый,
двадцатидвухлетний».

P.S.

На следующий день мне объявили, что по сочинению мне поставили «ХОРОШО».

Увидев наконец свою фамилию в списках поступивших, я получил в приемной комиссии маленький прямоугольный значок, где на белом фоне было четыре буквы «МФТИ». Весь август, меняя рубашку, майку, футболку, я везде прикалывал у сердца этот заветный значок – знак гордости и упоения: я это сделал!

Жизнь начинала свой новый круг, на новом витке…

Физтех
(Осень 1984)

«Физтех – это я. Физтех – это мы. Физтех – это лучшие люди страны!»

Эта речевка – первое, что я услышал из окна студенческой общаги, в которую нас поселили. Дух избранности царил в общежитии на Гагарина, 20, города Жуковского, где жили студенты факультета аэромеханики и летательной техники МФТИ.

На наш курс поступили 90 человек. Это были ребята со всех уголков страны. Общий расклад по географии был примерно такой. Процентов 20 приехали с Украины, особенно выделялось Запорожье. Были ребята из Севастополя, Днепропетровска, Ужгорода. Из Донбасса был я один.

Несколько человек были из Белоруссии, по одному из Казахстана и Киргизии. Процентов 30 были местные, из Жуковского и ближнего Подмосковья. Москвичей было только четыре-пять человек, остальные – вся Россия: Сибирь, Урал, Хабаровск, Свердловск и Центральная Россия.

Физтех, так же как МГУ, в те годы был центровым вузом страны. Сюда поступали лучшие из лучших, победители различных математических олимпиад, медалисты и выпускники физматшкол. Мы приехали покорять науку. Научная карьера в эти годы была одной из самых престижных.

Мы, конечно, плохо понимали, как устроена советская наука, как там все работает. Но таинственная аура научных сообществ, людей умных и продвинутых, манила молодых. Там, в науке, будет интересно!

Среди нас не было выходцев из научных династий или детей, которых проталкивали по протекции. Мы узнавали про Физтех из журналов «Квант» и «Наука и жизнь», благодаря олимпиадам по математике и физике. Мы искали лучший, самый сложный вуз, и мы его нашли.

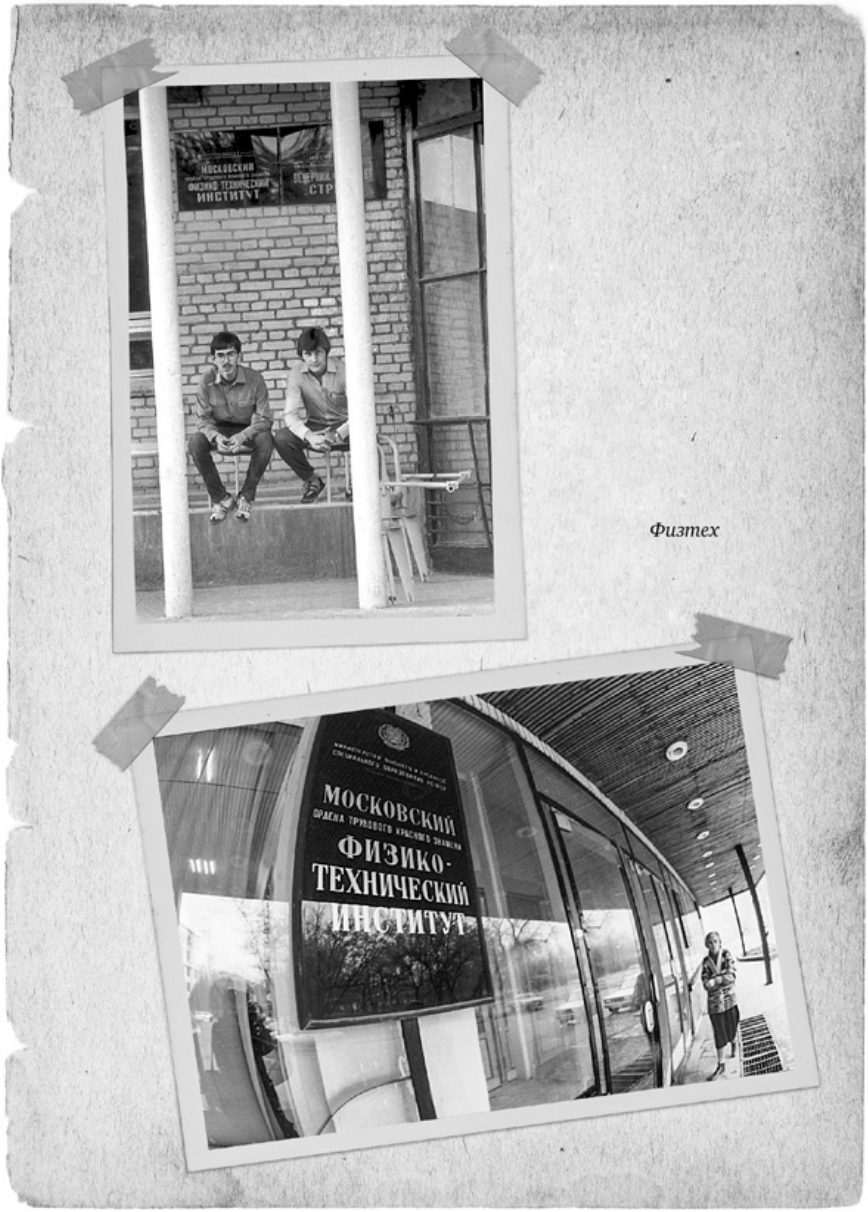
Стипендия в институте была 55 рублей, повышенная – 65. Это было немного, но я не помню, чтобы в студенческие годы у нас были проблемы с деньгами. У моих родителей особых накоплений не было, они сами жили от зарплаты до зарплаты и отдельно помогать мне, студенту, не могли. Этого даже не было у них в голове. Нам вполне хватало и своих денег.

Более того, в первом же стройотряде я заработал летом сумму, равную годовой стипендии. Получалось, что мой

условный «месячный доход», состоящий из повышенной стипендии и стройотрядовского летнего заработка, уже превышал среднюю зарплату в СССР (около 120–130 рублей в месяц). То есть после первого курса института мой студенческий доход был не меньше, чем зарплата родителей в Горловке!

На эти деньги можно было спокойно жить, тем более, когда есть бесплатная койка в общежитии и дешевый обед в столовке. Что-то оставалось даже на одежду, книги, кино, театр. Я не помню, чтобы мы в чем-то себе отказывали. Особо бережливые даже могли снимать дачу в Кратово, в соседнем лесном массиве. Пусть вскладчину на двоих, но мы могли позволить себе и такое. Родители тогда никому особо не помогали. Жить самостоятельно и независимо мы учились сразу.

Когда начнется перестройка и задуют ветры перемен, именно мы, жители студенческих общежитий, привыкшие к самостоятельности и независимости, быстро схватим «нить событий».



Физтех

Если с высоты прошедших лет взглянуть на успехи в бизнесе, политике и науке, то мы увидим, что более всего преуспели те, кто приехал издалека: из Кривого Рога, Горловки, Запорожья, Волжского, Магнитогорска, Хабаровска…

Из той маленькой общаги на Гагарина, 20, выйдут банкиры и страховщики, ретейлеры и строители, бизнесмены и политики. Бешеная кутерьма перестройки и «лихих» 90-х разбросает нас по странам и городам, по банкам и компаниям. В науке останутся

единицы.

Но, привыкшие к экзаменам и испытаниям, мы справимся с вызовом времени.

Когда историки будут пытаться найти главных бенефициаров перестройки, понять, кому удалось в наибольшей степени воспользоваться ее плодами, они с удивлением обнаружат, что главные «выгодоприобретатели» сидели в середине 80-х совсем не в партийных кабинетах и не в креслах директоров заводов и НИИ. Они располагались в обычных облупленных комнатах студенческих общежитий лучших вузов страны.

P.S.

Советская система любила, лелеяла молодых и создала идеальную обстановку для их роста и прорыва. Социальные лифты для активной молодежи работали превосходно. Любой толковый парень или девушка из самого далекого уголка страны могли ставить перед собой сверхамбициозные цели и их достигать. И в результате лучшие ученики советских школ становились студентами лучших вузов.

Именно они уловят суть времени в 90-х и станут элитой страны в нулевых.

«Картошка» (Сентябрь 1984)

Трудовая дисциплина воспитывалась в СССР с малых лет.

На сельхозработы нас отправляли уже в пятом классе, а после седьмого мы поехали в первый трудовой лагерь на целых две недели. Это было что-то среднее между пионерским лагерем и стройотрядом: мы жили в специально организованном городке в лесу, а днем пропалывали капусту или свеклу на соседнем колхозном поле.

Трудовое задание на день было довольно простое – отсюда и до обеда. Под палящим солнцем, сгорбленные, на корточках, школьники должны были пропалывать грядки. Это не было трудно физически, но утомляла однообразность. Особенно сложным задание казалось утром, когда не было видно конца полю, которое требовалось прополоть.

Когда же оно закончится, это поле?

Каких-то конкретных норм не было. Учителя, которые были с нами, скорее, следили, чтобы никто не сачковал:

– Вон, видишь, Вася уже сколько прополол? А ты все на месте топчешься.

Васю хотелось догнать, и мы работали примерно на равных.

Это казалось обязательным делом, и никто не спрашивал, а зачем все это нужно. И стоит ли привлекать к этому детей? Мы считали работу на колхозных полях долгом перед страной. Он был почетен, но все равно воспринимался, скорее, как повинность.

«Картошка»

Первомайская демонстрация

Сельхозработы продолжились и во время учебы в техникуме. Каждый сентябрь на одну-две недели мы выезжали на поля, а после третьего курса, летом, поехали туда на целый месяц. Это уже был стройотряд, за работу нам впервые что-то заплатили.

Поступив на Физтех, я думал, что эта повинность наконец-то закончилась и полевых работ уже не будет. Человек умственного труда в столице не должен заниматься тупой и однообразной работой, но это оказалось не так. Учеба на Физтехе началась

именно с картошки.

Мы садились утром в автобус и отправлялись на поля соседнего совхоза убирать урожай. Вне зависимости от погоды – в жару, в холод, в дождь или ветер. Автобус высаживал нас у края огромного поля, нам выгружали кучу пустых мешков, ведер и начиналась работа. Такая же тупая и однообразная, как и раньше, в школьные годы. Ситуацию скрашивало только то, что в полевых условиях мы ближе знакомились с однокурсниками. Мы лучше узнавали друг друга, здесь складывались компании и завязывались отношения, тут и начиналась наша настоящая студенческая дружба.

К полудню приезжала колхозная машина и привозила обед: по куску белой булки и чашке какао. Это горячее какао было очень к месту, в сентябре под Москвой уже холодало. Норм и определенных заданий опять не было, но все-таки мы были уже взрослее и старались более ответственно относиться к работе.

Особенно никто не халявничал, но тут сразу можно было увидеть, кто на что способен.

Вообще, такие рутинные советские мероприятия, как «картошка» или «демонстрации», лучше всего показывали, кто есть кто.

Ярче всего это проявлялось на ноябрьских и майских демонстрациях. Колонна факультета должна была проходить мимо трибуны, на которой стояли руководители города. Мы, как водится, несли типовой набор плакатов: портреты Ильича, членов Политбюро и лозунги типа «Миру – мир!».

Нести плакат на демонстрации в 80-х было делом уже скорее смешным и утомительным, чем веселым и почетным. Но кто-то ведь должен был их нести от факультета.

На третьем курсе, когда я стал секретарем комитета комсомола, именно мне выпала эта утомительная задача – убеждать сокурсников нести флаги и плакаты.

– Ну что сложного взять плакат и пройтись?! Солнце светит, музыка играет, шарики кругом надувают, все смеются. Правда ведь, ничего обременительного или оскорбительного для самолюбия в этом нет. Возьми плакат «Миру – мир!» и пройдись по городу, ну что тут такого?

В общем, убеждать однокурсников было делом нелегким, и невольно я стал отмечать для себя тех, кто особенно рьяно пытался от этого устраниться, и тех, кто, наоборот, вполне живо и осознанно брал плакат в руки и шел с ним в общей колонне.

Сейчас, когда прошли десятилетия и можно уже подвести некоторые жизненные итоги, я могу уверенно и однозначно сказать: те, кто пытался «сачковать» на картофельном поле, кто

пытался отлынивать от комсомольской «повинности» нести плакат на демонстрации, оказались не столь успешны в бизнесе.

И наоборот, те, кто упорно трудились в поле, хотя за это ничего не платили, те, кто спокойно, с улыбкой и удовольствием несли доверенный ему флаг или плакат на демонстрациях – состоялись в современной жизни.

P.S.

Всякий раз, когда мне говорят, что тот или иной человек стал успешным и богатым, потому что ему повезло, я вспоминаю известную фразу: «Везет тому, кто везет!».

Серёжа! Сынок, спешу отослать тебе это письмо, поэтому буду коротко.

Высылаю 100 рублей. Из них ты купи Свете сапоги осенние, т. е. без меха внутри по цене где-то руб. до 80, или 60–80 р. Смотри лучше импортные, чтоб на средней высоте каблука и длина голенища тоже средняя, т. к. если будут очень длинные, то ей будут под самое колено. Она маленького роста же. Размер, как и говорили, 37 или 36,5 (обычно пишут на подошве) или так, как пишу 23,5 – 36,5 или 24 (это 37).

Но ты подойди к продавцу и спроси ее, что тебе надо на 36,5 размер, она скажет, подойдут они или нет, т. к. импортные сапожки на наши размеры не подходят. Но лучше, если деньги останутся, бери на 37-й размер, если не будет 36,5, то может купить кроссовки или ей тоже размер такой (37-й или 36,5) или себе померяешь их.

Больше писать пока некогда, хочу на завтра заказать с тобой разговор по телефону.

На этом, До свидания.

P.S.

1. Свете клипс не бери, она их себе из Калуги купила.

2. Отцу возьми пару пачек кубинских сигарет и хватит, денег у тебя откуда на большее.

3. Как будешь ехать, возьми сырков «Янтарь» в коробочках штук 5 и коробочку недорогих конфет.

Мама

(октябрь 1984 года)

Провинция (Осень 1984)

– Васильев, скажите «гуд гёл», – настойчиво требовала от меня преподаватель английского, когда замечала в моем произношении остатки донбасского суржика.

– Ххуд ххёл, – смущенно говорил я и улыбался ей в ответ.

Заметив на первых занятиях, что у меня все еще остаются в разговорной речи «шо» и «ля», вместо «что» и «глянь», она упорно начинала каждый урок с одного и того же:

– Васильев, скажи «гуд гёл»! – пока, наконец, мое донецкое «ххуд» не перешло в нормальное «гуд». Уже через полгода мой малороссийский говор полностью исчез. Когда я приехал на первые зимние каникулы к родителям в Горловку, мне уже все говорили, что у меня абсолютно московский говор. Даже появилось «оканье» и «аканье». Я еще какое-то время стеснялся своих провинциальных словечек, но через год они все выветрились.

Мы познакомились с моей будущей женой, когда я учился на втором курсе, а она поступила из подмосковной Коломны на первый. Узнать во мне вчерашнего украинца по говору было уже невозможно.

А по кругозору и интересам мы вообще мало чем отличались друг от друга.

Советский Союз к началу 80-х обеспечил практически полное равенство по уровню образования и доступности информации для всех школ и школьников. Где бы ты ни учился, в столичной Москве или Ленинграде, под Москвой или в областном центре на Урале, в районном центре Алтайского края или в деревне – везде уровень нашего образования был примерно одинаков и перечень прочитанных к десятому классу книг сильно не отличался. Возможно, чувствовалась разница в знании зарубежных рок-групп или исполнителей, но и это было не очень заметно.

Скажем, я не любил хэви-метал. Он меня вообще не трогал и не был мне интересен, но не из-за недоступности материала. Наоборот. В начале 80-х и в нашем горловском техникуме обменивались пластинками и записями с «металлом». Но в то время мы с другом увлеклись русской классикой: Достоевским, Леонидом Андреевым, мы заучивали наизусть любимые стихи. Я приобщился к «высокому», и мне просто не нравился хэви-метал, увлекаться им я считал ниже своего достоинства.

В общем, даже в районном шахтерском городе Горловке была

своя градация юношеских пристрастий в музыке и литературе, мы не были там чем-то ограничены. В голове была некая смесь из советских, старых русских и новых иностранных писателей и музыкальных групп.

Поступив на Физтех, я не замечал, чтобы по своим знаниям хоть на йоту отставал от других ребят. Провинциальность, которая теоретически могла бы быть, отсутствовала. А если что и присутствовало в говоре, то эти отличия быстро улетучились. Более того, в первые годы учебы я вдруг, к своему удивлению, обнаружил, что уровень знаний и подготовки студентов Физтеха не очень-то отличался от образовательного уровня многих ребят, с которыми я еще вчера учился в горловском техникуме.

Казалось бы, где Москва и где Горловка? Где техникум и где Физтех? Но было видно, что советское образование везде находилось на высоком уровне – и в районных техникумах, и в престижных столичных вузах.

Чем вообще отличалась жизнь в столице от жизни в областном или районом центре СССР? В общем-то… почти ничем.

Мы читали те же самые книги, смотрели по телевизору те же самые передачи, ходили на те же самые фильмы. Если Эльдар Рязанов выпускал новый фильм, то его одновременно, практически в один день, смотрела огромная страна. Когда «Гараж» взорвал своим юмором и сатирой советский кинопрокат – этот фильм был одинаково понятен и в Москве, и в Горловке, и в Ленинграде, и в Алма-Ате.

Мы жили и думали одинаково. Наши родители получали примерно одну и ту же зарплату. Мы покупали в магазинах одинаковую одежду и стояли в одинаковых по длине очередях. Правда, жители Москвы или Подмосковья имели возможность ходить в театр или на художественные выставки, этой привилегии провинциальные жители были лишены. Но, во-первых, в юности мало кому из нас хотелось ходить на художественные выставки. А, во-вторых, даже сходив пару раз в театр, ты еще не становился культурным человеком.

В общем, мы мало отличались друг от друга. И чувствовали себя абсолютно равными.

Комсомольское собрание (Ноябрь 1984)

Нас, первокурсников, поселили в отдельное общежитие, по четыре человека в комнате.

Там мы и начали обустраивать быт, расставлять кровати и столы. На этаже была общая кухня и общий туалет. Условия довольно спартанские, но привычные для советского времени. Они нас не смущали. Наоборот, теснота объединяла и роднила. Мы быстро стали одной компанией и друзьями на всю жизнь.

Особенно сближали песни по вечерам. В студенческой компании всегда находилось два-три человека, которые хорошо играли на гитаре. Репертуар был разнообразный, но какие-то песни быстро стали основными, их мы пели каждый день. Хорошо шли казацкие песни, «Машина времени», Никольский, Розенбаум.

Среди гитаристов всегда выделялся кто-то один – самый лучший и яркий бард. Таким на факультете в те годы был пятикурсник Вася, безусловный непререкаемый авторитет.

В один из вечеров он пришел к нам, первокурам, брататься, попеть песни и заодно… агитировать, за кого голосовать на комсомольском собрании. После протяжной казацкой песни Василий вдруг заговорил о предстоящем мероприятии:

– Это будет очень важное собрание! Ключевое. Там мы будем выбирать секретаря комитета.

Кандидатов было двое, оба были уже успешными командирами стройотрядов, оба пользовались авторитетом. У Васи не было резко негативного отношения ко второму кандидату, но все-таки он призывал голосовать за Якименко:

– Это наш человек. С ним будет лучше.

Почему-то он был за одного и против другого – я уже не помню его аргументов. Но он убедительно говорил, что это очень важно!

Оказывается, комсомольские собрания на Физтехе – дело первостепенного значения! Это не рутинное, замшелое, тухлое собрание, где кто-то по бумажке зачитывает сухой текст и все лениво поднимают руки – за!

– Нет, у нас тут не так! – увлеченно вещал Вася, – Наши собрания – это наша жизнь. Тут мы определяем, как будет устроено наше житье-бытье, кто будет нами рулить и чем мы будем заниматься.

Общественная жизнь на факультете аэромеханики и летательной техники (ФАЛТ) в те годы была очень насыщенной и

активной. Учебным процессом руководил деканат, но что будет твориться в свободное время, вне учебы, определял комитет комсомола. Скажем, если мы хотим найти билеты в лучшие театры, то это вопрос к комитету комсомола. Футбол, волейбол и вообще спортивная жизнь – тоже к комитету. Кино, дискотеки и прочее – комитет комсомола ведал всем. И решали эти проблемы не какие-то приглашенные со стороны люди.

– Всеми этими вопросами мы занимаемся сами, – втолковывал Вася. – Только от нас зависит, какой будет наша жизнь, яркой или скучной. Если мы выберем плохой состав комитета и плохого секретаря, то такой будет и наша жизнь.

То знаменательное комсомольское собрание очень многое изменило для меня. С такой обстановкой я столкнулся впервые, хотя уже не раз участвовал в собраниях и со стороны наблюдал за чем-то подобным. Мы много раз видели телевизионную картинку Съездов КПСС, где все было единодушно и единогласно. Но тут, в актовом зале ФАЛТа МФТИ, было по-другому.

Тут царила настоящая демократия.

Публичное изложение кандидатами своих программ (не говоря уж о предвыборных встречах и агитации), вопросы из зала, жаркие дебаты, крики, смех и результирующее голосование, где голоса разделились примерно поровну: 49 % и 51 %.

Здесь каждый голос имел значение, их пересчитывали несколько раз.

В СССР результат при любых голосованиях был около 100 %, в худшем случае – 95 %. Но чтобы разница в голосах была мизерной – такого я еще не видел.

Это – первое, что удивило на ФАЛТе и заставило поверить, что я попал в уникальное место, в сообщество свободных людей.

«Тут будет интересно, ярко и живо! Тут не будет рутины».

P.S.

Через два года в этом актовом зале будут голосовать уже за меня, выбирая секретарем комитета комсомола факультета. Это станет для меня главным событием физтеховской жизни, которое, возможно, и определило судьбу.

Брежнев, Андропов, Черненко… (Март 1985)

Они умирали один за другим.

В ноябре 1982-го на трибуне мавзолея с траурной речью над гробом Брежнева выступал Андропов. Советские люди увидели его тогда впервые.

Мы, конечно, много раз наблюдали его на фото среди других членов Политбюро ЦК КПСС. Этот ряд однообразных портретов висел по всем городам, их носили на всех демонстрациях, но все они сливались в единый строгий ряд неподвижных начальников.

Брежнев был единственным лидером, на которого смотрела страна, остальные просто стояли рядом, мы их не замечали.

На тех похоронах мы впервые увидели Андропова живьем.

Он говорил ровным, уверенным голосом, руководя этим траурным митингом. Тот факт, что Андропов долгие годы возглавлял КГБ, лишь подтверждал увиденное – пришел серьезный сильный человек.

Первый шок от смерти предыдущего бессменного генсека был недолгим. Жизнь продолжилась, как и шла, ничего не поменялось. Каких-то новых установок или инициатив по реорганизации советского общества Андропов сходу не объявил, а дежурные слова про усиление дисциплины были правильно восприняты.

Похороны генеральных секретарей

Народ, может, и смеялся над перегибами этой «борьбы», когда дружинники стали вдруг устраивать «облавы» в кинотеатрах на дневных сеансах, выискивая прогульщиков и тунеядцев. Это было само по себе забавно, но, с другой стороны, все мы видели, что в реальной жизни с дисциплиной на рабочих местах были нелады. И наведение тут порядка люди приняли с пониманием. Тем более от человека, который пришел из КГБ. Этот точно будет усиливать дисциплину. Но чего-то

чрезвычайного не происходило, жизнь быстро закрутилась чередой обычных забот и новых пятилетних планов.

И потому полной неожиданностью всего через год на нас свалилась новость, что умер уже… Андропов.

И снова та же картинка Колонного зала Дома союзов, убранного траурными лентами, и бесконечная вереница людей, флагов, венков и орденов на подушечках. Смерть Андропова страна восприняла спокойно, даже с некоторым азартом. Мы цепко наблюдали за длинным рядом руководителей, выстроившихся в последний почетный караул у гроба покойного.

Кто будет следующий?

Фамилия Черненко, названная диктором центрального телевидения как фамилия нового Генерального секретаря, вызвала, скорее, непонимание и недоумение. Его мы тоже увидели тогда живьем впервые. Но если Андропов с трибуны мавзолея говорил уверенно и четко, то речь Черненко явно показывала – это ненадолго. Константин Устинович говорил уставшим голосом больного пожилого человека.

Один глубокий старик сменил на посту другого.

Эта череда генсеков рассеяла сакральность верховной власти. Они такие же смертные. Кроме того, обстановка вокруг показывала, что от их смены ничего сверхординарного не происходит. В стране ничего не изменилось с приходом Андропова, все оставалось на местах и при Черненко. Значит, будет все также и при ком-то другом.

Я поступал в техникум при Брежневе, а уезжал поступать в Москву уже при Черненко, за короткие четыре года учебы сменилось три Генсека. А еще через год умер и Черненко.

13 марта 1985-го на трибуну очередного траурного мавзолея поднялся Горбачёв.

Он был в каракулевой шапке, как и остальные окружавшие его члены Политбюро.

Когда телекамеры застыли, чтобы показать нового Генерального секретаря, с первыми же его словами «Товарищи, мы провожаем в последний путь…» вдруг громко закаркали вороны, залетевшие стаей на Красную площадь и случайно попавшие в кадр.

Страна хоронила в тот день не просто очередного Генсека, а эпоху, до конца которой оставался всего месяц.

Горбачёв (Весна 1985)

Он был первый, кто заговорил без бумажки.

Все предыдущие Генсеки выступали исключительно с заранее написанным докладом. Это был их стиль, обязательный элемент формального «этикета» Генерального секретаря ЦК КПСС.

Там было все по плану: вступление, основная часть, заключение, вывод. Мы к этому привыкли, хотя это вроде бы и не соответствовало «революционным» корням советского строя. Социалистическое государство родилось из революции. У его истоков стояли пламенные борцы – яркие ораторы. В книжках по истории писали, что Ленин был настоящим трибуном, он мог увлеченно и свободно вещать на широкую аудиторию.

И вообще, революция, это – экспромт, ее не делают «по бумажке» и заранее утвержденному плану. Но Центральный комитет КПСС, который опирался в своей идеологии на революцию, сам жил строго по регламенту. Мы к этому привыкли, но внутренне давно ждали перемен.

И вот в Ленинграде, в первой же своей официальной командировке в качестве избранного Генерального секретаря, Горбачёв неожиданно вышел на улицу к людям и заговорил простым человеческим языком без всякой бумажки. И при этом он не только что-то вещал сам, но и решил спросить простых людей, случайных прохожих:

– Чего вы хотите?

Это было абсолютно нестандартно для Генсека, и сразу воспринялось с восторгом и упоением.

BUILDEMAN/FOTODOM.RU

Михаил и Раиса Горбачёвы принимают в Москве супружескую чету Рейганов, 1985 г.

Еще большим вызовом старым правилам стало появление рядом с Генеральным секретарем… его жены.

Горбачёв почти сразу вывел на экраны Раису Максимовну как первую леди. И страна бросилась рассматривать ее простые, но миловидные черты лица и изысканные наряды. Мы вдруг поняли, что за все прошлые годы вообще не видели жен предыдущих Генеральных секретарей. Может, кто-то на самом верху и знал лично супруг Брежнева, Андропова и Черненко, но простые люди

их вообще не видели, как будто их и не существовало. Мы даже не представляли, как они выглядят.

А тут на центральных каналах вдруг появляется привлекательная молодая женщина.

Раисе Максимовне исполнилось всего 54. Они стали ездить везде вдвоем. С этого момента старое Политбюро, состоящее из длинного ряда престарелых чиновников, как будто исчезло и растворилось.

На первых встречах Горбачёва с зарубежными лидерами все советские телезрители смотрели не на них, а на жен.

Наша точно была лучше!

Костюмы ее были элегантнее, и вообще, она была красивее и моложе. Советские женщины, может, и ревновали к ней, завидовали количеству ее нарядов, но все равно, мы все сразу ее полюбили. И по праву считали, что у нас теперь лучшая первая леди в мире!

Все годы советского строя прошли под лозунгами соперничества с Западом. У кого больше ВВП? Кто больше производит стали? Чьи спортсмены быстрее? Мы искренне радовались любым нашим победам. И теперь самая красивая первая леди в мире воспринималась нами как очередная советская победа в вечном соперничестве с Западом.

Горбачёву исполнилось 54, когда он стал Генсеком, а Рональду Рейгану, президенту США, было уже за 70.

В одно мгновение мы стали моложе Америки.

Пришло ощущение весны и свободы.

Сухой закон (Весна 1985)

На первом курсе мы много пили. Это считалось студенческой традицией.

Каждый день откуда-то появлялась бутылка водки, и не одна, иногда портвейн или вино. Мы воспринимали это как обязательный ритуал, как посвящение в интеллектуалы. Будущая «научная элита» должна куролесить, ей нужна экспрессия и драйв. Ночью мы будем пить, чтобы в голове гудело, а утром пойдем на лекции по физике и высшей математике. Это – своего рода тренировка для мозгов на выносливость и выживаемость.

Не будь бота́ном! Не сиди тихо и смирно за учебниками и конспектами. Ты должен успевать все: и читать, и выпивать, и решать задачи, и гулять. Советский студент, а тем более студент Физтеха – это не мальчик-паинька.

До института я почти не пил, а однокурсники, которые были на два года младше, тем более. Все приехали из домашней, родительской обстановки. Но общага, дух вольности и желание быстрее взрослеть диктовали – надо пить! Так что пили у нас много, причем с каждым курсом все больше.

Это не могло пройти незаметно для пытливых физтеховских мозгов, и в какой-то момент по комнатам общежития пошли «ходоки» от старшекурсников собрать статистику: «Кто и сколько пьет?» По результатам «опроса» в среднем на каждого студента получалось по 45 литров в год.

Антиалкогольная кампания Горбачёва, 1985 г.

Антиалкогольная демонстрация на Пушкинской площади

Той зимой самиздатовскими листами по рукам ходила перепечатка статей полуопального академика Углова, где он научно доказывал, что алкоголиками можно считать уже тех, кто употребляет более 20 литров (условного чистого спирта) в год.

А тут – 45! Это катастрофа.

И вообще, Углов с цифрами и фактами доказывал: русский народ целенаправленно спаивают, пора вводить «сухой закон». Его доклады и статьи четко показывали, что пьянство в СССР

достигло невиданных масштабов, такого не было даже в царской России.

«Подпольные» перепечатки работ академика приходили к нам от студентов 5-го курса, самых активных и интересных ребят. Среди них даже образовалась своего рода «секта».

По общежитию пошли слухи, что в одной из комнат… бросили пить. Бесповоротно и демонстративно. Более того, по вечерам они собираются у себя в комнате и ведут беседы… на политические темы.

«Это – оно, наконец-то!» – подумал я.

Когда я уезжал в Москву поступать в институт, у меня была заветная мечта – попасть в какое-нибудь тайное общество, где молодые люди будут встречаться, вести непринужденные интеллектуальные беседы и обсуждать политику. С общим посылом идей – за все хорошее, против всего плохого! Как сделать так, чтобы в стране жилось лучше?

В этой комнате перешедших на трезвый образ жизни студентов я и узнал, что знаменитый академик приедет лично в наш город и выступит в ДК имени Ленина с докладом.

В тот день ДК был переполнен. Жуковский – типичный научный городок, где много младших и старших научных сотрудников, интеллигентов и тех, кто таковыми себя считал. Собрался огромный зал, люди сидели на ступеньках и стояли в проходах. Академику было уже за 80. Он начал издалека:

– Сказки про то, что русский мужик по своей природе пьяница, – ложь!

Табак, вино и водка, рассказывал академик, пришли на Русь из Европы. Царское правительство, чтобы зарабатывать в казну деньги, стало распространять алкоголь, но продажей этого зелья занимались в основном нерусские. И в доказательство он показывал какие-то таблицы, где значилось, что к середине XIX века питейными заведениями на территории российской империи на 90–95 % владели неправославные люди. Им были чужды интересы простых людей, они гнались лишь за наживой. Но даже при этом разгуле продажи алкоголя в царское время к началу Первой мировой войны, когда царское правительство под нажимом общественности ввело «сухой закон», потребление алкоголя составляло всего 4 литра на взрослого человека в год.

Всего 4 литра! И это казалось в царское время уже бедствием. «Сухой закон» был поддержан обществом, народом и продержался целых 10 лет, пройдя через годы революции и гражданской войны.

– Ленин лично поддержал продление «сухого закона»! – особо отметил академик.

В те революционные годы потребление падает до мизерных 0,2 литра на человека. И только злодей Троцкий возвращает алкоголь и вводит на его продажу монополию в советской республике. Потребление опять начинает расти, но русское, теперь советское, общество уже отвыкло пить. И по сути, ввиду остаточного эффекта, «сухой закон» продержался до 1964 года, т. е. еще почти 50 лет. Только в 1965-м уровень потребления алкоголя достигает тех 4 литров на человека в год, что был в царской России до введения «сухого закона».

Мы сидели в зале и ошарашенно слушали все эти цифры и факты. Я вообще впервые услышал, что в России, оказывается, был «сухой закон» и что у нас раньше так мало пили. Впервые мы что-то слышали и про влияние «малых народов» на спаивание русского человека. Весь зал завороженно слушал академика. А он был в таком возрасте, что помнил царские времена, революцию и войну. Он видел все это сам.

– И вот сейчас, – продолжал академик, – потребление выросло до безумных 18 литров в год, т. е. более чем в 4,5 раза по сравнению с царскими временами и в десятки раз по сравнению с временами революции и войны! Мы теряем каждый год от пьянства по миллиону человек!

Когда академик закончил свой доклад, весь зал был загипнотизирован цифрами, словами и идеями. В заключение он попросил поднять руки тех, кто был за то, чтобы немедленно ввести в СССР… «сухой закон».

Все сидящие в зале Дворца Культуры имени Ленина подняли руки. Я выходил из ДК просветленный и возбужденный – мы больше не будем пить!

P.S.

А через несколько месяцев газета «Правда» вышла с передовой статьей – «Трезвость – норма жизни!». Горбачёв начал «антиалкогольную» кампанию по всей стране.

По прошествии времени эту кампанию, провальную и экономически неудачную, будут считать волюнтаристской причудой нового молодого Генсека, началом его неудач. Но тогда она однозначно воспринималась нами как благо, как реальная попытка улучшить жизнь и здоровье советского человека.

Она началась по приказу сверху, но была выстрадана изнутри.

Сынок, здравствуй!

Решила написать тебе несколько строк после твоего ночного телефонного звонка, т. к. мысли одолевают написать тебе, чтобы ты не стремился ехать в стройотряд, раз не посылают – и не добивайся. Ведь поработать ты сможешь устроиться и дома, у нас на фабрике грузчиком. Заработок за месяц будет рублей 150–180.

А в стройотряд на следующий год ты должен будешь ехать, вот тогда и поедешь.

А так, ты немного и заработаешь, и дома побудешь, все-таки отдохнешь и фруктов поешь.

Так что, сынок, не надо стремиться ехать в такую даль ради денег.

Больше писать нечего.

До свидания.

Успехов тебе в учении.

Мама, папа.

(апрель 1985 года)

БАМ
(Лето 1985)

Мой первый стройотряд был на БАМе.

Неожиданное решение комитета комсомола взять первокурсника сразу на Байкало-Амурскую магистраль, было для меня большой честью.

Так водилось в стройотрядовских традициях тех лет, что после первого курса ты в лучшем случае попадал в какой-нибудь подмосковный строяк. И только после «подмосковья» мог уже попасть в дальний, престижный сибирский стройотряд. Там работал «северный» коэффициент, и все привозили денег в два раза больше, чем из Подмосковья.

Кроме этого, работало общее правило – после первого курса все начинали с «рабов». Рабочая градация в студенческих стройотрядах была довольно четкая: рабы, мастера, бригадиры и командиры. В типовом отряде из 30 человек к командирскому составу относились два-три человека: как правило, командир, мастер и комиссар.

Остальные – «рабы».

Они месили раствор, носили бетон, цемент, кирпич. А что еще мог делать на стройке молодой человек в 18–20 лет, если он до этого даже не держал в руках лопату? Мы ничего не умели и учились элементарным строительным специальностям там, в стройотрядах, в полевой и боевой обстановке.

Класть кирпич – не простое дело, штукатурить – еще сложнее. Это не только физически сложная работа, она требует еще и навыка, а он приходит не сразу. Профессионально класть кирпич или штукатурить стены ты мог научиться только ко второму или третьему сезону. Тогда из «раба» ты превращался постепенно в бригадира, а там, возможно, и в мастера отряда или даже в командира.

Стройотрядовская куртка

На строительной площадке работали все, включая мастера. Комиссар должен был отвечать за общественную работу, но по факту в напряженных рабочих буднях было не до общественной работы и комиссар работал на площадке на равных со всеми. Единственный, кто не работал физически, – командир. У него была ответственная задача и миссия – выбивать материалы, машины, механизмы, а главное – набрать побольше объемов работ.

И самое важное – командир «закрывал» наряды, т. е. договаривался с тамошним начальством о деньгах, которые нам заплатят за работу. Командирская должность была самой главной и важной в отряде. Командир стройотряда – непререкаемый авторитет. Я обязательно буду таким командиром, мечтал я уже с середины первого курса, наслушавшись о студенческих подвигах в далеких сибирских стройках.

Но тогда, летом 85-го меня взяли на БАМ… «рабом».

Мы строили бетонную дорогу внутри рабочего поселка Дипкун, расположенного на железнодорожной ветке БАМа, где-то между Тындой и Владивостоком.

Рабочий день обычного советского рабочего или служащего был четко нормирован, ни часом больше, ни часом раньше. На производствах бывали, конечно, авралы, и человек мог прийти с работы позже или даже выйти сверхурочно в выходные. Но каждый такой сверхурочный учитывался и оплачивался отдельно по двойному тарифу. В обычной жизни такое случалось нечасто. Мы привыкли, что родители приходили с работы вовремя. Советский человек не любил сверхурочные, не хотел задерживаться на работе допоздна.

А тут, в стройотряде на БАМе, я увидел, как это – работать не «по-советски»!

Мы начинали рано утром, а уходили с площадки, когда уже темнело. Под конец строяка, когда наступил финальный аврал, мы ставили прожектора, чтобы можно было работать и ночью. После работы хватало сил только дойти до койки. Спали не более шести-семи часов. В бытовке, где мы жили, душа не было. Не было и ужина. Обед в рабочей столовой был сытный, его хватало на весь день. Вечером, после работы – максимум чай, столовка уже не работала. Суббота была рабочей, выходной день один – воскресенье. Баня – раз в две недели.

Уставшие, пропахшие бетоном и потом, мы укладывались в свои койки и вмиг засыпали, сил на что-то еще не оставалось вообще. Я был тем летом простым рабочим и как варилась стройотрядовская кухня наверху еще не знал. Как выбивались объемы работ, бетон, как закрывались наряды – все это придет потом. Командиром я стану только на третий строяк, а пока работал простым «рабом».

Была ли в этом романтика? Конечно. Но не в мнимых комсомольских призывах, не в дальней географии этих поездок и даже не в деньгах, а в том, что мы делали все это сами.

Это невероятный вызов – уехать большой компанией на два летних месяца куда-то далеко-далеко, взяться за новую работу и что-то сделать! Вот еще вчера тут не было дороги, а через два

месяца она будет. Вот тут не было коровника, а к сентябрю он будет стоять. Еще вчера ты ничего не умел, а, возвращаясь домой, чувствовал, что можешь все!

Это был невероятный опыт превращения мальчишек в мужчин. У нас не было чужих начальников, если и был командир, то он свой, такой же студент, как мы, просто на курс старше. Каждое лето менялись дислокация, работа, но всегда это было новое испытание, проверка на прочность.

Мы возвращались с БАМа через всю страну. Сначала на перекладных, грузовиками по таежным сопкам до Тынды. И потом самолетами, Тында – Чита – Москва. Через огромную страну, молодые, уставшие, но счастливые и с деньгами. А главное – на наших ярких стройотрядовских куртках красовалась свежая нашивка – «МФТИ. БАМ-85».

Нашивки мы придумывали сами. Каждый год новая эмблема с названием вуза. У меня она была пока что первая, у кого-то уже вторая, у кого-то третья, четвертая. Это как звезды на боевых машинах, знаки сбитых вражеских истребителей и покоренных вершин.

P.S.

Часто, проезжая по России, замечаешь какой-нибудь старый заброшенный коровник, здание школы, детского сада. Там, под карнизом крыши, на фоне стены из красного кирпича белым силикатным выложены буквы и цифры…

МПИ-76, МЭИ-79, МФТИ-83, МИСИ-85.

Иероглифы былой страны, знаки иной культуры, ушедшего советского «Древнего Рима». И сразу вспоминается знойное лето, смесь бетона, пота и молодости. Мы тут были. Мы строили эту страну. Она была наша.

Северная Корея (Июль 1985)

В одно из редких свободных воскресений того БАМовского строяка мы поехали… в Северную Корею.

Рядом с рабочим поселком Дипкун располагалась закрытая зона, большой участок леса. Это была наша советская территория, но находилась она под управлением КНДР. Северные корейцы валили там лес, что-то из него делали и отправляли к себе в Корею.

Воскресенье выпало на какой-то важный северокорейский праздник, и к ним приехал из Пхеньяна национальный ансамбль песни и пляски. На этот концерт столичных «знаменитостей» нас и пригласили.

– Вы побываете в настоящей Северной Корее! – предупредили нас.

Лесная делянка, где хозяйничали северокорейцы, окруженная несколькими рядами колючей проволоки и рвом, была похожа на лагерную зону. Здания общежитий и клуб – длинные деревянные бараки, напоминали военные фильмы про немецкие концлагеря. В стороне, около одного из бараков, на корточках большой группой сидели корейцы. Нам объяснили, что на корточках им удобнее, так они отдыхают.

На площади, в центре пыльной поляны, стоял памятник Ким Ир Сену.

В своих ярких стройотрядовских куртках мы тут же побежали к нему – залезть на статую и сфотографироваться на память. Это вызвало всеобщий переполох. Кто-то главный из корейцев немедленно подбежал и угрожающе стал кричать, что так нельзя:

– Это ужас! Кошмар!

К памятнику вождю нельзя даже прикасаться, не то что, на него влезать. Мы извинились и отошли от «Ким Ир Сена» подальше. Сразу была видна разница между свободой поведения у нас, в СССР, и в Северной Корее. Мы чувствовали себя абсолютно свободными и раскованными людьми, по крайней мере на фоне северных корейцев. А те выглядели зашуганной толпой.

Наконец-то всех стали звать в клуб, артисты готовы были дать концерт. И все сидящие на корточках лесорубы по команде выстроились в длинную очередь. Их стали загонять в клуб, именно загонять, кого-то при этом били палками. Зачем их били? Кто и в чем там провинился – было неясно. Но все это

поразительно напоминало концлагерь.

В конце концов в клубный зал зашли и мы.

Северокорейцы уже смирно сидели на стульях, ровно положив руки на колени. Все четко в ряд, в одинаковых коричневых робах. Нас, как почетных московских гостей, посадили в первые ряды. Перед самым началом концерта отдельный человек, наверное, какой-то их спецслужбист, стал раздавать букеты цветов.

– Когда будет петь наша главная прима-певица, нужно будет выходить на сцену и вручать ей цветы. Так у нас принято, – пояснял нам корейский товарищ. – А столичным артистам будет приятно, если цветы будут вручать именно советские товарищи.

Таких букетов нам выдали пять штук.

Концерт был красивый и интересный, мы впервые слушали корейскую музыку и песни, смотрели их танцы. Было видно, что артисты и правда «столичные», все было на высоком уровне.

И вот наступил черед примы, главной звезды из Пхеньяна.

Когда она закончила свою первую арию, зал, как по команде, начал дружно хлопать, а службист стал толкать Карена идти на сцену вручать цветы. Наш Карен Согоян, студент третьего курса, хитро ухмыльнулся и пошел на сцену. Певица была красива, кланялась залу и улыбалась. Карен вышел на сцену, вручил ей цветы и, неожиданно для всех присутствующих, ее… поцеловал.

– Ооооххххххх! – пронесся ропот по залу, где сидели северокорейские лесорубы. Мы засмеялись, а Карен с довольной улыбкой вернулся к зрителям, которые постепенно приходили в себя.

Певица запела вторую песню. А мы тем временем передали следующий букет снова Карену – иди опять ты! Когда певица закончила петь и стала кланяться зрителям, Карен гордо встал со своего места, разгладил усы и снова пошел на сцену. Зал замер: неужели он будет целовать ее опять?

А мы смотрели на корейскую певицу – как будет реагировать она? Но лицо ее было в толстом слое пудры, ее эмоций было не видно. Карен подошел к ней почти вплотную, вручил цветы и снова поцеловал, задержав ее на пару секунд в своих жарких армянских объятьях. Зал взревел. Это был и не смех и не овации. Это была смесь восторга, зависти, умиления и страха одновременно.

Прима запела свою третью песню. А мы передали Карену третий букет.

Весь зал ждал уже не окончания песни, а следующего выхода Карена на сцену. Северные корейцы больше не сидели смирно на своих стульях, а ерзали, смеялись и ждали, ждали очередного

поцелуя. Когда прима закончила петь, было видно, что этого ждет и она…

Их третий поцелуй длился три или четыре секунды. Это безумно долго, особенно когда ты на сцене и на тебя восторженно смотрит толпа северокорейских лесорубов. К пятому поцелую зал гудел и возбужденно улыбался.

Я не знаю, кого они в тот момент больше боготворили? Свою приму-певицу из Пхеньяна или нашего Карена Согояна, студента третьего курса ФАЛТа МФТИ, из Еревана.

P.S.

Мы, московские студенты, чувствовали себя тогда самыми свободными людьми в большой и богатой стране, главными в этом мире. Мы были молоды, счастливы и уверены в себе.

Здравствуй, Сергей!

Сейчас я на дежурстве – всю ночь. Мое самое любимое время. Вся ночь полностью свободна.

О службе особенно расписывать не люблю, но пару слов можно.

Живем мы довольно дружно (я имею в виду ребят своего призыва). Всех объединяет одна мысль, одно желание. В каптерке у каждого уже стоит дембельский дипломат. Старшина так и говорит: «Как только у солдата появляется дипломат, о службе он уже не думает».

Правильно говорит, какая уж там к черту служба. Я уверяю друзей: пройдет самое большее 10 лет и вы будете вспоминать армейскую жизнь с ностальгией и сожалением, с тоской по утраченному безмятежному и беззаботному времени. Мне никто не верит, смеются, думают, шучу. Сейчас кажется – только б выйти за этот проклятый забор – и горя бы никакого не видали.

В основном ребята у нас неплохие. Тут каждый как на ладони – такие условия. Часто по ночам собираемся у чьей-нибудь кровати – спорим, просто болтаем, говорим о будущем, короче, мешаем спать остальным.

Да, Серега, нам на Время не придется жаловаться. Думаю, в самый раз родились, аккурат на катаклизмы да потрясения придемся. Только б среди них не ошибиться. Нынешняя тишина так обманчива. А мы когда-то

завидовали бурям начала века! То был майский ветерок по сравнению с грядущими ураганами.

Ты писал об «уйме вопросов», которые встали перед тобой. Ты сдержан в письме, а мне остается только догадываться. Впрочем – ладно, скоро увидимся.

Рассчитываю в декабре быть в Москве. Поступать, как и прежде, думаю на психфак. Но сейчас это уже не самоцель для меня, а только средство.

Пишу солдатские песни – помнишь, как и 5 лет назад писал, – правда, сейчас, кажется, немного лучше, потому что их принимают и поют повсюду.

Все, на этом большая точка.

Пиши.

Игорь

(22 июля 1986 года)

«2000»
Звезды звенят далеки,
Как двухтысячный год.
Камни там или дороги –
Кто разберет…
Что это, что это значит –
Трех нулей пулевой полет?
И какая участь маячит
За последним нулем?
В счастье планета несется.
Что же ты приуныл?
Три нуля – как три Солнца,
Ладно – как три Луны.
Тусклый, слепой, негромкий,
Но все-таки свет.
А вдруг это три воронки –
Ядерной бури след?
А вдруг это капли крови?
А за ним река…
А вдруг – просто ноль, утроенный,
Чтобы наверняка.

Письмо от друга из армии

(1986 год)

Что? Где? Когда? (Осень 1986)

Попасть в клуб знатоков было моей давней мечтой.

Эта телевизионная игра, вышедшая в эфир в конце 1970-х, полюбилась миллионам зрителей. В ней было все, чего не хватало в нашей обыденной жизни. Там каждый раз был элемент случайности. Волчок, вращаясь, делал случайный выбор – находил вопрос.

Советская жизнь была заорганизована и четко спланирована, общие правила социалистического общежития вроде бы не предполагали случайностей. Везде должен быть порядок и правила. Но в реальной жизни, конечно, было не так. Часто все решал именно случай. И когда шестерка игроков пристально следила за волчком в ожидании «случая» – это была необычная картинка для главного телеканала страны, но абсолютно понятная каждому из нас. Мы всегда надеялись в жизни не только на правила и порядок, но еще и на случай, удачу.

Второе, что поражало, – это необъятность знаний. И дело не в том, что знатоки были такими умными, а в том, что вопросов было огромное количество. Оказывается, наш мир не столь прост и совсем не очевиден, в нем уйма загадок и тайн. Это выходило за устоявшиеся рамки описания действительности. Нас с детства учили, что мы живем в развитом социалистическом обществе, где все понятно и логично. Если когда-то и были неразрешимые вопросы, то они остались в глубине далекой истории.

Но, как выяснилось, нет. И в наше социалистическое время есть еще много вопросов, и на них нет очевидных ответов. Их нужно искать. И шестерка игроков начинают это делать, прямо тут, в прямом эфире. Они не ждут указаний сверху, им не нужно иметь заранее утвержденный план. Они просто берутся, обсуждают и ищут ответ. Им не будет подсказок и помощи, надежда только на себя и на свою команду.

В этом процессе «игры» была самая суть советской жизни. Казалось бы, вся страна жила по общим правилам и законам, установленным сверху, но на самом деле центром жизни советского общества был коллектив, где мы учились или работали. Там, в коллективе, бурлила наша жизнь, проходили споры, кипели наши страсти.

Эта игра была идеальным слепком с нашей жизни, где были удачи и поражения, открытия и провалы. Решение любого вопроса мы искали вместе, но правильный ответ всегда находил кто-то

один. Это был и коллективный разум, и личный пример.

С самых первых эфиров в игре стали зажигаться новые звезды. Найти ответ за одну минуту, на глазах у миллионов телезрителей – что может быть более интригующим? Звезды тех передач были нашими кумирами не меньше космонавтов или народных артистов, а ведь это были обыкновенные ребята со всей страны. Ворошилов открыл ворота всем. Если ты способен найти ответ за одну минуту на неизвестный тебе вопрос – у тебя есть шанс! Я не знаю, сам ли Ворошилов придумал эту игру, ее конструкцию, но она очень четко уловила то, чего жаждал человек в те времена советского расцвета.

Телепередача «Что? Где? Когда?»

Особенно это касалось молодежи. Попасть в клуб знатоков, в прямой эфир игры, была мечта многих, этот пунктик был и у меня. Но как пробиться в Останкино? Я отправил письмо с заявкой еще на первом курсе, как только поступил в институт, но ответа не пришло. Таких, как я, наверное, были тысячи. Нужно было искать путь короче. Как только меня выбрали секретарем комитета комсомола и в комитетском кабинете появился телефон, первое место, куда я позвонил, была телестудия

Останкино:

– Как попасть на отбор в команду знатоков в программу «Что? Где? Когда?»?

Это была просто наглость, надежда на удачу, на случай в поиске новых жизненных путей и приключений. И, о чудо! С той стороны, из телестудии, мне сразу ответили, что через месяц Ворошилов будет проводить очередной отборочный тур и предложили:

– Приходи!

В большом зале одного из многочисленных помещений в Останкино собралось около 50 человек разного возраста, от 20 до 35 лет. Предполагалось отобрать очередную новую шестерку знатоков. Тут были люди из Москвы и из различных дальних городов СССР.

Сначала Ворошилов сам задавал вопросы, один за другим, и ждал, кто поднимет руку первым и даст точный ответ. Ответить первым мне удалось лишь несколько раз из сотни вопросов. Из компании претендентов сразу выделилась пара человек, однозначных «лидеров», остальные были примерно равными. Я был не хуже, но и не лучше других, вопросы были непростые.

Второй этап – игра за столом. Тут нужно было разделиться на группы и показать, как ты работаешь в команде. Еще через месяц нас позвали на второй тур, после которого объявили, что я… прошел!

Была сформирована новая команда, и нас обещали вывести в телевизионный эфир в наступающем 1987 году, нужно было только потренироваться – все-таки сыгранности за столом у нас еще не хватало. А под Новый год где-то на улице Герцена, в подвале жилого дома, проходила съемка предпраздничной игры.

Мы впервые тогда попали в кутерьму новогоднего прямого эфира лучшей советской телевизионной передачи того времени – «Что? Где? Когда?».

P.S.

Карьеры «знатока» я не сделал.

Общественная и личная жизнь закрутила своими делами и заботами. Летом я должен был ехать в алтайский стройотряд. И нужно было выбирать между Алтаем и тренировочным сбором с командой новых знатоков.

Если выбирать игру, то все остальное пришлось бы бросать. А учеба и комсомольская жизнь на факультете тогда кипели, я просто не мог себе этого позволить. И я отказался от игры. Но

ощущение, что цель достигнута, оставалось еще долго. Я мысленно поставил галочку: мечта сбылась.

Можно идти дальше…

Лом
(Осень 1986)

Достать билеты в хорошие московские театры было очень сложно, практически невозможно. Это была почти валюта. А билеты на самые лучшие спектакли – это вообще сверхдефицит. Их можно было выменять даже на мебель, джинсы или дорогие импортные продукты.

Театральная жизнь Москвы 80-х – это особая, почти элитарная атмосфера. Попасть туда – как попасть в высшую сферу. Московские начальники, наверное, доставали билеты по блату или задорого у перекупщиков, но у студентов таких связей не было и оставалось одно – пытаться купить их в кассе. А она была одна-единственная на каждый театр.

В городских киосках продавали много билетов, но в основном в цирк, на концерты или подобные представления. Билеты в «Ленком», Театр Маяковского или на «Таганку» туда не попадали.

Мест в каждом театральном зале немного, их было абсолютно недостаточно на многомиллионную Москву. А если иметь в виду, что основная масса билетов до кассы не доходила, а расходилась по многочисленным блатным, героям труда и прочим важным товарищам, то в единственную официальную театральную кассу попадало не более 100 билетов на каждый спектакль.

Это мизер, а желающих купить их было, естественно, очень много, и потому в студенческой Москве тех лет родилось уникальное явление – театральный ЛОМ! От слова «ломиться».

Касса открывалась утром, около 7:00, поэтому занять место в очереди нужно было очень рано, чтобы оказаться в первых рядах. В одни руки давали не более двух пар билетов. Чтобы купить больше, нужно было занимать очередь компанией, но таких желающих находилось очень много, и за места в очереди нужно было еще и потолкаться. Итогом «борьбы» за театральные билеты и стал… лом.

«Логистика» была примерно такая. Мы выезжали из общежития электричкой поздно вечером, чтобы успеть на последний поезд метро, оно закрывалось в половине второго. Около двух ночи мы занимали очередь у касс. Одна компания ехала в «Ленком», другая на «Маяковку», третья к Театру сатиры, на «Таганку» или в какой-то другой популярный театр. В каждой компании было по 10–15 человек. Это была прелюдия, основное начиналось поздней ночью…

Встав в очередь, нужно притиснуться одним плечом к стене и

тесно прижаться друг к другу. В любой момент к очереди могла выскочить конкурирующая команда, скажем от Горного института или от «Керосинки», и начинался… лом.

Искусство лома – сложная игра. Тут нельзя бить в лицо и вообще никаких кулаков или металлических предметов. Мы ж культурные люди, хотим… попасть в театр!

Неписаным кодексом лома разрешалось только схватить противники за руку, плечо или туловище, и резким усилием вытолкнуть из очереди. Лучше выдернуть рывком сразу двоих или троих. Тогда в очереди образовывалась брешь, и туда мгновенно проникали два-три человека из твоей команды. Теперь уже они крепко сцеплялись в одно целое и занимали линию обороны.

Лом – это командная затея.

Там были отдельные люди, которые отвлекали внимание противника: кто-то кричал, кто-то визжал, кто-то бегал. Другой, кто посильнее, должен резким рывком выкинуть «врага» из цепи. Третья группа должна была успеть проникнуть в возникшую на секунду брешь и там закрепиться.

Лом – это бой, короткий, но яркий.

На ломы мы ездили обычно в старых куртках, лучше всего подходили ватники. Рвались чаще всего рукава, это было наиболее уязвимое место. Пока мы ехали в электричке из Жуковского в Москву, старшекуры вели инструктаж: как стоять, как скреплять руки, как отвлекать внимание противника. Объясняли стратегию и тактику боя.

Цель – поставить в очередь как можно больше наших, выкинув чужих. При этом не важно, кто из своих попадал в очередь, все работали на общую задачу. Купленные билеты затем собирались в общак, и дальше шел глобальный обмен с другими командами, которые «ломились» параллельно на «Маяковке» или «Таганке». И только собрав всю добытую в боях билетную массу, мы распределяли ее по-братски между собой.

А через неделю, надев единственный приличный свитер или пиджак, ты шел в театр, приобщаться к высокой культуре.

P.S.

Пройдет совсем немного лет, и вчерашние студенты московских вузов столкнутся друг с другом опять – уже на «полях» бизнеса в 90-х, отвоевывая свое место в высшем свете…

Жена
(Декабрь 1986)

Мы поженились очень просто, как-то даже обыденно.

Когда в ЗАГСе ведущая объявила:

– Молодые, поздравьте друг друга, вы стали мужем и женой! – я от волнения и незнания, что делать в такой ситуации, вместо того чтобы обнять и поцеловать невесту… по-комсомольски пожал ей руку.

Наверное, любой молодой человек в юности мысленно задает себе вопрос – где сейчас живет, чем дышит его будущая избранница? Ведь где-то она сейчас ходит! Этим вопросом задавался и я. Но мы нашли друг друга легко – я учился на втором курсе, она на первом, мы жили в одной общаге. Комнаты студенческого общежития делились на мужские и женские. Я жил с Виталиком, он был из Волжского. Рита была из Коломны, ее поселили со Светой, та была из Сердобска.

В среднем на курс Физтеха поступало около 100 человек, из них пять-шесть девушек, остальные ребята. Девчонок, естественно, не хватало. Мы часто проводили дискотеки в нашей студенческой столовке, туда приходили потанцевать и местные девушки из Жуковского – они составляли второй круг девчат, с кем знакомились студенты нашего факультета. Коренных москвичек тут не было.

Мы все заводили дружбу и романы с теми, кто был рядом. Виталик выбрал Свету, а я Риту, мы так и стали встречаться и общаться нашими двумя комнатами. Когда уступаешь на ночь комнату товарищу, у тебя нет других вариантов, кроме как общаться с подругой его избранницы.

У нас не было длинных ухаживаний с тортами, чтением стихов и задушевными излияниями, мы просто болтали обо всем подряд, ходили в театры и решали задачки.

А еще я помогал Рите мыть полы. Она устроилась по вечерам на подработки в соседнем детском садике, и позвала меня помочь. Если ты влюбился и ухаживаешь за девушкой, нужно и помогать.

Я передвигал столы и стулья, пока она там убиралась.

Мы общались около года, уже почти постоянно жили в одной комнате, когда появилась ее мама и я предложил Рите выйти за меня замуж. Это не было каким-то торжественным, томительным или мучительным решением для обоих, хотя мне был всего 21 год, а ей и того меньше – 18.

Мы все время были вместе, и это естественным образом должно было привести нас к этому решению.

А еще… мне понравилась ее мама.

Симпатичная, молодая, деловая и энергичная, она работала начальником отдела в каком-то коломенском НИИ и была из той позитивной советской «научной среды», приобщиться к которой я и стремился, уезжая из Горловки в Москву. Папы у Риты не было, он умер за несколько лет до того от тяжелой болезни, и Рита с мамой и бабушкой жили своим отдельным женским царством с пуделем по имени Цезарь.

Будущая теща сразу признала и меня, одобрив выбор дочери.

Через неделю я первый раз приехал к ним в коломенскую квартиру. Она выделила нам спальную комнату и тут же поручила мне «мужское дело», в доме давно не было мужика:

– Нужно починить сливной бачок в туалете, там что-то сломалось.

С этого началось мое вхождение в будущую семью. Я сразу был очарован новым квартирным бытом. Все-таки жить в общежитии – это одно, а в квартире – совсем другое. Сыграло ли в моем решении жениться желание получить подмосковную прописку?

В семейной комнате общежития

Нет. Как осознанной цели этого точно не было.

Наш институт и общежитие располагались в Жуковском, это ближе к Москве, чем Коломна. А мы все стремились тогда в центр, в Москву. Как пробиться туда, к московской прописке, было еще абсолютно непонятно, но мысленно мы были уже в Москве.

Коломна – дальнее Подмосковье, если бы пришлось переезжать туда, это был бы шаг назад. Но все равно, это уже

Московская область, что создавало надежный тыл, от которого, в случае чего, можно будет оттолкнуться.

В тот год я стал секретарем комитета комсомола, и Рита воспринимала меня как лидера, как командира пусть и небольшого «отряда». Так что она тоже выходила замуж не за пустого парня.

В общем, наше решение пожениться было выбором равных, оно было обоюдным, и мы сразу стали жить настоящей семьей, назначив свадьбу через полгода, на апрель. Своим родителям я объявил об этом решении только в феврале. Позвонил по телефону, рассказал, что нашел девушку, и мы решили пожениться.

Они впервые увидели Риту, только когда приехали на свадьбу.

P.S.

Примерно в то же время поженились и Виталик со Светой. У нас и у них не было охов и ахов, не было долгих ухаживаний и любовных метаний.

Менялись времена, обстоятельства, дома, квартиры.

Бурные события 1990-х сломали многое, но не наши семьи, родившиеся в двух соседних комнатах студенческой общаги, на Гагарина, 20.

Бронь крайкома (Зима 1987)

Получив назначение командиром стройотряда в Степной Алтай, я полетел туда зимой на разведку.

Так было положено, что командир отряда заранее вылетал на место будущих работ и там договаривался об объектах, проживании, питании и прочих рабочих моментах летнего строяка. Я в первый раз тогда стал командиром и полетел знакомиться с тамошним председателем колхоза. Путь был не близким, нужно было долететь до Барнаула, потом добраться до Кулунды и там, в степях, найти колхоз, обсудить с председателем дела.

Справившись с этой задачей, я отправился в обратный путь: колхоз – Кулунда – Барнаул. Заехал в крайком комсомола, отметил командировочные, забрал нужные документы и двинулся в аэропорт, чтобы улететь наконец в Москву. Но обратных билетов у меня не было, я предполагал купить их на месте.

В тот день аэропорт города Барнаула бурлил, как муравейник.

Сейчас это трудно представить, но в те годы все областные и районные аэропорты были переполнены людьми. Самолеты улетали каждый час, а может и чаще, но все равно желающих улететь было гораздо больше. Огромный Советский Союз любил летать на самолетах: на отдых, в командировки, к родным. Пресловутый советский дефицит был и тут, билетов на самолеты категорически не хватало.

Рейсов из Барнаула в Москву в тот день было несколько, но все места на них были проданы. Я покорно встал в очередь, но быстро понял, что тут мне не светит. Перед кассой стояла огромная толпа. Она состояла из различных льготников, т. е. тех, кому билеты полагались вне очереди. А таких было много: это и военные в увольнительных, и больные «по телеграммам», и пенсионеры союзного значения и прочие и прочие. Все хотели попасть на московский рейс. И только после этой «толпы» начиналась длинная регулярная очередь, в которой можно было простоять и несколько дней.

Советский человек привык к очередям, у него вырабатывались различные уловки, как пролезть поближе. Толкучка у кассы усиливалась, толпа бурлила, все пытались предъявить нужную «бумажку»: «телеграмму», «приказ», «разрешение» и прочие документы, позволявшие хоть как-то

приблизиться к кассе.

У меня таких «бумажек» не было.

Но провести еще несколько дней в барнаульском аэропорту после поездки в кулундинский колхоз я точно не собирался, нужно было что-то делать! Выбравшись из толпы, я отошел от кассы и стал осматриваться. Рядом на стене был написан номер телефона кассы Аэрофлота, той самой кассы, к которой все и пробивались. Достав из кармана две копейки, я зашел в будку телефонного автомата. Она стояла тут же, в зале аэропорта, прямо напротив касс. Опустил монету и набрал номер.

– Алло, Аэрофлот слушает, – ответила мне в трубку та самая кассирша.

– Это – крайком комсомола, – сказал я, стараясь изменить голос, чтобы придать ему больше солидности, – у нас там бронь на Москву.

– Какая бронь? – переспросили в ответ, – вашей брони уже нет, она кончилась.

– Нет, Вы ошибаетесь, у нас точно есть бронь! – повысил я голос, – товарищ вылетает на совещание в ЦК комсомола, нужно срочно продать ему билет.

На той стороне провода замялись, стали листать какую-то тетрадь, чертыхаться и кого-то ругать.

– У нас точно есть бронь! – еще раз строго повторил я в трубку.

– Как его фамилия? – наконец-то спросила кассирша.

– Васильев, – ответил я и приоткрыл дверь будки.

И вовремя приоткрыл, так как тут же услышал крик из окошка кассы:

– Есть тут Васильев от крайкома?

– Есть, – закричал я, предварительно повесив трубку, и гордо пошел к кассе, проталкиваясь сквозь озабоченную толпу.

P.S.

В тот момент мне впервые удалось обмануть «систему».

Я был безумно счастлив этому неожиданному открытию: мне показалось, что с «системой» можно справиться, в ней можно жить, и у меня это получится…

Б.Г.
(Февраль 1987)

В каждой студенческой компании был человек, тесно общавшийся с артистической тусовкой. У нас таким был Шура Прохоров (Прошка), у него был свой выход на московский Рок-клуб.

– Есть шанс привезти к нам на ФАЛТ, в Жуковский… группу «Аквариум», – неожиданно сообщил он мне в конце января.

В это трудно было поверить, но Прошка, говорил убедительно:

– Это реально!

Борис Гребенщиков был для нас полубог. Ритм его музыки и замысловатые тексты будоражили сознание. Он был чуть старше нас, но уже считался тайной и полузапретной звездой. Его песни были совсем другие, таких еще никто не пел. В них была какая-то загадка, намек, вымысел, мечта. Они были непонятны, но потому еще более притягивали.

– Да, мы можем договориться о таком концерте, – подтвердили Прошке, – Нужно будет только собрать 200 рублей на их гонорар.

Наш зал на ФАЛТе был рассчитан на 400 мест, собрать такую сумму было несложно, и мы за это взялись. «Центральным штабом» подготовки стала наша комната в общаге. Рита, без двух месяцев жена, печатала билеты, т. е. нарезала ножницами листы бумаги и писала на них от руки: «Концерт – группа "Аквариум"». А я ставил там печать комитета комсомола.

Меня только-только выбрали секретарем, и это было первое настоящее дело, которое я взялся организовать на факультете.

Весть о концерте Б.Г. быстро разлетелась по общежитию, и постепенно наша комната превратилась в проходной двор. Народ шел за билетами. Требуемую сумму в 200 рублей на выплату гонорара мы собрали довольно быстро, за несколько дней. Оставалось только собрать деньги на автобус, чтобы довезти группу из Москвы в Жуковский, и, возможно, что-то на аппаратуру и звук.

А может, еще и что-то останется. Если будет прибыль, она пойдет в кассу комитета.

В нашем актовом зале имелась старая звуковая аппаратура: какой-то ударник, пара электрогитар и усилитель. Мне казалось, этого будет вполне достаточно для концерта. Возможно, аппаратура была и примитивная, но в тот момент мы вообще не

представляли, какая нам нужна аппаратура, чтобы принять такую группу, как «Аквариум». Мы неспешно обсуждали, чего еще не хватает. Может, найти дополнительную гитару или колонки?

Всю сложность и масштаб проблемы с аппаратурой для такого дела я понял только в самый последний день, т. е. вечером накануне концерта Б.Г. Весть о нем просочилась в город, к нам пришли ребята из ДК им. Ленина и с удивлением спросили:

– К вам реально завтра приедет Б.Г.?

– Ну да, – ответили мы.

– У них в команде шесть – восемь человек. Всем нужны микрофоны, да не простые, усилители, реверберaторы и прочее и прочее, – стали разъяснять мне нюансы ребята из ДК. – Нужна серьезная ударная установка, а не эти три детских барабана, что стоят тут у вас. Это же старый советский примитив! А к вам едет… «Аквариум»! Это ж будет позор! Они откажутся выступать.

Только в этот момент пришло полное понимание сложившейся ситуации.

– Мужики, у нас только вечер и завтрашнее утро, чтобы все это решить! Помогайте, мы заплатим. Нужно искать по городу, где угодно, но все это найти, – вот ситуация, которая сложилась у нас за ночь до концерта.

Под утро мы разделились. Одни поехали по городу и окрестностям собирать требуемую аппаратуру, а я рванул в автобусный парк за автобусом, чтобы привезти к нам группу. За контакт с самой группой отвечал Прошка, только у него был тайный заветный телефон, по которому ему ответили, куда нужно приехать. И при этом на той стороне провода шифровались.

Наш концерт все более напоминал авантюру: в зале не было подходящей аппаратуры, но не было и уверенности, что сама группа «Аквариум» знает про свой сегодняшний концерт. Все было полуподпольно, знать об этом не должен был никто. Такие заработки для артистов были формально запрещены, равно как и сбор денег со студентов на подобные концерты.

Мы выехали рано утром, абсолютно не будучи уверенными, что там, в Москве, нас не обманут, и мы действительно встретим группу «Аквариум» и самого Б.Г.

Была зима, жуткий холод. Мы остановились у какого-то здания в центре Москвы и стали ждать. Прошло 15 минут, 20 минут, полчаса, час.

И тут в наш ПАЗик вошел Б.Г.

Он был одет в огромный полушубок, свисавший почти до земли. На голове – черный капюшон. За ним Тит, Дюша и вся команда. Когда группа села в автобус и мы тронулись, Тит остановил водителя и попросил подождать:

– Я сбегаю за портвейном.

Половина задачи была решена, Б.Г. с нами. Мы ехали в Жуковский. Но как тем временем решалась вторая часть задачи, с аппаратурой, я абсолютно не имел представления. Оставалось только одно – молиться! Как там ребята? Справятся ли они? Найдут ли все, что нужно? Борис и группа – все были без инструментов, им обещали, что у нас есть все необходимое. Но у нас еще утром не было ничего.

С Б.Г. в общаге

А ведь мы везли к нам не кого-нибудь, а самого Б.Г.

Его песни и музыку мы слушали уже несколько лет, с трудом выискивая случайные магнитофонные записи. «Аквариум» вроде и не был запрещен, но его лент или дисков нигде не было. Это был почти Высоцкий наших дней. Полузапретный и самый любимый.

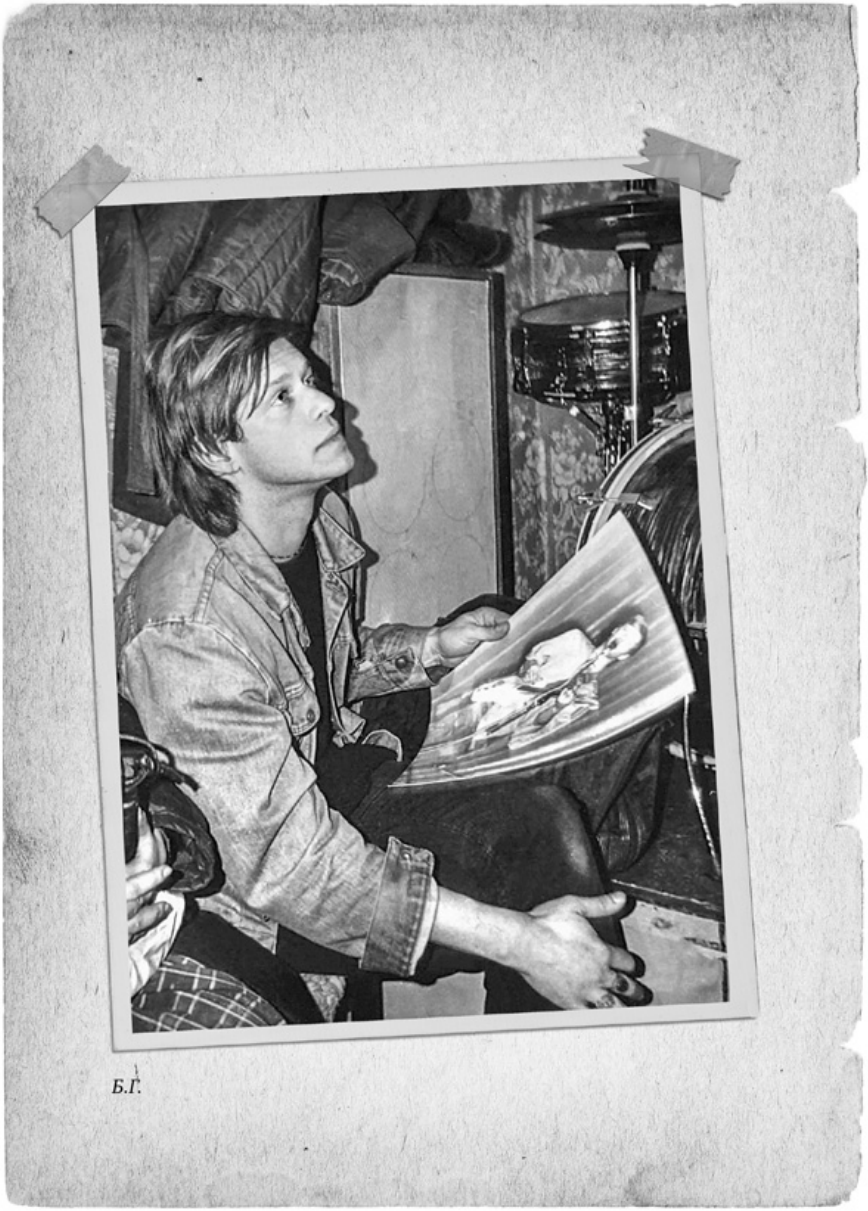
Макаревич с «Машиной времени» были везде: и на телевидении, и на всех дискотеках, а Б.Г. там не было. Почему-то советская эстрада быстро впитала в себя «Машину времени» с ее «Поворотом», а Б.Г. туда не вписывался. Никак не вписывался. Он распространялся тайно, почти как самиздат, редкими магнитофонными записями.

Но в тот год произошел наконец-то прорыв. Буквально за месяц до нашего концерта, в январе 1987-го, группа «Аквариум» впервые выступила в прямом эфире центрального телевидения СССР в программе «Музыкальный ринг». Плотину прорвало. В тот день мы впервые увидели его живьем: молодого, красивого, с длинными вьющимися волосами. Какие-то комсомольские работники спрашивали Б.Г. во время программы о смысле и подтексте его песен, а он иронично молчал, не отвечал и просто пел. Пел свои загадочные песни с быстрым ударным ритмом.

Мы везли к нам Б.Г.

В тот момент я ждал многого: неразберихи в зале, суматохи с аппаратурой, даже скандала, но того, что начнется, когда мы подъехали к институту… я не забуду никогда. Вся площадка перед входом в институт была заполнена народом. Новость о неофициальном концерте «Аквариума» облетела уже Жуковский и окрестности, вся молодежь города столпилась у входа в институт. Кое-как организованная охрана из самих студентов еле сдерживала толпу.

Мы проталкивались с Б.Г. внутрь.



Б.Г.

Ажиотаж был неимоверный! Наш небольшой зал был заполнен до отказа, люди стояли и сидели в проходах. За то утро удалось продать билетов в два раза больше, чем вмещал зал и чем рассчитывали мы. Все, что было нужно из аппаратуры, было найдено. Может, не все подходило – музыкантам пришлось долго настраиваться, но предконцертная обстановка, когда занавес закрыт, а за ним живые звуки подготовки… еще больше раскручивали зал.

И вот занавес открыли, и на сцену вышел Б.Г., а за ним все остальные. И с первым же ударом по струнам – сразу в бой…

«Тем, кто держит камни для долгого дня,
Братьям винограда и сестрам огня,
О том, что есть во мне,
Но радостно не только для меня.
Я вижу признаки великой весны,
Серебряное пламя в ночном небе,
У нас есть все, что есть.
Пришла пора, откроем ли мы дверь?»

И зал взорвался овацией, показывая, что знает песню…

«Вот едут партизаны полной луны,
Мое место здесь.
Вот едут партизаны полной луны.
Пускай их… едут».

Эмоции нас переполняли. В этом зале проходили наши комсомольские собрания, тут мы принимали в студенты первокуров, тут профессора читали нам лекции, мы крутили фильмы и проводили профсоюзные собрания. Это был наш домашний зал, почти как кухня. И вот теперь тут… Б.Г.!!!

Новая песня и новый всплеск, новая песня и буря эмоций. Это был не квартирник и не концерт. В тот вечер мы вместе с ним улетали в небеса, он – к своей всесоюзной славе, а мы – к своему восторгу: с нами Б.Г.!

P.S.

Этот концерт дал мне очень многое. Неожиданно для самих себя мы совершили нечто необыкновенное. Человек, о котором с придыханием говорила вся молодежь, был вот тут, рядом с нами. После концерта мы с ним даже вместе пили в общаге. А когда ты соприкасаешься с великим, то уже не хочется размениваться на что-то мелкое.

Если кто-то и изменил наше сознание в те годы, то именно он – Б.Г.

Ни Горбачёв, ни демократы, ни модное молодежное телевидение, а именно он. Мы жаждали чего-то нового, но не знали чего. И его песни, труднопонятные, загадочные, но

красивые, лучше всего ложились тут в камертон…

* * *

«Под небом голубым есть город золотой
С прозрачными воротами и ясною звездой,
А в городе том сад, все травы да цветы,
Гуляют там животные невиданной красы:

Одно, как желтый огнегривый лев,
Другое вол, исполненный очей,
С ними золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый…»[1]

«Звуки МУ» (Март 1987)

В тот момент, когда в актовом зале ФАЛТа МФТИ пел Б.Г., в стеклянную входную дверь постучался мужчина с гитарой через плечо.

– Я – Петя Мамонов из группы «Звуки МУ», – сказал он. – Мы готовы спеть у вас несколько своих песен сразу после «Аквариума».

Товарищ показался нам немного странным.

– Что это у вас за «МУ»? – переспросили его.

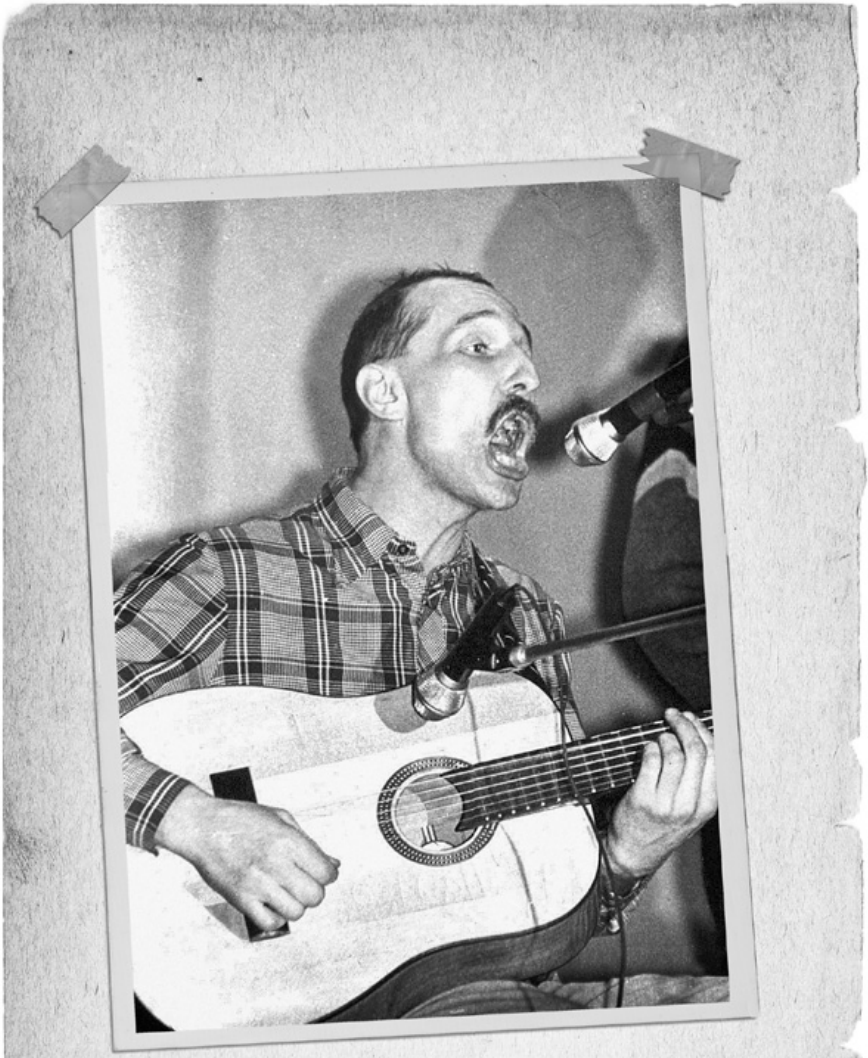
– Это «Звуки московских улиц», – уточнил Мамонов. – Уверяю, будет интересно.

Но в тот момент, увлеченные «Аквариумом», мы не хотели смешивать впечатления и предложили ему прийти в другой раз.

Организовав «исторический» концерт с Б.Г., мы решили устроить из нашего факультетского зала что-то вроде рок-клуба и приглашать туда ведущие рок-команды. Концерт «Аквариума» – отличная реклама для такой площадки, и нам даже не нужно искать новые контакты, музыканты сами будут выходить на нас. Рок-группы того времени – законодатели моды в студенческой и вообще молодежной среде. О них ходили слухи, легенды.

«Центр», «ДДТ», «Браво», «Николай Коперник», «Кино», «Телевизор». Мы позовем их всех. Раз уж к нам приехал сам Б.Г., мы сможем увидеть и услышать весь цвет русского рока.

Неожиданно для самих себя мы заработали на «Аквариуме» около 600 рублей с продажи билетов, это более чем в два раза превысило расходы на гонорар группе и всю подготовку. У нас в комитете комсомола осталось еще 300–350 рублей как прибыль. Этих денег могло хватить на гонорар еще двум-трем командам, ведь другие просили раза в два меньше, чем «Аквариум».



Петр Мамонов

И мы взялись их искать. За весну 87-го в нашем зале прошло еще три или четыре концерта. Особых сборов тут сделать уже не удалось, на их организацию и ушла вся «прибыль» от Б.Г., но в результате тех концертов в нашу жизнь вошел… Петр Мамонов.

Ему было тогда 36.

Группа «Звуки МУ» была абсолютно неизвестна. Кто такой Петр Мамонов, мы не знали совершенно. В каком стиле поет его группа? Сколько в ней человек и вообще, о чем их песни? Билеты

продавались плохо, но все равно собрался почти весь зал, все-таки это было сразу после «Аквариума». Мы были воодушевлены и хотели знать все группы русского рока.

Когда зал был уже заполнен и за занавесом, на сцене, группа начала настраивать аппаратуру, неожиданно между кулисами высунулась голова Мамонова. Огромное, жилистое, фактурное лицо. С этого и начался его концерт.

Голова начала вещать в зал какую-то непонятную чушь то закрывая глаза, то искривляя рот, то подмигивая, то зажмуриваясь.

– Будет клевый сейшн… на уровне австралийских гор!

Мамонов говорил, сильно заикаясь. Зрители начали недоуменно переглядываться и смеяться. Было непонятно, неужели это и есть лидер группы? Неужели с таким заиканием он еще будет что-то петь? Или у него в группе есть кто-то, кто будет петь вместо него?

Но занавес раздвинулся, и на сцене стоял он один. Где-то в отдалении гитара, ударник, но основным и, по сути, единственным исполнителем был ОН.

То, что началось с первой ноты, сразу повергло всех в шок. Петр Мамонов стал рычать в микрофон и одновременно корчиться в жутких конвульсиях. На сцене творилось что-то невероятное и необъяснимое, и как на это реагировать, было непонятно. Кто-то в зале начал смеяться, кто-то удивленно молчал, кто-то крутил пальцем у виска. А со второй песни Мамонов уже не только корчился и рычал, у него пошел жесткий, на грани фола, текст.

«Все, что я тебе скажу, все будет из бумаги,
Ох, как я тебя люблю в универмаге.
Все, что я тебе куплю, все будет из бумаги,
Ох, как я тебя хочу в универмаге.

Все, что я тебе спою, все будет из резины,
Ох, как я тебя люблю у магазина.
Все, что ночью нашепчу, будет из резины,
Ох, как я тебя хочу у магазина.

Я так люблю бумажные цветы…»

В этот момент на сцену выбежала декан факультета МАИ[2], женщина преклонных лет (МАИ занимал часть помещений в нашем здании, и она пришла посмотреть, что тут слушает ее молодежь). Она резко выдернула электрические шнуры

аппаратуры из розеток и гневно крикнула в зал.

– Это – безобразие, кошмар и пошлость! Это невозможно, нельзя слушать!

Зал загудел. В тот момент еще не было понятно, чего хотели студенты-зрители. То ли они были возмущены песней и всем происходившим на сцене, то ли выходкой декана соседнего факультета.

Казалось, что все в смятении. Нужно ли продолжать это действо? Мне самому в первый момент этот текст не понравился. После гребенщиковских светлых песен «Под небом голубым есть город золотой…» вдруг на сцену выходит мужик, корчит рожи и хрипло кричит в микрофон, кривляясь в конвульсиях.

«Так хочу, чтоб голая ходила ты,
Пьяная ходила ты… ты… ты…»

Вслед за деканом на сцену вырвался и я. Будучи секретарем комитета комсомола и как бы отвечая за все происходящее, я обратился к залу.

– Мы хотим это продолжать?

В тот момент мне казалось, что зал ответит: «Нет, не хотим! Давайте это остановим!»

На сцене стояли я, молодой секретарь комитета комсомола, и Петр Мамонов. Он молча, улыбаясь, ждал… ждал, чем все это закончится. Он покорно стоял, слушая крики и свист, но зал неожиданно закричал.

– Продолжаем!

Я еще раз переспросил.

– Мы точно хотим это слушать?

– Дааа! – уже со злостью на меня и на декана стал кричать зал.

И Мамонов продолжил петь.

«Все, что я тебе сказал, все стало из картона,
Я тебя поцеловал, крокодил зеленый.
Все, что я в тебя втыкал, все стало вдруг зеленым,
Ох, зачем я целовал куклу из картона…»

Он пел жестким хриплым голосом. Это был не юный Гребень, это был уже взрослый, потертый советской жизнью мужик, со своим пониманием смысла и сути этой жизни.

«У нас была любовь,

А теперь ремонт.
Ты целый день орешь.
Я устал, как черт.
Раньше мы валялись
Целый день на полу,
Теперь я до кровати
Доползти не могу…»

С каждой новой песней зал начинал лучше и лучше улавливал его ритм. И то, как он скручивал при этом ноги и руки, все более и более приходило в гармонию с текстом. Уже и до меня начал доходить тайный смысл действа.

Эта жизнь – невыносима! От нее корежит!

И если уж петь, то петь с надрывом, чтоб глаза навыкат, чтоб хрип заглушал звук, чтоб слюна летела изо рта, чтоб хотелось ломать и крушить. Его тошнило от окружающей действительности, от примитивности жизни и безысходности бытия. Поразительно, но когда он пел и хрипел, вдруг исчезало его заикание. Оно как будто переходило в конвульсии рук и ног, а текст ровным ритмом шел в зал.

Уже к завершению первого концерта он стал нашим кумиром. Следующие группы, кого мы приглашали к нам, не взрывали мозг настолько. Они пели что-то про свободу, демократию, но это было уже не то. И мы опять позвали его. Второй концерт Петра Мамонова в нашем зале был его триумфом.

Мы знали наизусть все его песни и «корежились» вместе с ним. Он стал нашим моральным авторитетом.

P.S.

Нельзя принимать пошлость этих дней, а если она липнет, плюй ей в лицо.

Здравствуй, Сергей!

На этой неделе вышел третий номер «Нового мира», в котором напечатана «Последняя пастораль» Алеся Адамовича. Брось все свои дела (кроме свадьбы) и прочитай ее. Если у тебя не хватит времени или терпения, то хотя бы внимательно изучи следующие страницы: 33, 34, 35, 38, 39, 47, 50, 51, но потом все равно прочитай всю пастораль.

Это то, о чем мы с тобой говорили два месяца назад, это то, что привлекло внимание особого отдела. Если б

Алесь Адамович (а он воевал в сороковых) служил сейчас в Хмельницком, то он бы уже сидел на Колыме за антисоветскую пропаганду.

Недавно Чингиз Айтматов по телевизору сказал, что у него редко бывает день, когда он не размышляет о предстоящей возможной катастрофе. Я могу сказать, что он просто счастливчик, у меня нет часа, свободного от этих тяжелых дум. Еще 2-3 года и на нашей планете начнутся события посерьезнее «битв революции». Куда б ни качнулась стрелка весов, на тишь и благодать ляжет крест. Люди все еще цепляются за какие-то счастьица и счастьишки, но корни уже надорваны, и малейшего порыва ветра будет достаточно, чтобы все пришло в движение.

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые…» – это я уже ощущаю собственной шкурой, каждой ее клеточкой.

На свадьбу, к сожалению, не приеду. Поэтому прими мои поздравления и все лучшее, что можно пожелать Другу.

Игорь

(2 апреля 1987 года)

Встреча с американцами (Май 1987)

Весной в Москву приехал друг и позвал меня на тайную диссидентскую сходку.

– Там будут иностранцы, – заинтриговал он. – И не просто какие-то европейцы, а американцы.

Живых американцев я еще никогда не видел и потому пошел с интересом.

Разговор на этой тайной встрече предполагался о «разоружении и демократии». Вообще наиболее «диссидентской» темой в то время была именно антивоенная. То ли потому, что афганская кампания была в самом разгаре, то ли потому, что против советской армии что-либо говорить нельзя было вообще.

Встреча с «американцами» была назначена в номере одной из московских гостиниц. Вся группа, а нас было человек восемь, собиралась с разных сторон на одной из станций метро. Было условлено, что встречаемся у крайней колонны по ходу поезда.

Там мы и встретились: я, мой друг, парень нашего возраста со своей подругой и еще несколько человек постарше. Это были в основном какие-то полунаучные сотрудники с бородами и в очках. Им было лет по 30.

Оттуда, от колонны на станции метро, мы отправились в гостиницу. Я не помню уже, в какую именно, но она была большая, серая и многоэтажная. «Американцами» оказались две тетки лет 40, толстые и в очках. Русского они не знали, и «тайная» беседа шла исключительно на английском, точнее на американском английском, и потому ход разговора я улавливал с трудом. Я кивал, когда все кивали и улыбался, когда все смеялись. Стыдно было показывать, что мой английский столь плох. Но, даже едва разбирая речь американок, я видел, что их с трудом понимают и все остальные «молодые советские диссиденты».

Было заметно, что все собравшиеся из деликатности поддерживают разговор, бросают глубокомысленные взгляды и принимают задумчивые позы, но что ответить американкам, никто из присутствующих не знал. А американки спрашивали, что мы думаем про права людей «нетрадиционной сексуальной ориентации» в СССР?

– Угнетают ли геев и лесбиянок в Советском Союзе? – этот вопрос застал нас врасплох.

Кто-то отвечал, что эта тема у нас не очень популярна, кто-то

говорил, что у нас это явление – редкость, а я вообще слова «геи» и «лесбиянки» услышал тогда впервые в жизни и потому молчал, боясь попасть впросак.

Советские «диссиденты» пытались перевести разговор на какие-то более для нас важные и интересные темы, про «разоружение и демократию», но американки спрашивали только про одно – про свободу однополых браков.

Разговор шел около часа, все утомились, и мы разошлись…

P.S.

Мы уходили тогда, отчетливо понимая, что СССР и США живут с абсолютно разными повестками дня. Американцы жили тем и боролись за то, о чем мы еще даже не задумывались.

Маевка
(Весна 1987)

Наступали майские праздники, и мы взялись за подготовку очередной «маевки», этого странного полунеформального мероприятия, которое вот уже третий год устраивали студенты нашего факультета на заднем дворе института.

Наша учеба на Физтехе совпала с приходом Горбачёва, началом «демократических» реформ, и потому политическая жизнь в студенческой среде была бурной.

В телевизионной комнате, на первом этаже общежития, периодически собирались посиделки, где народ обсуждал что-то полузапретное. Волна перестройки вывалила на нас абсолютно новые темы, о которых мы еще вчера либо ничего не знали, либо не задумывались.

– Почему Сталин устроил чистку высшего военного командования СССР перед самым началом войны? – двое студентов нашли где-то материал по этой теме, напечатали свой доклад на машинке, и мы, набившись в маленькую комнату, с жаром и интересом все это обсуждали.

– Нужно ли принимать в СССР закон о свободном владении оружием? – этот вопрос еще вчера советским людям показался бы диким. А сейчас он уже звучал по-новому и свежо. Действительно, если в свободной Америке такой закон есть, то почему его нет в нашей самой свободной стране – СССР?

Мы готовились к очередной маевке, нужно было вынести важные вопросы на ее трибуну. Хотелось выбрать что-то яркое и интригующее, но при этом такое, чтобы нас не разогнали. «Маевка» – это и фронда, и борьба за идеалы социализма. Мы критиковали там партийных бюрократов и одновременно сжигали чучело «мирового империализма» с сигарой во рту. Перестройка, начатая сверху, давала странные ростки внизу. Горбачёв огласил общее направление на открытость и гласность. Но где их предел? Где следует остановиться? Об этом нам никто не говорил.

Первые вспышки «бунтарских» тем возникли в нашей общаге еще весной 1985-го, в тот самый год, когда Горбачёв только стал Генеральным секретарем ЦК КПСС. Группа активных и неравнодушных студентов во главе с Артуром, студентом пятого курса, решила выпускать газету с призывным названием «Думай!».

Начав с вопроса «Сколько мы пьем?», они постепенно перешли на более щекотливые и злободневные темы. «Где мы

будем жить и сколько будем получать, когда окончим институт?» Редакция разделилась на две группы, одни пошли по комнатам общаги собирать ответы у студентов. Другая группа отправилась в соседние общежития, где жили выпускники – научные сотрудники, которые давно окончили институт и ответы на эти вопросы знали уже из собственного опыта.

Из результатов тех анкет вырисовывалась общая гнетущая обстановка вечного ожидания. Одни ждали зарплаты или ее повышения, другие ждали квартиры, третьи просто ждали лучшего будущего. Многие жили в общежитиях по 10–15 лет, а кто-то и 25. Впечатление от ответов выпускников было безрадостное – неужели это все ждет и нас? Статистика роста зарплат, а точнее, отсутствие роста, малая вероятность получения квартиры, долгая процедура защиты диссертаций и просто тягостная обстановка холостяцких и семейных общежитий удручала.

Студенческая газета «Думай!» с результатами этого опроса провисела ровно 15 минут и была сорвана престарелым преподавателем научного коммунизма и по совместительству секретарем парткома. Газету сорвали, но именно эту тему «студенты-революционеры» вынесли на трибуну первой студенческой маевки весной 1985-го.

Другой темой был Афган. Выступить на маевке позвали парня, который только что вернулся оттуда. Свой недлинный жесткий рассказ он закончил словами, что из 12 ребят, призванных из Жуковского, домой вернулись только трое. Наступила гробовая тишина, и в динамики врубили Высоцкого «А сыновья уходят в бой».

Кульминацией той первой исторической маевки на заднем дворе факультета стал конкурс лозунгов и плакатов, с которыми собирались на следующий день идти на майскую демонстрацию.

Победил лозунг «Вся власть Советам!».

После срочного ночного заседания в горкоме партии с руководством факультета Артура с товарищами вызвали в деканат и уговорили отказаться от «революционных» лозунгов.

– Иначе всех нас уволят, – сказали в деканате, – и декана, и замдекана вкупе с секретарями парткома и комитета комсомола. А тебя, Артур, будет ждать армия… где-нибудь на советско-китайской границе.

«Революционеры» не хотели зла преподавателям, и демонстрация прошла без «новых» лозунгов, но дух справедливости и противоречия уже зажегся у них внутри, и на следующий день они написали… письмо в ЦК.

Его смысл был примерно таким: «Мы за перестройку, а нам

не дают!».

Утром они сели на электричку и поехали в Москву искать приемную ЦК.

Где находится заветная дверь, никто, естественно, не знал. Решили выйти у станции метро «Площадь Ногина» и там спросить у милиционера. Так и сделали. Милиционер подозрительно посмотрел на ребят и сквозь зубы сказал, что приемная ЦК КПСС – за углом. Там они долго объясняли, чего хотят, но все-таки дождались какого-то инструктора по идеологии, который молча выслушал студентов, взял их письмо и сказал, что они разберутся.

Через пару дней на факультет приехала большая комиссия из обкома, горкома и ректората большого Физтеха. После многочасовых дебатов между когортой «революционеров» и начальством удалось договориться о «ничьей»:

– Мы все хорошие люди, надо жить дружно.

На том и разошлись.

История про «революционный бунт», лозунг «Вся власть Советам!» и письмо в ЦК еще долго из уст в уста передавалась по нашему общежитию, и «маевка» стала важным, знаковым событием на факультете.

Таким мы видели наш вклад в идеи перестройки, демократизации и гласности.

P.S.

Мы устраивали этот весенний митинг на заднем дворе нашего факультета четыре года подряд, вплоть до открытия первого Съезда народных депутатов СССР, когда в «маевку» превратилась уже вся страна.

Письма из строяка. Степной Алтай (Лето 1987)

После третьего курса я впервые поехал в стройотряд командиром. Важной «командирской» заботой было ежедневно заходить на почту, забирать письма для всего отряда и отправлять те, что писали мы. Почему-то именно в стройотрядах мы очень любили писать письма: кто-то родителям, кто-то друзьям, подругам.

Я писал жене.

Советская почта работала исправно. За неполных два месяца, с конца июня по конец августа я успел написать ей 11 писем и получил в ответ 12, в среднем по одному письму в три дня. Читая те пожелтевшие состарившиеся тетрадные листы, лучше всего понимаешь время, когда Союз еще был жив, но перестройка уже началась…

Риточка, миленькая моя, здравствуй!

Уже целую неделю не писал тебе писем. Извини… В голове все перевернулось. Еще вчера учил теоремы Штурма – Лиувилля по урматам и отрыв погранслоя по гидромеху, теперь же в голове сплошные Коломийцы, Вигели, Масичи (это все фамилии прорабов).

Постоянная мысль – когда будет раствор?

Скоро ли привезут кирпич? И главное, не забыть взять завтра у завскладом портянки для мужиков и т. д. и т. п.

Во вторник приехала вторая партия мужиков. Сразу поменяли смену на кирзаводе. Но как и следовало ожидать, вновь прибывшие далеки от трудового экстремизма, постоянно нужно подталкивать либо искать работу на месте (сами найти пока не хотят). Но, в общем, работа идет нормально. Уже заложили полностью второй фундамент под новый домик. А в столовой довели стены до середины окон. Взялись за небольшую шабашку в соседнем совхозе, бригада работает на кирзаводе. Пока народу в обрез, но в будущем, наверное, будет многовато и придется искать что-то новое…

Сегодня в первый раз приехал командир зонального штаба. Сразу обнаружил в комнатах полнейший а́борт[3] *(естественно, ведь его никто не ждал). Когда приехал на объект, то узрел сплошной стриптиз – все работали в*

трусах, да и сам я в этот момент взялся помогать и разгружал с самосвала раствор в сандалиях (тех самых, которые мы купили в ЦУМе)… Ритик, любимая моя, писать уже нечего. Осталось только сказать, что я тебя очень, очень-очень ЛЮБЛЮ и крепко целую. Передавай всем привет. Пиши.

Твой Сергей

(3 июля 1987 года)

Здравствую, мой дорогой Сереженька!

Сегодня мы с мамой и Цезарем пришли из сада, и я сразу бросилась к почтовому ящику. А там твое письмо! Я так обрадовалась! Ведь я так по тебе соскучилась, мой милый! Ты мне такие веселые письма пишешь. Спасибо тебе, Сереженька! А мне все плакать хочется. А вообще у меня все нормально. Бабка обо всем догадалась, и обошлось без переживаний. Теперь я занимаюсь только тем, что отдыхаю. Делать ничего не заставляют. Два дня ходила по саду, загорала и ягоды ела. Начинаю читать «Подростка»…

Все изобретаю (вот уже 2-й день) себе какое-нибудь шитье. Но никак не могу подобрать модель.

Паспорт свой отдала на обмен. Так что через неделю я буду Васильевой вполне официально… Второго числа мама приехала за мной в Жуковский, и начала «наводить порядок»… промерять комнату. В конце концов решила, что шкаф нужно переставить в правый угол, а на левую стенку повесить ковер и вдоль нее поставить детскую кроватку.

Следующий ее прожект состоит в том, что нам нужна стиральная машинка «Малютка». А я говорю, что нам необходима гладильная машина…

Так что надо обдумать. От нечего делать мне в голову приходят всякие дурные мысли. Срочно надо чем-то заняться. Но я так по тебе скучаю! А в Жучке, пока я там сидела в четырех стенах, вообще чуть не свихнулась.

Почему я с вами не поехала? Надо было мне придумать какую-нибудь абстрактную должность.

Все, миленький, ты, наверное, уже устал от моей глупости. Но я больше ни о чем думать не могу!

Целую крепко-крепко.

Ритик

(5 июля 1987 года)

«Миленькая моя, здравствуй.

Что-то я измотался за последнюю неделю (то с начальством ругаюсь, то машин нет, то простои из-за раствора) и поэтому задержался с письмом.

Строительство наше движется неудержимо, но и не семимильными шагами, как хотелось бы. В столовой мы уже полностью выложили все стены и начали внутренние перегородки, но темпы значительно снизились. Народ начал помаленьку сачковать…

*Взял еще один объект – перекрывать шифером крышу огромного коровника. На следующей неделе пора бы начинать третий домик. Отсюда следствие – мы залазим в огромную ж***, не известно, вылезем ли?.. Но, говоря между нами, – все это надоело до чертиков.*

Вся эта неразбериха с поставками, самоволием шоферов, вседолампочкичество начальства и т. д. и т. п. отбивает желание работать.

Перестройке будет туго.

Нужно все ломать к чертовой матери. Распустить все РАПО, совхозы, все строительные организации – чтобы начался хаос.

Ведь и сейчас творится хаос, но к нему наши люди привыкли, «человек – скотина, ко всему привыкает» (А.П. Чехов). А нужно, чтоб начался глобальный хаос. Мужик не перекрестится, пока гром не грянет. И из этого хаоса люди начнут выбираться, организуя самовольно, добровольно новые производственные кооперативы. Они-то и смогут оптимально вывести экономику на передовые рубежи. Каждый год, производя небольшие подчистки, всеобщее разгильдяйство не искоренить. Если будешь каждый месяц косить сорняк, он вырастает снова. Его нужно рвать с корнем.

Первый год настоящей перестройки начнется с хаоса.

Закон о госпредприятии вступит в силу зимой. Старые гнилые связи исчезнут (хотелось бы, чтобы исчезли), а новых еще не будет и начнется падение темпов производства, производительности и т. д. – и это хорошо, так и должно быть. Тогда-то, мы, наверное, и очухаемся, что дальше катиться некуда – мы уже на дне.

Это было небольшое лирическое отступление на экономическую тему… Очень жду твоих писем. Крепко, крепко целую.

Твой Сергей

(11 июля 1987 года)

«Здравствуй, дорогой мой, милый Сереженька!

Что-то давно тебе не писала!

Затянула суета. Занимаюсь черт знает чем: варю варенье, стираю, шью или ягоды собираю. Чтение идет плохо. Мои собственные мысли и чувства как-то затмевают героев Достоевского. Сейчас у нас только и разговоров – что о нашем будущем ребенке… Сшила 19 подгузников из марли. Начинаем искать дешевый ситец на пеленки. А сейчас я обложилась журналами мод и фантазирую себе платья.

У моей мамы очередной прожект. Она хочет тебя прописать в нашей квартире. Тогда, когда родится ребенок, она встанет в очередь на квартиру. И через 3–4 года эта очередь уже сильно продвинется. Все это конечно имеет смысл, если мы приедем в Коломну работать. Так что вот тебе тема для размышлений…

Миленький мой Сереженька, я тебя очень люблю и жду. Целую крепко-крепко.

Твоя любящая жена Риточка

(13 июля 1987 года)

«Здравствуй, Риточка!

Все не дождусь от тебя письма. Хожу каждый день на почту, всем есть, а мне нет. Я очень жду их. «Служба наша идет нормально». Сегодня вроде бы сделали много, а вчера и позавчера провалялись. Время идет. Через неделю будет месяц нашего пребывания в знойных кулундинских степях. Остается еще месяц, а работы очень много. В понедельник с прорабом пишем первые наряды за месяц – посмотрим, что получим, но уже сейчас выясняются некоторые нехорошести с тем, как проставляют местный коэффициент и студенческий.

Посылаю тебе вырезку из районной газеты. На первой полосе огромная статья о нас. Ты ее, наверное, уже прочитала и посмеялась вдоволь. Тут приезжала комиссия из райкома. Мы просто поговорили по душам. Ни о какой газете речь не шла и не о какой «степной романтике» я, конечно, не говорил. Наша правдивая пресса любит все округлять и разрисовывать в цветочек. Я им в основном

жаловался на директора и на перебои с машинами, кирпичом и раствором. Но все равно прочитать об отряде «Фалтяне» в газете – приятно. Набрал на почте газет на весь отряд. И полетели клочки газет по всей стране.

Сегодня мне 22. С одной стороны, вроде круглая дата, а с другой нет. Что-то уже удалось сделать, но главное, что я нашел тебя.

Очень люблю. Вечером будет первая попойка.

Все, Риточка, перерыв кончился, я еду на работу (письмо пишу уже второй день). Машина сигналит уже 5 минут.

До свидания. Целую крепко.

Твой Сергей

(18 июля 1987 года)

Экономика стройотрядов (1980-е)

Стройотрядовское движение организовывалось централизовано сверху и самостоятельно крутилось внизу.

Вся система держалась на областных штабах ССО при местных обкомах или горкомах ВЛКСМ. Обычно в каждом обкоме был один из заместителей секретаря, который отвечал за это направление. Основная задача штаба заключалась в подборе объектов работ на предстоящее лето.

Я точно не знаю, в каком виде приходила эта разнарядка: то ли ее спускали сверху, то ли эти заявки изначально формировались на местах, но по факту уже к концу декабря в областном штабе лежал большой список объектов со всех концов страны. Эти списки областной штаб и распределял между ведущими вузами, которые, в свою очередь, распределяли их внутри себя. Тут за работу брался комитет комсомола каждого института, который собирал своих будущих командиров отрядов, и между ними окончательно распределяли, какие объекты брать, куда ехать. Важную роль играл наработанный опыт прошлых лет и связи.

Отряды из нашего ФАЛТа уже несколько лет подряд ездили в конкретный совхоз в Ключевском районе Алтайского края, поэтому мы старались «забить» за собой именно это место. Предшественники подтверждали, что место там хорошее и платят неплохо. Фронт работ определялся на месте, для этого каждый командир отправлялся туда заранее познакомиться с руководством принимающей стороны и обсудить конкретные объекты, которые предстоит построить.

И тысячи студентов-командиров разлетались зимой по всей стране договариваться на местах. Все расходы по перелету и командировочным брал на себя областной штаб, у них был на это какой-то бюджет, дотируемый сверху. Такие расходы в последующем не компенсировались напрямую принимающим колхозом и не вычитались из нашей зарплаты. Это была прямая государственная дотация в пользу студенческого стройотрядовского движения.

Точно так же деньгами сверху оплачивались и авиа/железнодорожные билеты для всего отряда, когда мы летом уже всем составом выдвигались на место дислокации. Принимающая сторона решала вопросы проживания и питания. Мы иногда брали с собой повара или повариху, но оплата питания была за

счет «контор».

Фронт работ полностью определялся местным начальством, которое нас принимало. Скажем, в степном Алтае это был председатель колхоза, а в горно-алтайском строяке – директор строительной конторы.

– Нужно построить два жилых дома, перекрыть крышу коровника, возвести гараж, оштукатурить детский сад. Но возможно, будет и что-то другое. Работы будет много! – такую задачу я слышал всякий раз, когда приезжал договариваться о делах.

По факту, конечно, все менялось и сильно отличалось от предварительного плана, о котором договаривались зимой. Собственно, «договоренностей» как таковых и не было. Нам приходилось браться за все, что дадут. Ведь главное в строяке – это объекты и объемы!

Основной целью, а значит, и головной болью командира было… отсутствие простоев. Отряд мог хорошо заработать, если с первого дня будет загружен работой, и работа будет непрерывной. Важным фактором были машины, стройматериалы и прочее, что мало зависело от нас самих.

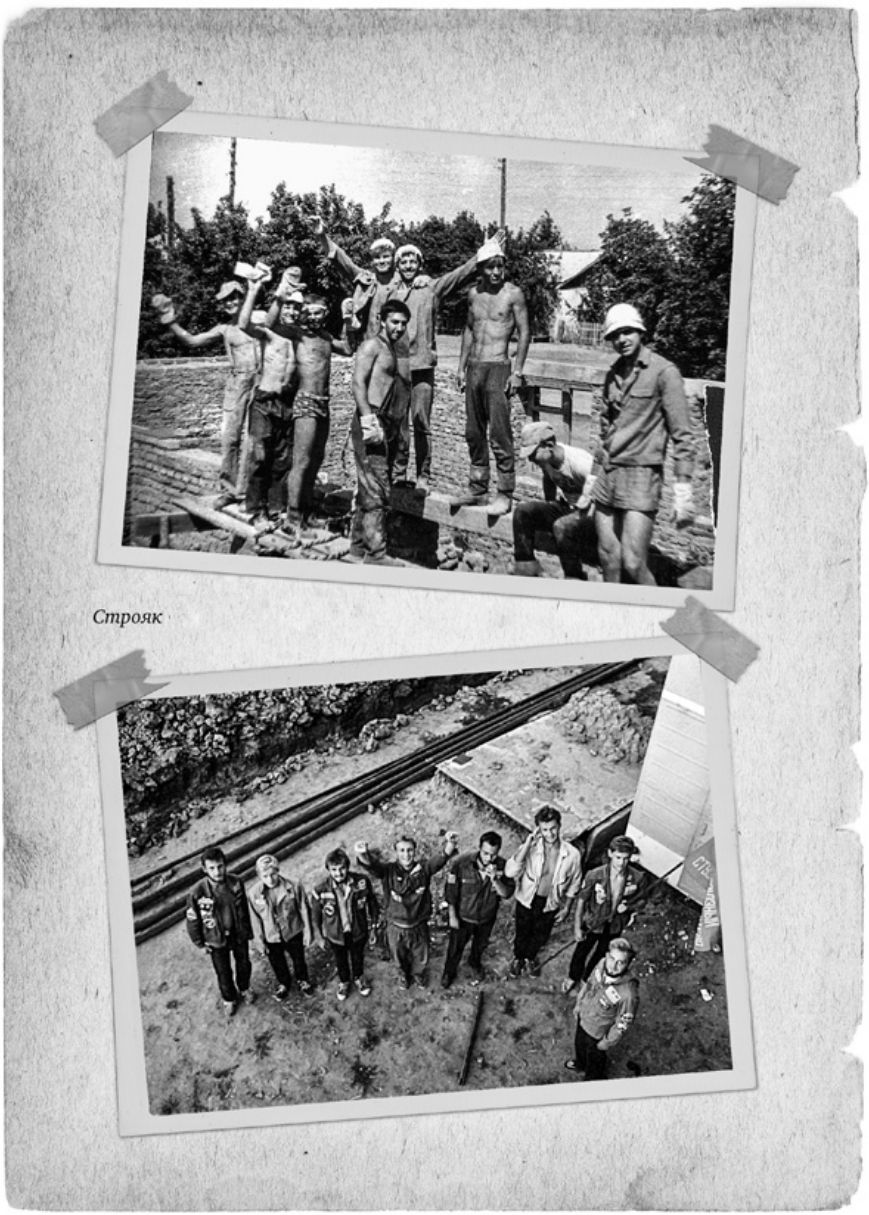
И соответственно, основная задача и забота командира заключались в налаживании контактов с местным начальством. Нужно было выбивать стройматериалы, автотранспорт, организовывать работу бетонно-растворного узла, пилорамы и т. д. и т. п. Все эти вопросы решались на месте и всегда в авральном режиме. Тут царила настоящая советская «свобода», когда не действовали разнарядки сверху, а все зависело от твоего напора, умения протолкнуть, дозвониться, успеть, дождаться, не опоздать. Никто из обкомовского или колхозного начальства не помогал. Тут по полной включалась наша собственная мотивация – заработать. Нужно было быстро бегать, чтобы успеть построить больше.

Оплата работ производилась исключительно на формальных советских принципах и основах. Мы закрывали «наряды», которые рассчитывались на основе ЕНиРов (единых норм и расценок). Тогда не было свободного рынка или произвольно придуманных цен, все было четко описано в толстых талмудах. Важно было только надергать из них то, что могло описать нашу работу. Главное, ничего не забыть. Мы вчитывались в строки СНИПов и ЕНиРов, перечитывали их от корки до корки, чтобы по максимуму впихнуть в наряды все!

Можно ли четко описать на бумаге каждый этап, каждый шаг и шажок в работе? Да еще и предварительно оценив его в рублях? Конечно – нет. Все работы, даже однотипные, сильно отличаются

друг от друга и зависят от массы нюансов, но вариантов не было – мы исходили из того алгоритма действий, который был.

Самой выгодной работой почему-то было лить бетон и устраивать ленточный фундамент, хотя на деле это было легче и понятнее всего. А вот кладка кирпича была утомительна и плохо оплачивалась по ЕНиРам.



Строяк

Сильно помогал «студенческий» коэффициент, который почти

на четверть увеличивал нашу зарплату только за то, что мы были студенты, а также «северный» коэффициент, если строяк был где-то в Сибири или на Дальнем Востоке. Поэтому самыми престижными были далекие сибирские строяки, там можно было заработать больше всего.

Денежные вопросы решались напрямую с колхозом или строительной конторой, в обком мы лишь постфактум присылали цифру объема выполненных работ, для галочек в их отчетах наверх. В нашу «финансовую кухню» областной штаб и обком комсомола не вмешивались: не помогали, но и не мешали нам. Тут все зависело от договоренностей на месте.

Примут твои «наряды» или нет? Сильно будут спорить или нет? Никаких взяток или доплат местному начальству не было, по крайней мере я в своей практике такого не помню.

Выбив «наряды», мы распределяли деньги между собой. Обычно с учетом КТУ (коэффициент трудового участия), где учитывалось количество трудодней и квалификация. Если ты был «бригадир», «мастер» или «командир», заработки получались очень большие.

Мы работали круглые сутки, почти без выходных, и потому объем сделанных работ был намного больше, чем у тех, кто работал в местном колхозе в постоянном штате. Плюс «студенческий», плюс «северный», плюс бесплатный авиаперелет, бесплатное питание и проживание. И получалось, что студент за лето зарабатывал столько, сколько средний советский человек зарабатывал за весь год.

По сути, советское государство через комсомол подпитывало студенческое движение большими деньгами. Довольны были все.

Обком комсомола занимался нормальным полезным делом, а не только абстрактной и бестолковой «идеологической» работой. Обкомовские начальники отчитывались об объемах сданных нами работ, получали свои лычки, продвигаясь по комсомольской и партийной лестнице.

А мы, студенты, хорошо зарабатывали, одновременно готовя себя к настоящей взрослой жизни.

P.S.

Это был неоценимый опыт погружения в реальную советскую действительность, где ты на практике учился, как жить и зарабатывать в СССР!

Коляска
(Ноябрь 1987)

– У вас родился сын, – сообщили мне в роддоме.

Эта новость мгновенно меняет в жизни все.

Мужчина вообще странно устроен, а тот, который готовится стать отцом, – особенно. Он не понимает всех изменений, которые начнутся сразу, как только он услышит эту новость. Особенно это касается молодого парня, которому только 22.

По крайней мере, так было у меня.

Мы, конечно, ждали ребенка и как-то к этому готовились, но все равно, сама новость и осознание того, что ты стал отцом, а главное, что в этот час или даже минуту на свете появился новый человечек и этот человечек – твой сын… молнией прошибает сознание. Еще за день до этого ты жил обычной жизнью. Еще за минуту до этого ты спокойно приехал в роддом навестить жену. Но как только тебе сообщают эту новость, твой мозг взрывается, и ты внутренне сжимаешься.

Нужно что-то делать! Срочно! Первое, что пришло в голову, – нужно ехать за коляской.

Есть какая-то странная традиция – покупать коляску не до, а именно после. Я тут же рванул в универмаг «Московский» искать коляску, но там их не было. Точнее, там было много простых советских колясок, но они были некрасивые, а мне хотелось, естественно, купить самую лучшую.

Ведь у меня родился сын, мой сын!

Уважаемая
тов. Маргарита
поздравляем Вас
с рождением сына
Родильный дом ГКБ № 15
Рода 12/II 6 18:50
Вес 3200
Рост 51
-5006-
Врач Акушерка

Ритик! Любимая!

Жизнь прекрасна – теперь нас трое.

Бросаю все дела и буду думать только о том, как назвать нашего сына, где купить коляску и кроватку. Руки трясутся от счастья.

Мильон раз целую.

Сергей.

(Ноябрь 1987 года)

В поисках коляски я проехал еще два или три универмага и только потом узнал, что еще в одном вроде бы выкинули импортные. Надо ехать туда.

У магазина стояла длинная-длинная очередь. Все хотели купить модные ГДРовские коляски. Я встал в эту очередь, но она была огромная и двигалась медленно, а люди волновались и переживали, что может не хватить.

– За ГДРовскими можете уже не занимать, их осталось только

50 штук, – крикнула продавщица, специально выйдя на улицу к очереди.

Я стоял уже более двух часов, и передо мной осталось как раз около 50 человек. Буду стоять до конца, решил я. Когда моя очередь уже почти подошла и осталось только пара человек, продавщица сердито крикнула:

– Все. Импортные кончились!

Гвалт, крики и возмущенный ропот волной прошли по оставшейся очереди и раздосадованные люди стали расходиться. Мы стояли более четырех часов. Такой же злой и возмущенный, я зашел в огромный полупустой зал универмага и стал рыскать среди больших картонных коробок, в которых лежали простые советские коляски. Они были никому не нужны. Совершенно потерянный, я бродил среди этой груды коробок.

– Что вы тут ходите, – возмущенно рявкнула продавец, – я же сказала, что ГДРовских больше нет!

Но я продолжал рыскать, иногда передвигая с места на место то одну, то другую коробку. И вдруг в самом углу зала, за большой стопкой картонных коробок, я неожиданно увидел ее, ту самую, с буквами «DDR».

Я огляделся вокруг, никого рядом не было, ни продавцов, ни людей из очереди. Может, это ошибка? И там лежит простая наша советская коляска или коробка пустая? Тихо, с волнением, я ее приоткрыл.

Там лежала ОНА.

Продавцы, наверное, пытались ее припрятать в углу для себя, укрыв от очереди, но я ее нашел. Это была она, – вожделенная красивая импортная коляска темного красно-бордового цвета, обтянутая сеткой снизу. Как ястреб хватает свою добычу, так и я ухватился за коляску, вытащил ее из коробки и быстро повез к кассе под хмурыми взглядами возмущенных продавщиц.

Радости моей не было предела! Я торжественно катил коляску по улице и зашел с нею в метро. Когда я спускался с ней по эскалатору, случайные встречные улыбались мне, громко поздравляли с рождением ребенка, и все пытались узнать:

– Где же вы сумели отхватить такую редкость?

А я шел по городу счастливый, гордый и чувствовал себя героем, совершившим невероятный подвиг ради жены и сына!

…

Сережа, статью в газете «Советская Росссия» за 30.01.88 г. про «Память» прочитала. Еле нашли эту газету в Центральной библиотеке. Может, там что-то и не все так, как было описано, но суть одна – подальше от

всех этих группировок надо быть и не забивай себе голову мыслями, что какая-то кучка людей занимается разглагольствованием правильно, а вот, мол, руководство на местах неправильно.

Поменьше этой говорильни устраивайте, а побольше занимайтесь наукой.

Наверное, пора 20-летним студентам делом заниматься, а не болтовней с какими-то группировками. Статью из «Правды» высылаю, все-таки почитай.

Как там вы сейчас? Где Сашенька?

Как Рита, имеет ли возможность бывать на занятиях? Сережа, хоть на лекции, но напиши ответ.

Новостей у нас нет никаких. Поэтому писать много нечего. Передавайте привет от нас Ирине Николаевне и бабушке.

Ждем ответа.

Мама

(10 февраля 1988 года)

Демократы и патриоты (Зима 1988)

Весеннее увлечение рок-клубами плавно переросло у нас в увлечение политикой.

Тогда все вокруг напоминало один большой котел, в котором варились новые идеи, люди и слова.

Никому не известные вчера журналисты, юристы в один момент становились такими же популярными, как рок-певцы. Их речи и статьи, с трудом попадавшие в советскую прессу, вызывали всеобщий интерес и пересуды.

На улице Горького, рядом с памятником Пушкину, стоял огромный длинный стенд, где за стеклом ежедневно вывешивали свежие газеты. Это был еще старый советский щит, там много лет подряд дежурно вывешивали свежие номера «Правды», «Известий», «Московских новостей» и др. Не знаю, кто там наверху скомандовал, но на этом длинном щите за стеклом и стали впервые появляться редкие статьи новых «политиков».

У стенда на Пушкинской площади начали ежедневно собираться первые московские неформальные митинги. Это был стихийный гайд-парк, куда народ приходил что-то послушать и узнать. Люди толкались у щита с газетами, читали свежие новости, приклеивали что-то свое и группами обсуждали прочитанное. Обычно в центре малой группы вставал кто-то один и начинал свой монолог, остальные обступали оратора со всех сторон, чтобы послушать, задать вопросы.

Газетный стенд
на Пушкинской площади

Я приезжал на Пушкинскую площадь почти каждый день. Чувствовалось, что начинается что-то новое. Каких-то определенных политических движений и партий еще не было, мы лишь жадно впитывали информацию, истории и слухи. Через эти полуформальные уличные собрания мы и узнавали о новых именах в российской политике и журналистике.

Тогда в нашем комитете комсомола мы окончательно решили переключиться с рок-клубов и концертов на политические прения

и дебаты как на новое, более интересное и интригующее занятие. Мы будем искать новых «политиков» и приглашать их к нам на ФАЛТ. Пусть выступят, расскажут о своих идеях и планах. А если мы не сможем зазвать их к себе, то сами поедем к ним, чтобы лично увидеть, услышать и познакомиться.

На одну из таких полутайных встреч на политические темы от «Демсоюза» мы и поехали. Встреча проходила в простом спальном районе, в обычной квартире типовой девятиэтажки. Когда мы зашли в ту квартиру, она была пуста, только по центру комнаты стоял одинокий стол, а вдоль стен лежали рваные матрасы и стопки газет, на которых мы и расселись. Кроме двух друзей с Физтеха, я никого там не знал. Всего собралось человек 20–30.

В центре за столом сидели четыре человека. Они вели диспут, спорили. А точнее, они яростно обсуждали, как нужно разрушить… прогнивший советский строй:

– Нужно запретить компартию… отпустить на волю союзные республики…

И т. д. и т. п. Это было что-то вроде мозгового штурма в телепередаче «Что? Где? Когда?» с поиском ответа на вопрос «Как нам развалить СССР?».

Я мало что запомнил из того «спора», в память лишь врезалась одна из спорщиц. Это была Валерия Новодворская. Яркая, хлесткая в споре и абсолютно безапелляционная, ей было тогда около 40.

– СССР нужно уничтожить! Это – тюрьма народов, – вещала Новодворская в зловещей обстановке грязной, полупустой квартиры с ободранными обоями.

На второй «квартирник» мы ехали уже совсем тайно. Встреча с лидером общества «Память» была назначена в старом, почти развалившемся особняке где-то в центре. Дом шел под снос и казался пустым. Жильцов не было видно. Но, когда мы поднялись на второй этаж и зашли в квартиру, она оказалась обставлена хоть и старой, но красивой, добротной мебелью из красного дерева. Там было много шкафов с книгами.

Нас рассадили на кожаных креслах и диванах, а в центре за столом сидел один… Дмитрий Васильев. Ему было тогда около 50. Он угостил каждого большим зеленым яблоком, напоил чаем и весь вечер рассказывал про «Протоколы сионских мудрецов» и Петра Аркадьевича Столыпина.

«Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!» – эту знаменитую фразу Столыпина я впервые услышал там, в полуразвалившемся особняке в центре Москвы, на тайной квартире Дмитрия Васильева, лидера полузапрещенного общества

«Память».

P.S.

Эта смесь диаметрально-противоположных идей и убеждений уже тогда показывала, что все непросто.

Все запутано!

У нас нет однозначных решений и единственно верного пути. Его еще предстоит найти. Но эти два квартирника во многом и определили мои взгляды и политические предпочтения на всю жизнь.

Семейный быт (Апрель 1988)

Когда рождается ребенок, жизнь молодых родителей сразу меняется, особенно если вы студенческая пара и живете в общежитии.

Десять квадратных метров комнаты были четко разделены на зоны: для дивана, рабочего стола и детской кроватки. Ее мы отгородили ширмой, как бы разделив комнату на нашу и детскую часть.

Студенческая жизнь и до рождения ребенка была насыщена учебой и комсомольской работой. Кроме того, как раз в то время начинала закипать уличная активность в Москве. Общество увлеченно обсуждало, куда, и как идти. В центре появлялись первые сходки, митинги, маевки. Должность секретаря комитета не обязывала в это ввязываться, но это более всего интересовало и хотелось везде успеть. Я часто ездил в Москву посмотреть, что там творится.

В общем, жизнь была активной и до ребенка, но как только он родился, она ускорилась раза в два. Пеленки, молочная кухня, ночные недосыпы, стирка, опять пеленки, кухня и т. д. Основные заботы по быту, конечно, взяла на себя жена, давая мне возможность не менять образ жизни. Но теперь и учиться нужно было за двоих. Ей совмещать непростую учебу на Физтехе и воспитание ребенка было трудно, а академический отпуск брать не хотелось.

Мы оба крутились как белки, но тем не менее наша маленькая комната была образцом быта. Вообще, общажная жизнь – очень безалаберна и неопрятна. Народ не любил следить за чистотой и порядком, редко кто готовил себе сам, все питались в столовке. А женившись, я сразу поднялся на ступень выше.

Пусть наша комната и была и маленькой, но в ней был порядок и уют.

Журналы и книги аккуратно лежали на шкафу, а не валялись по всей комнате, белье постирано. Каждый день на столе был обед и ужин. Из этих маленьких бытовых радостей и мелочей нам как-то удавалось создать свой отдельный устроенный мир. Особенно это было видно на фоне соседних комнат друзей, кто женат не был. Там везде был бардак и царил хаос. Но все равно, назвать такую жизнь идиллией было нельзя – мы сильно уставали.

Однажды утром, когда я проснулся, Рита уже не спала. Она

возилась на кухне, ребенок был с ней. Я начал куда-то собираться, когда жена вдруг резко спросила:

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

Я задумался, но в голову ничего не приходило.

– Что-то случилось? – недовольно ответил я, и она громко разревелась.

Я начал ее успокаивать, но она только сильнее плакала.

Лишь через несколько минут я вспомнил. У нее же сегодня… день рождения!

И не простой, а 20 лет! Как я мог об этом забыть? Я как-то извинялся, что-то плел про поздравление, но было поздно. Жена ревела, ребенок плакал, а тут еще в комнату влетела теща с тортом, и это только усилило эмоциональный накал.

Нужно было удалиться.

Теща уложила ребенка в коляску, и я пошел с ним гулять.

Была суббота. Я шел по улице и думал, как загладить эту дурацкую вину? Начинал накрапывать мелкий холодный дождь, сгущались тучи.

Нужно придумать что-то такое, что запомнится ей надолго. Ведь, действительно, ей сегодня… 20 лет!

Всего 20, а она сидит в этих пеленках, кастрюлях, заботах, а меня все время нет дома, я где-то пропадаю, на вечных лекциях, митингах, в делах. Я ведь мог утром проснуться пораньше, купить цветы, сделать какой-то подарок. А я, идиот, все проспал, а проснувшись, даже забыл поздравить. И только дойдя до платформы «Отдых», решил. Я сочиню ей стих!

Если у меня не получается все объяснить словами, хоть попытаюсь объяснить это стихом. Купил букетик цветов и отправился с коляской в обратный путь. Я шел и сочинял ей стих. Впервые в жизни. До этого я никогда не сочинял стихов.

Пара дождинок с неба упала,
Мир накрывает синий батист.
Я у грузина купил три тюльпана,
Тихую радость и белый нарцисс…

Может быть, я забываю про что-то
Или пытаюсь сейчас уснуть.
Уходят мелкие заботы,
Нисходит радостная грусть.

В краю сплошных столпотворений,
Средь неразгаданных идей,
Быть может День Твоего Рождения –

Самое чистое в этой воде.

Самое ясное и простое –
Это когда приходит жена,
Сын улыбается. Этим настоем
Я опьянен пьянее вина.

Ну так давай же скорей улыбаться,
Ведь этот День у нас только один.
20 лет – конечно же, счастье.
Но целая жизнь еще впереди!

Здравствуйте мои любимые!

Сижу около покосившегося забора Усть-Канского аэропорта (лечу в Горно-Алтайск заказывать обратные билеты). Местный аэропорт – оригинальное заведение, это сруб (8×9). Когда-то, в незапамятные времена, этот домик, говорят, был стоянкой мараловодов, а теперь – аэропорт. Люди живут здесь образованные, даже разбираются в английском языке. На огромном топливном баке написано: «NO SMOKE».

В общем – азия-с, хотя природа вокруг, скорее, европейская, альпийские луга. Люди живут здесь, не замечая окружающей красоты. Иногда мне кажется, что природа существует здесь отдельно от местных аборигенов. Вроде бы, красота воспитывает чувство собственного достоинства и внутреннего спокойствия, а все эти алтайцы кажутся грязными и суетливыми. А может быть, я смотрю на все глазами заезжего гастролера? И не замечаю их внутренней гармонии?

Купил в книжном Ремарка, по вечерам читаю «Жизнь взаймы». Я прочитал почти всего Ремарка, но более изысканной книги не читал. Я поражаюсь его способности писать «красиво»… Послевоенная Европа, смерть, грязь, вонь, а у него… изысканные блюда, вина, горы. Падает снег. Прекрасно. «Столовая в гостинице не проветривалась, пахло старым пивом и долгой зимой. Клерфэ заказал мясо по-швейцарски, порцию вашеронского сыра и графин белого эля; он попросил подать еду на террасу. Было не очень холодно.

Небо казалось огромным и синим, как цветы горчанки»… и т. д. – замечательно.

Вначале мне несколько претила его манера, но теперь

я его понимаю. В восприятии жизни важна не сама картинка жизни, а скорее, процесс ее восприятия. Мещанин придумал фразу: «Красиво жить не запретишь», а он: «Красиво думать не запретишь». Прошло почти полвека после войны, а мы и сейчас не едим вашеронский сыр, не пьем белого эля, но это ничуть меня не смущает, когда я читаю Ремарка. Жаль только времени на чтение почти нет.

Потихоньку работаем. Работой заняты почти все, но вот где бы найти денег за нашу работу, не знаю. Но о работе писать не хочется, она и так занимает у нас целый день. Кран, бетономешалка, бензопила, гвозди, кирпич – самые распространенные слова в наших разговорах. Иногда заезжает штабное и трестовское начальство, изображаем высокую культуру труда и 8-часовой рабочий день.

Но все это мелочи, главное – очень скучаю по вам. Побольше отдыхайте, смотрите телевизор и читайте. Вот и самолет (если его можно так назвать) подлетает. Картина душещипательная – посреди летной полосы гуляют козы, начальник аэропорта доит одну из них и кукурузник плавно плюхается на пожелтевшую траву.

До свидания.

Пишите. Очень жду.

Крепко обнимаю и целую всех.

Ваш Сергей.

(20 июля 1988 года)

Горно-алтайский стройотряд (Лето 1988)

Сдав экзамены, после четвертого курса мы полетели в Горный Алтай, в далекий районный центр Усть-Кан.

Встретил нас местный молодой секретарь райкома, раньше он сам учился в Москве, поэтому к нам, студентам-стройотрядовцам, отнесся с радостью и уважением. Он сразу связался с начальником местной строительной конторы – МПМК, в которую мы направлялись, – чтобы тот дал нам хорошую работу и не обижал по зарплате. Позвонил, а сам улетел на XIX партконференцию в Москву.

В МПМК нас встретили после этого звонка радушно, но мы сразу увидели, что дела у самой строительной организации непростые. Контора как раз в тот момент находилась на стадии преобразования, ее куда-то присоединяли.

Начальником МПМК был хитрый средних лет алтаец. Он сказал, что работы всякой много, но исправных машин и механизмов почти нет и с материалами проблема, так как у МПМК долги по налогам перед государством. Но пообещал, что на нас, нашей работе и зарплате эти старые долги не скажутся. Он дал нам сразу два объекта: нужно было достроить детский сад в Усть-Кане и перекрыть крыши в коровнике в соседнем Яконуре.

Поселились мы нашим веселым составом в одноэтажном здании старого общежития, нас было около 30 парней-студентов и одна девушка-повариха.

Худо-бедно работа на этих двух объектах закрутилась. С трудом, но удавалось найти материалы и всех загрузить, чтобы не было простоев. Работы было много, и казалось, что мы сможем хорошо заработать. Ведь ехали мы именно за этим!

Но к концу первого месяца работы, когда я стал донимать начальника, что пора бы уже подписать наряды и хотя бы начислить нам зарплату, – я стал понимать, что в МПМК денег нет. Долги конторы только выросли, а другие здешние рабочие стали нам намекать, что мы зря тут трудимся, что этот алтаец нас просто кинет, что мы так и отработаем все лето зазря, а зарплату нам могут так и не заплатить.

После ежедневных скандалов и разборок с этим начальником мы собрались всей командой и решили… объявить забастовку.

Мы не выходим на работу!

Об этом я тут же рассказал секретарю райкома, который как раз вернулся с московской партконференции.

Он стал убеждать меня, что нужно как-то находить общий язык, и пообещал переговорить с алтайцем. Такой скандал в районе ему точно был не нужен! И не дай бог, заявил он, чтобы я кому-то в горно-алтайском обкоме комсомола об этом рассказал.

Пока он разбирался с нашим начальником, мы рванули искать шабашки по всему району, чтобы успеть хоть что-то заработать за оставшиеся полтора месяца. Я, мастер и комиссар стали объезжать местные совхозы и конторы, предлагая наши рабочие руки. Собственно, таким поиском я как командир отряда занимался тогда постоянно, но тут нужно было, по сути, с нуля всему отряду срочно найти работу!

За неделю мы нашли то ли шесть, то ли восемь различных шабашек в соседних селах и аулах, и весь отряд разъехался по этим мелким подработкам.

У нас у всех был уже большой опыт работы в стройотрядах, и случалось всякое, но таких трудностей, такого физического и нервного напряжения я не помнил.

Это оказалось реально в первый раз!

Все предыдущие стройотряды были во времена более-менее устойчивого социализма, когда все было стабильно и налажено. Нас спокойно ждали в каком-то совхозе или строительной конторе, давали на три летних месяца какую-то работу, потом закрывали наряды, мы получали деньги и улетали назад в Москву. Работы было всегда много, мы сильно уставали, но все проходило спокойно и организованно.

В этот раз впервые все оказалось, как на войне.

А точнее – как на «рынке». В стране начались экономические реформы, предприятия массово переводили на хозрасчет.

Нужно было самим быстро принимать решения, быстро искать новую работу, договариваться об оплате, добывать стройматериалы, искать, где спать, где питаться, и все – за каких-то полтора месяца! Для всех нас это оказалось настоящим первым вызовом.

Нам было тогда от 21 до 23.

С помощью секретаря райкома и местного банка, который выдал МПМК еще один кредит, мы выбили-таки наши зарплаты из того алтайца. Затем собрали деньги со всех шести или восьми шабашек и – довольные, повзрослевшие – улетели назад в Москву.

P.S.

Это был последний наш стройотряд, когда мы зарабатывали

свои студенческие деньги тяжелым физическим трудом.

Дальше пошло веселее…

Видео
(Осень 1988)

Общественная жизнь на факультете, которую организовывал комитет комсомола, обязательно включала дискотеки.

Из состава студентов выбирались те, кто отвечал за технические вопросы, звук, свет и подбор музыки. Был и свой ведущий, как сегодня сказали бы, диджей.

За финансовую сторону отвечал комитет комсомола. Каких-то специальных денег на эти мероприятия институт не выделял, нужно было выискивать свои собственные студенческие деньги. В основном мы решали это за счет «картошки».

Осенние сельхозработы всегда воспринимались нами как обязательная нагрузка, но за эту работу местный колхоз все-таки что-то платил, хоть и копейки. Большим заработком это не было, и так повелось, что на ежегодном комсомольском собрании принималось решение, что все деньги от «картошки» мы оставляем в кассе комитета на «общественную жизнь». Главной статьей расходов комсомольской жизни в те годы как раз и были затраты на дискотеки: покупка магнитофона, колонок, цветомузыки, проводов, дисков, кассет и прочего. Факультет деньгами не помогал, но заработков от «картошки» вполне хватало на то, чтобы поддерживать нашу дискотеку на уровне. Она была лучшая в городе.

А с осени 1988-го началось новое повальное увлечение – в нашу жизнь пришел видак.

С начала эпохи демократизации и гласности в страну хлынул неконтролируемый поток иностранных – в основном американских – видеофильмов. И по стране, как грибы после дождя, стали возникать видеосалоны. По сути, первое настоящее массовое народное кооперативное движение началось именно с организации видеосалонов, где можно было за отдельную коммерческую плату посмотреть иностранный фильм.

Видеосалон открыли и мы, в телевизионной комнате нашей общаги.

За часть денег, заработанных на «картошке», были куплены телевизор и два видеомагнитофона, чтобы можно было не только смотреть, но и записывать для себя новые фильмы, постоянно всплывавшие тогда неизвестно откуда у друзей и знакомых. Наши дискотетчики, которые до этого отвечали за свет и звук на танцах, теперь переключились на видаки. Кто-то искал новые кассеты по знакомым, кто-то переписывал их, а кто-то занимался

организацией просмотра. Была установлена плата за вход – 50 копеек, чтобы собирать деньги на покупку новых кассет.

Уже после первых сеансов стало понятно, что нужно что-то решать с «цензурой». Ведь все эти фильмы приходили из-за рубежа. Я был в тот момент секретарем комитета комсомола и отвечал за идеологию, но на этот счет сверху не поступало никаких внятных указаний.

Ни из обкома, ни из горкома комсомола не спускали специальных инструкций относительно того, что можно смотреть, а что нельзя. А это было удивительно, так как просмотр уже первых свободно распространявшихся фильмов приводил в недоумение. В американских боевиках советские солдаты и вообще советские люди изображались идиотами или злобными монстрами. Но более всего озадачивала… порнуха.

Можно ли смотреть советскому студенту такое?

Из потока хлынувших на нас видеофильмов больше половины было откровенной порнографией. Иногда легкая, типа комедийного сериала про студентов американского университета с названием вроде «Что-то погорячее…», а иногда и совсем жесткое порно.

В первое время роль цензора я взял на себя.

Сначала мне приносили еще какие-то сносные фильмы: боевички и незамысловатые триллеры. Они вопросов не вызывали, но потом большим потоком пошли уже «сомнительные». Ничего высокохудожественного, остросоциального или хотя бы антисоветского там не было. Это было просто порно. Я спрашивал у друзей-дискотетчков:

– Вы-то сами что думаете? Нужно такое показывать?

Они пожимали плечами, но с улыбкой отвечали:

– Смотреть можно. Если это снимают в Америке, значит, американцам интересно. А чем мы хуже? И вообще, если это не запрещено, то почему не смотреть?!

Но все-таки сомнения оставались, и мы вынесли этот вопрос на общее комсомольское собрание факультета: «Можно ли смотреть у нас в телевизионной комнате американские боевики и порнофильмы?».

Дискуссия была бурная, но большинством голосов было принято решение – смотреть!

На курс младше меня училась скромная, застенчивая девушка с огромными ресницами по имени Маша. Мы все ее любили и звали нежно Машенькой. Как-то раз она пришла в наш видеосалон на сеанс нового фильма… «Распутин». Комната была набита ребятами, из девушек пришла только она и села в первый ряд посередине. Фильм производства ФРГ шел на немецком с

русскими субтитрами. Практически сразу стало понятно, что это совсем не историческая драма про революцию и царскую семью, а просто порнуха.

Точнее – жесткое порно.

Я смотрел в тот момент больше на Машу, чем на экран. В ее глазах застыл ужас, ТАКОГО она еще никогда не видела. Она сидела неподвижно с широко открытыми глазами, почти не моргая, ни разу не улыбнувшись и не поморщившись. Она могла встать и выйти из этой маленькой комнаты-кинозала в любую секунду. Но она решила дотерпеть. Как стойкий боец, сжав зубы, она мучительно смотрела фильм до конца, приняв его, как испытание, которое нужно обязательно пройти.

P.S.

Говорят, чтобы научить солдата терпеть невзгоды, нужно подвергнуть его жестким испытаниям. Солдат должен хотя бы раз съесть живьем крысу или выпить воду из грязной лужи. Тогда из простого солдата родится воин, готовый к боям и сражениям, – так мы считали, когда были мальчишками.

Эти несколько лет в конце 1980-х были невероятным стрессом для нашей пионерско-комсомольской психики, воспитанной на добрых советских фильмах и книжках про дружбу и любовь. Американские боевики и порнофильмы быстро выветрили эту детскую наивность и восторженность, сделав из нас взрослых людей, лишенных былой сентиментальности.

Кооператор (1988–1989)

К пятому курсу учебы в институте типичный студент физтеха переставал ходить на лекции и семинары, а к экзаменам готовился за ночь до. В этом был настоящий кураж и высший физтеховский пилотаж – уловить суть предмета за одну ночь, успеть пройтись по всем предполагаемым билетам, а потом еще и сдать экзамен на отлично.

Я шел на красный диплом и собирался потом поступать в аспирантуру. Это не было моим личным уникальным достижением, все учились примерно так же. На последних курсах у нас уже было много разных дел. Кто-то находил работу в базовом институте, куда мы предполагали распределяться, кто-то начал пробовать себя кооператором.

Кооперативное движение в тот первый год, когда вышел закон «О кооперации в СССР», воспринималось всеми как нечто суперновое, модное и прогрессивное. Мы чувствовали себя чуть ли не первопроходцами, открывающими новые горизонты.

У каждого советского человека было одно постоянное место работы. И жить он должен был в одном определенном месте, строго по прописке. Чтобы перейти с одной работы на другую, необходимо было проделать непростой и долгий путь. Ты не мог просто так куда-то переехать и устроиться на другую работу без заранее полученного приглашения. Без жилья или свободного места в общежитии на работу не брали.

И при этом вторая «официальная» работа, параллельно с основной, вообще не была предусмотрена в советском кодексе жизни. Если не считать шабашек.

Еще со времен летних стройотрядов я постоянно сталкивался с шабашниками, видел, как они работали, и завидовал им. По организации работы, закрытию нарядов и системе оплаты труда бригады шабашников мало чем отличались от стройотрядовцев. В их бригадах было примерно также по 20–30 человек. Они тоже нанимались на тяжелые строительные работы и трудились в те же самые летние месяцы, что и мы. Только у них не было студенческих льгот, которые полагались по всей системе ССО (студенческих строительных отрядов) – повышенного коэффициента по зарплате и бесплатных авиабилетов по всей стране. Но все равно, даже без этих льгот шабашники зарабатывали раза в два-три больше нас, студентов.

Мы зарабатывали за лето больше, чем простые советские

рабочие, а они, шабашники, умудрялись зарабатывать еще больше. Это были взрослые мужики, а не юнцы, как мы. Они работали гораздо профессиональнее, быстрее, лучше разбирались в нюансах строительных дел, были лучше организованы и более мотивированны. Часто бригады шабашников были вчерашними стройотрядами. Командиры-студенты, по нескольку раз приезжавшие в то или иное место, договаривались с начальством и на следующий год приезжали уже как шабашники. Они сами сколачивали бригады из бывших студентов и отправлялись летом на сибирские стройки за «длинным рублем». Руководители совхозов или директора дальних предприятий предпочитали иметь дело именно с шабашниками. Они были более профессиональны, чем студенты.

Но с шабашками все время велась борьба, это считалось полузаконным делом, не поощрялось и потому не становилось нормой советской жизни.

И только вышедший в 1988-м закон «О кооперации в СССР» наконец-то придал шабашничеству законный статус. Собирай свою вчерашнюю бригаду, регистрируй ее официально как «кооператив» – и можешь работать. Теперь этим делом можно было заниматься законно и свободно, а главное, когда захочешь, а не только временно, в летние месяцы.

Закон «О кооперации в СССР» вводился для оживления производственных связей, для большей эффективности и хозрасчета, но фактически он неожиданно изменил основную парадигму советской жизни.

Теперь можно было не иметь обязательного «постоянного» места работы!

Это меняло очень многое в жизни, если не все. Особенно для нас, студентов, которым оставалось учиться всего год. И самое главное, «кооперативный» закон позволял заниматься чем угодно.

Да, шабашки были выгодным делом, но это была тяжелая физическая работа на стройке. А нам хотелось заниматься чем-то более интеллектуальным, чем месить бетон на стройках. И теперь закон это позволял. Что хочешь, то и делай!

Это будоражило воображение, ведь мы скоро заканчивали институт и должны были начинать новую жизнь.

Люди постарше не сразу поняли суть произошедшего. Будучи, конечно, опытнее нас, профессиональнее, они тем не менее были прочно вплетены в советскую систему, приписаны к своим предприятиям и конторам. Кто-то стоял в очереди на квартиру, кто-то должен был получить автомобиль, кто-то ждал премию и т. д. и т. п.

А мы не были этим обременены, мы еще не вписались в

систему.

Нам нечего было терять, и мы с головой ринулись в «кооперативный» мир.

Кроссворды (Осень 1988)

Первый кооператив под названием «Консультант» мы создали вместе с нашим факультетом. Но что будет делать этот кооператив, как зарабатывать – никто еще не понимал.

И вот как-то осенью, сидя в нашей студенческой общаге и разгадывая вместе кроссворды, мы вдруг подумали: а не сделать ли из этого бизнес? Если нам самим нравится искать свежие кроссворды и решать их, то, наверное, это интересно и другим! А в киосках тогда был полный голяк с литературой и новыми журналами.

В общем, мы решили: это может пойти!

Проект был такой – мы придумываем кроссворд или несколько и печатаем их на листе бумаги, размером А3, на лицевой стороне – кроссворды, а на обратной – ответы. Распределили роли: Серега сочиняет кроссворды, я ищу, где их напечатать, и думаю, как продавать, остальные – на подхвате.

Серега сел за рисование и придумывание кроссвордов, а я отправился в типографию ЛИИ (Летно-Испытательного института). Пришел туда и предложил:

– Вот мы, с ФАЛТа, организовали первый у нас кооператив и хотим напечатать кроссворды! Сможете?

Мне ответили:

– Легко. Несите рисунки, тексты и прочее.

Они сами тогда только организовали собственный кооператив и готовы были в те часы, когда институт не работал, все это нам напечатать.

– Только у нас еще нет на это денег, – уточнил я, – но мы готовы рассчитаться с вами сразу после того, как продадим свои листовки.

В типографии мне ответили:

– Мы готовы! Это для нас будет первый коммерческий заказ. Нам самим интересно. Несите, напечатаем без денег, расплатитесь потом.

После этого я побежал в свой кабинет в комитете комсомола, где стоял телефон, и стал искать номер московского центрального офиса «Союзпечати». Тогда по всей Москве и Подмосковью стояли киоски «Союзпечати» – только они продавали газеты и журналы. Нашел их телефон, позвонил и спросил:

– Мы – кооператив при МФТИ, издали листы-кроссворды.

Можем ли мы через вашу сеть киосков это продать в Москве?

Мне тут же ответили:

– Почему бы не попробовать. У нас как раз сейчас мало периодики на прилавках. В успехе мы не уверены, поэтому выкупать ваши листки не готовы, но можем взять их на реализацию, наша комиссия будет 10 % от продаж.

Я обомлел: вот это удача, «Союзпечать» – это круто!

Осталось только изготовить тираж и привезти кроссворды на центральный склад. Я побежал заключать договор с типографией ЛИИ, отдал им рисунки и тексты – Серега к тому времени как раз все закончил. Потом мы с друзьями скинулись на автобус, чтобы весь этот тираж «макулатуры» довезти из Жуковского на склад «Союзпечати» в Москве.

Наступили томительные недели ожидания: продадут наши кроссворды или нет? От этого зависело все! Ведь нужно было еще расплатиться с типографией и факультетом, который дал нам крышу и печать кооператива.

Я тогда часто ездил электричкой из Жуковского в Москву, находил ближайший к вокзалу киоск «Союзпечати» и смотрел из-за угла: подходят ли, покупают ли наши кроссворды? Бывало, я стоял так часами. Меня очень печалило тогда и волновало, что покупатели к киоскам почти не подходили.

Прошло несколько месяцев – кажется, три. Такой срок был нам назначен в «Союзпечати» – после этого они должны были доложить нам, сколько продали, перечислить выручку за вычетом своей комиссии и отдать оставшийся тираж. Порог нашей окупаемости был где-то 30 %. Нужно было продать минимум 30 % тиража – а всего мы напечатали 100 000 листовок, – чтобы хотя бы выйти в ноль, то есть рассчитаться с типографией, вернуть свои деньги за перевозку, оплатить налоги кооператива, перечислить комиссию «Союзпечати» и положенную долю факультету.

Я очень волновался, когда звонил им через три месяца. Спросил:

– Сколько продали?

И услышал в ответ:

– Извините, но все реализовать не удалось, продали только 80 % тиража! Больше не смогли. Нам придется вам вернуть оставшиеся 20 % листовок – и к тому же они все потрепаны и, наверное, испорчены, так как свозили их из киосков со всей Москвы. Еще раз извините…

Я обомлел. Это более чем в два раза превосходило то, что нам было нужно для окупаемости! Это был феерический успех!

«Союзпечать» перечислила нам деньги. Мы рассчитались с

типографией, вернули транспортные, долю факультету, после чего на каждого из нас осталось где-то по тысяче рублей! Столько я до этого зарабатывал, будучи командиром стройотряда, за три месяца тяжелого физического труда где-то в Сибири, да еще и с учетом сибирского повышенного коэффициента!

После первого успеха мне показалось, что мы и дальше сможем так жить: продолжать заниматься наукой, самолетами, аэродинамикой, и периодически – проводить такие коммерческие сделки через наш кооператив!

P.S.

Жизнь переменилась: я перестал ездить в общественном транспорте, ждать на остановке автобус, толкаться в нем – всегда стал ловить тачку! Добраться на такси от общаги до платформы «Отдых» на электричку, чтобы ехать в Москву или в Коломну к жене и теще, стало для меня нормой. Раньше я мог позволить себе такси раз в месяц, и то если очень опаздывал.

Академик Сахаров (Июнь 1989)

Заседание Съезда народных депутатов СССР в тот день вел сам Горбачёв.

– Товарищи, я должен проинформировать вас, – обратился он к залу. – Депутат Сахаров Андрей Дмитриевич настоятельно просит дать ему слово.

Зал зашумел, народные депутаты уже устали от многочисленных выступлений Сахарова, но Горбачёв царственным жестом остановил шум в зале.

– Мы в Президиуме советовались на этот счет, но у нас нет единого мнения, учитывая, что депутат Сахаров выступал несколько раз. Всего, в общем… семь раз, – уточнил Горбачёв, специально заострив внимание публики на этой цифре.

Михаил Сергеевич насупил лоб, как бы показывая залу, что у нас с этой демократией уже даже перебор, и зал, уловив ерничание Горбачёва, продолжил тихо гудеть.

– Но я должен поставить вас в известность, – продолжал Горбачёв, – что такая просьба депутата Сахарова имеется, причем он просит 15 минут!

И зал загудел еще громче от возмущения.

По Горбачёву было видно, что ему нравился этот спектакль. Он сидел на самом верху и как бы руководил этой «демократией». Известному диссиденту он давал выступить уже не раз, зал этим возмущен, и он, «царь», обсуждает со своим «народом», давать или не давать очередное слово опальному академику. Тем временем Сахаров уже встал со своего кресла и пошел к трибуне.

– Давайте так, давайте определимся, будем давать слово? – спросил Горбачёв у зала.

– Нееет, – дружно и гулко ответил Съезд.

Но Андрей Дмитриевич уже был у трибуны, и Горбачёв демократично предложил Съезду дать ему все-таки пять минут. Зал продолжал шуметь, а к Президиуму вышла какая-то женщина в цветастом платье и начала что-то настойчиво объяснять Горбачёву. От такой «демократии» опешил и он.

– Вы мне только мешаете, – стал он ее останавливать. Но женщина упорствовала и тоже вышла на трибуну, где уже стоял Сахаров.

– Здесь вот еще просьба, – решил объяснить Горбачёв, – от общества театральных деятелей (он указал на женщину). Там считают ненормальным, что от их общества, несмотря на

настоятельные просьбы, товарищу Лаврову не дали выступить еще ни разу. Вот у нас ситуация такая, – разводя руками, подытожил Горбачёв, обращаясь к залу, – что будем делать?

А «театральная деятельница» продолжала стоять на трибуне вместе с Сахаровым.

– Я не выступал семь раз, – оправдывался перед ней академик.

– Нет, вы выступали, а вот наш Кирилл Юрьевич не выступал, – с улыбкой и плохо скрываемой издевкой укоряла она.

Горбачёву наконец надоел этот бардак у трибуны, и он нажал на звонок:

– Я вношу компромиссное предложение. Кто за то чтобы дать депутату Сахарову пять минут для выступления? Прошу поднять мандаты.

И большинство великодушно подняли свои мандаты. Пусть выступит пять минут.

– Как получится, товарищи, – начал свое выступление Сахаров, сразу предупреждая, что он будет говорить столько, сколько захочет. Зал в ответ возмущенно загудел.

Мы все завороженно сидели у своих телевизоров и смотрели этот невероятный спектакль. Вся страна, как мне кажется, тогда прекратила работать. Остановились фабрики и заводы, НИИ и колхозы, огромная страна прильнула к своим телевизорам и радиоприемникам. Трансляция Съезда шла в прямом эфире центрального телевидения на всю страну с утра и до вечера по первому каналу. Такого «сериала», «спектакля», такого накала страстей еще не видела в прямом эфире огромная страна. Мы привыкли к рутинным картинкам партийных съездов, где все сидели смирно в своих креслах. Докладчики выступали по бумажке, все по регламенту, все по порядку.

А тут – настоящий взрыв эмоций!

Камера телеоператора переходила то на лоснящееся от удовольствия лицо Горбачёва, то на усталое, болезненное лицо престарелого академика, то на зал. А в нем – вся страна в миниатюре: рабочие и ученые, партработники и известные артисты, журналисты и военные. Они все хотели попасть в кадр или выступить на трибуне, живо реагируя на каждое слово и жест.

– Мое положение все-таки несколько исключительное, – продолжил Сахаров. – Я отдаю себе в этом отчет и чувствую ответственность, поэтому и буду говорить, как собирался.

Дальше академик начал свою длинную программную речь, о том, что Съезд не выполнил своей главной задачи – установление ВЛАСТИ! Он стоял на трибуне чуть сбоку, прислонившись к одному ее краю, как бы стесняясь. Сутулый, болезненно

уставший, взъерошенный, в больших очках, он монотонно вещал в зал, не обращая внимания на сидящих там депутатов и на возвышающегося над ним сзади Горбачёва. Он говорил со страной.

– Съезд избрал Председателя Верховного Совета СССР в первый же день без широкой политической дискуссии и хотя бы символической альтернативности. По моему мнению, Съезд совершил серьезную ошибку, уменьшив в значительной степени свои возможности влиять на формирование политики страны, оказав тем самым плохую услугу и избранному Председателю, – растолковывал академик свою мысль. – Сосредоточение власти в руках одного человека крайне опасно, даже если этот человек – инициатор перестройки. При этом я отношусь лично к Михаилу Сергеевичу Горбачёву с величайшим почтением. Но это не вопрос личный, это вопрос политический! Когда-нибудь это будет кто-то другой.

Мы пристально следили за каждым его словом. Андрей Дмитриевич Сахаров – легендарная личность. Академик, создатель первой водородной бомбы в СССР, он воспринимался нами, студентами Физтеха, как кумир, человек из плеяды великих. Курчатов, Королев, Туполев – советские ученые-организаторы, научная элита. Но Сахаров был знаменит не только научными достижениями и учеными степенями, он был еще и совестью страны, открыто выступив против афганской войны. А защищая советских политзаключенных, вообще стал диссидентом и был сослан в Горький без права выезда. Только перестройка и Горбачёв освободили его из этого «плена». Они же и вывели его в негласные лидеры оппозиции, на самую передовую линию борьбы за демократизацию страны.

У Сахарова был тонкий, чуть визгливый, совсем не ораторский голос, он часто запинался и плохо выговаривал букву «р». Всем своим видом он скорее напоминал чудака-ученого, чем политического лидера, но говорил он про основы политической жизни всей страны.

– Члены Верховного Совета должны оставить свою прежнюю работу, иначе в Верховном Совете оказываются «свадебные генералы». Такой Верховный Совет будет просто ширмой для реальной власти Председателя Верховного Совета и партийно-государственного аппарата… В стране надвигается экономическая катастрофа, трагически обостряются межнациональные отношения. Если мы будем плыть по течению, убаюкивая себя, общество может взорваться… Нам необходимы политические решения!

Сахаров и Горбачёв на первом съезде народных депутатов

Тем временем пять минут заканчивались, и Горбачёв объявил, что осталась минута. На это Сахаров ответил, что тогда он пропустит «аргументацию» и перейдет сразу к основному тексту – «Декрету о Власти», который он предлагает принять:

– Первое. Статья 6 (о правящей роли КПСС) Конституции СССР отменяется. Второе. Законы СССР – исключительное право Съезда народных депутатов СССР.

Тут пять минут подошли к концу, и Председатель нажал на

звонок. Зал зашумел, пора бы выступающему закругляться, но Сахаров гордо поднял руку, успокаивая народных депутатов и продолжал вещать.

– Пункт третий, пункт четвертый, пятый…

На шестом пункте председательствующий дал второй звонок, и Сахаров сразу перешел на последний седьмой пункт:

– Функции КГБ ограничиваются задачами защиты международной безопасности СССР.

А далее академик вещал уже не в зал.

– Я обращаюсь к гражданам СССР с просьбой поддержать этот Декрет! – он говорил это с телеэкранов всей стране.

Горбачёв в третий раз нажал на звонок, но Сахаров продолжал, перейдя на тему армии. Зал иступлено захлопывал оратора, заглушая его речь.

– У нас самая большая армия в мире, больше чем у США и Китая вместе взятых, – пытался надрывно перекричать академик зал. – Я предлагаю сократить армию и срок службы в два раза.

Звонок звенел, зал гудел, а он кричал. Председательствующий выключил звук у микрофона, и началось немое кино.

– Все, пора заканчивать, Андрей Дмитриевич, – пытался вмешаться Горбачёв, – уже два регламента.

Но Сахаров продолжал.

– Все. Товарищ Сахаров, Вы уважаете Съезд? – уже с возмущением говорил Горбачёв.

Но Сахаров все стоял на трибуне и не уходил. И только когда Горбачёв в десятый раз сказал свое весомое: «Все!», академик сошел с трибуны и передал напечатанную речь Председателю.

– Заберите свою речь, – пренебрежительно сказал Горбачёв. Зал грохнул хохотом и, смеясь, долго хлопал, провожая сутулого академика с трибуны.

* * *

Мы сидели в телевизионной комнате студенческой общаги, и нашему негодованию не было предела. Нужно обязательно что-то предпринять! Если академик Сахаров призывает нас, граждан страны, к действию, нужно наконец-то что-то делать! Пришло яркое ощущение важного исторического момента! Мы должны сделать что-то такое, чего не делали никогда. Это была минута революционного азарта. Праздник непослушания. Откуда-то появилась простыня, краски, и мы начали рисовать огромный плакат, чтобы повесить его над входом в общагу.

Здание общежития стояло на улице Гагарина, центральной улице города, по ней ездило много автомобилей и автобусов, все время ходили люди. Они должны увидеть наш протест! В тот момент мы воспринимали свой порыв как что-то дерзкое и революционное, почти что бунт.

В длинном коридоре общежития мы разложили простыню и начали писать. Краска просачивалась сквозь ткань и ярким следом пропитывала пол дерзкими словами: «ПОЗОР СЪЕЗДУ!».

Все. Назад пути не было. Теперь по этому отпечатку на полу все точно узнают, кто рисовал плакат и кто его повесил. Нервное возбуждение росло. Что нам за это будет? Через неделю мы отправлялись на военные сборы, а осенью начинался последний выпускной шестой курс Физтеха. За это бунтарство нас ведь могут отчислить из института и отправить в армию. Это пугало, но не останавливало.

Откуда оно приходит, это бунтарство у молодых?

Конечно, мы пристально следили тогда за Съездом, за всем, что творилось в стране. Мы жаждали свободы и демократии, но прежде всего где-то внутри сидело подспудное желание вырваться из рутинной трясины, выйти в авангард.

Туда, в Москву, в столицу съехались в те дни депутаты со всей страны. Еще вчера они были никому не известны, а сейчас заседали в самом центре, в Кремлевском дворце. Всего за год они пробились на самый верх. Эта головокружительная карьера вчерашних лаборантов, журналистов и юристов будоражила молодые мозги.

Таким «неизвестным юристом» был и Константин Лубенченко, народный депутат от нашего Раменского района. Вчера его никто не знал, а сегодня он заседал в Кремле и вошел вместе с Сахаровым, Ельциным, Собчаком в МДГ (Межрегиональную Депутатскую Группу), т. е. в самый центр, в самую бучу. Невероятный взлет.

Советская карьера – длинный путь. Чтобы получить хотя бы однокомнатную квартиру, нужно встать на очередь и работать годами. А попасть в Москву и получить московскую прописку, вообще было немыслимо. А тут люди из дальних и ближних городов приезжали в Москву и за день становились звездами политики и публицистики. У них брали интервью, их показывали по телевизору, они были в центре всеобщего внимания. Вчера они, может, и рисковали своей «советской карьерой», выступая с демократическими лозунгами, разоблачая партократов и бюрократов, но сегодня они становились героями телеэкранов.

Эта смесь поиска правды, юношеского адреналина и жажды яркой и быстрой карьеры толкала в те дни вперед. Пусть в

авантюру, но вперед. Еще недавно я был секретарем комитета комсомола. У меня была семья: молодая жена, сыну два года. Мне было что терять. Но было и какое-то смутное подспудное ощущение, что нельзя сидеть на месте. Пришло наше время.

Мы решили в тот день выйти на площадь, устроить митинг и заявить: «Мы не согласны!»

Тут же на печатной машинке в кабинете комитета комсомола было напечатано «Воззвание к Съезду в поддержку академика Сахарова и демократии в России!». Мы соберем под «Воззванием» подписи, решили мы, и поедем с ними в Москву, к нашему депутату Лубенченко, чтобы через него передать наш призыв к Съезду.

Нас было пятеро человек, когда мы вышли на центральную площадь города к памятнику Жуковскому рядом с Дворцом культуры. Выставили свой плакат с текстом воззвания и стали ждать. Было обеденное время, люди вереницей выходили из проходной ЦАГИ и шли по домам как раз через эту площадь.

Волнение и страх прошли уже через мгновение, наоборот, пришел азарт.

Друзья собирали подписи, а я вещал мегафон:

– Поддержим китайских студентов на площади Тяньаньмэнь в их борьбе за свободу!

В те дни в Пекине разворачивались массовые студенческие митинги, но центральная власть Китая жестко их подавила с применением танков и бронетехники, с сотнями убитых. Там, в Китае, все было жестко, а тут в Жуковском получался какой-то веселый праздник, скорее маевка. Яркий плакат, улыбающиеся люди и испуганные милиционеры, которые не знали, как реагировать на происходящее. Здание горкома партии было совсем рядом, но никаких указаний от них не было, и милиция мирно стояла в стороне, не понимая, что делать: то ли запрещать, то ли, наоборот, помогать и держать наш плакат.

Через пару часов мы собрали более двух сотен подписей, можно было отправляться с ними в Москву.

Съезд народных депутатов СССР проходил в Большом Кремлевском дворце, а иногородние депутаты, съехавшиеся в Москву, селились рядом, в гостинице «Россия». Туда мы и направились с друзьями в поисках депутата Лубенченко, чтобы передать наше «Воззвание».

Большой холл гостиницы гудел, как пчелиный рой. Там сидели и передвигались, поодиночке и группами, депутаты, их помощники, разные инициативные группы и ходоки типа нас, с такими же подписными листами и прокламациями. Все живо общались между собой, обменивались мнениями и обсуждали

текущие дебаты.

В те дни я все время ходил с маленьким радиоприемником, чтобы ничего не упустить из прений на Съезде депутатов. В фойе «России» мы всей компанией собрались вокруг нашего радиоприемника и, внимательно слушая выступления, ждали окончания рабочего дня Съезда, чтобы наконец встретить своего депутата.

Но заседание все затягивалось, Председатель никак не мог закончить прения. Поток желающих выйти на трибуну было не остановить. Каждый хотел сказать что-то свое: демократы и партийные работники, ученые и журналисты, профсоюзы, афганцы и представители нацменьшинств. У всех была своя боль, идея и план реформ.

Эти незабвенные дни были настоящим праздником народовластия!

Как будто открылись все поры, и свежий воздух свободы и демократии ворвался во все окна и двери. Все хотели выговориться, сказать свое. Личное мнение, как оказалось, было у всех. В этой мешанине «правд» трудно было уловить главное, и дебаты продолжались и продолжались.

Мы сидели в фойе гостиницы уже, кажется, шестой час, а Съезд все не заканчивался, и депутаты не расходились. Когда время пошло к первому часу ночи, мы поняли, что можем упустить своего депутата и решили встретить его на улице, на подходе к гостинице.

– А как депутаты обычно выходят из Кремлевского дворца, каким путем идут в гостиницу? – стали уточнять у служащих.

– Обычно они выходят через Спасские ворота и идут мимо Василия Блаженного, сюда в «Россию», – объяснили нам.

И мы пошли туда.

Была теплая летняя ночь. Мы вышли на Красную площадь и встали между Спасскими воротами Кремля и Собором Василия Блаженного. Площадь была пуста, рядом с нами лишь остановился какой-то туристический автобус, откуда вывалила толпа японских туристов поглазеть на купола собора. Время шло, а депутаты все не выходили.

И вдруг… из Спасских ворот вышла пожилая пара. Они шли под руку уставшим шагом. Я узнал их сразу и замер. Это были Андрей Дмитриевич Сахаров и его жена, Елена Боннэр.

Медленно приближаясь, они шли прямо на нас. Мы стояли вдвоем с товарищем, держа в руках свое «Воззвание». Перед нами Сахаров и Боннэр, а за нами большая группа японских туристов. Было уже темно, наверное, плохо видно, и Андрей Дмитриевич подумал, что вся эта большая группа людей вышла специально

встретить его, ждут его мнения и слова. Академик остановился, поздоровался и стал рассказывать о результатах дня, о Горбачёве и Верховном Совете.

Я стоял очумелый, пытаясь прийти в себя.

В жизни каждого человека бывают дни, в которые трудно потом поверить и невозможно повторить.

Но это было! Мы стояли с Андреем Дмитриевичем Сахаровым друг против друга ночью на Красной площади, и он рассказывал мне что-то про Горбачёва и Верховный Совет. Это был момент достижения невероятной, немыслимой вершины.

Скоро все изменится. Начнется падение и развал страны. Мои взгляды поменяются диаметрально, но это мгновение останется в памяти навсегда.

Когда меня спрашивают, каким он был для меня, пик Союза, я вспоминаю эту ночь: Красная площадь, звездное небо и разговор с академиком Сахаровым один на один.

P.S.

Первой что-то неладное почуяла Боннэр, она таки разглядела, что за нами стоят совсем не восторженные советские избиратели, а случайные японцы, которые вообще не понимали, кто тут перед ними. А академик вел ночной разговор с всего лишь двумя молодыми студентами. Она аккуратно толкнула локтем супруга, мол, хватит болтать. Можно закругляться, пошли домой.

Я передал Андрею Дмитриевичу наше «Воззвание», и мы разошлись…

I съезд народных депутатов СССР

Здравствуйте, мои Родные.

Только что началась лекция по партполитработе. Майор оказался очень оригинальный, разрешил не только заниматься чем угодно, но и спать на его лекциях. Так что я решил написать Вам письмо (очередное).

Лишь вторую неделю моросящий дождь портит наше настроение, а в остальном у нас все «хорошо, прекрасная маркиза!». Вчера были на аэродроме. Полазили по

самолетам типа «изделие номер 48», пособирали землянички, поспали в ангаре – в общем, ознакомились с летной техникой эскадрильи! Все хорошо, но возвращались под нудным дождем и промокли до нитки. Сушилки нет, запасного кителя тоже, так что вместо самоподготовки (после обеда), кто-то спал, кто-то играл в козла, кто-то – в дурака. В общем, продолжилась наша ежедневная лафа.

Сегодня начался круговой турнир (в парном разряде) по козлу. Мы с Пушкиным с утра уже выиграли у трех пар в сухую, пока идем в фаворитах.

Турнир по футболу начался уже давно, но дождь задержал его окончание. Позавчера наш второй взвод играл с третьим. Это не игра, а смех. Все поле в лужах, дождь не прекращается. Не игра, а какой-то аттракцион. Счет матча 1:1. Кстати наш гол (случайный, конечно) забил я, гол признан лучшим в сезоне.

Так и идет наша жизнь от битвы к битве, от боя к бою, «покой нам только снится». На следующей неделе должен подъехать Вахранев, обещает провести учение с холостыми патронами, разведкой, ракетами, маршбросками – в общем, начинается игра «Зарница».

На этом заканчиваю, т. к. наш почтальон срочно убегает на почту. Пишите, очень жду.

До свидания. Целую всех.

Ваш Сергей

(лето 1989 года)

Военные сборы (Июнь 1989)

Если сказать, что на армейских сборах у нас была лафа, значит – ничего не сказать!

Четыре года учебы на Физтехе мы ходили на военную кафедру изучать военную теорию, технику, устав и прочее. И так – каждую субботу. Финалом военной подготовки в институте, которая должна была заменить нам службу в армии, были «военные сборы».

Туда мы и отправились в июне, сразу после сессии, в самый разгар заседаний первого Съезда народных депутатов СССР. Жаркие дебаты того Съезда, наш «революционный» бросок в Москву с письмом в защиту академика Сахарова были еще свежи в памяти, но пришлось резко переключиться: мы должны были «отслужить» и вернуться назад лейтенантами.

Первая неделя сборов напомнила, скорее, пионерлагерь, нас поселили в одну большую казарму, давние друзья и товарищи оказались вместе. Режим был веселый и спортивный: завтрак – волейбол – обед – тихий час – волейбол – ужин – волейбол и спать. Мы почти не надевали форму, ходили в трениках и кедах. Военный городок жил своей обычной жизнью, все солдаты были в форме и сапогах, а тут большая толпа вольношатающихся студентов в тренировочных штанах и кедах. Срочники с завистью смотрели на этот студенческий лагерь внутри военных казарм. Нас лишь изредка вывозили на стрельбы из автоматов, но толку в этом было мало, все попадали в молоко.

Военные «порядки» вызывали много вопросов. Ну, скажем, зачем надевать военную форму перед вечерней поверкой, если ее тут же нужно снять? Зачем подшивать подворотнички, если к концу дня они уже грязные? И, наконец, а зачем вообще все это нужно?

Единственное, что держало в тонусе, – предстоящая присяга! К ней нужно было готовиться, учиться маршировать, но, так как в основном мы играли в волейбол и строевой подготовкой не занимались, результат был соответствующий – все шли не в ногу, автоматы висели, как на наемниках, и вообще, все вызывало гомерический смех. Мы постоянно хохотали. Владику, одному из наших сокурсников (парню солидной комплекции), так и не смогли подобрать форму, ему нужен был китель 56 размера, а сапоги 50. Таких размеров не было. И поэтому Владик ходил в сандалиях, простой зеленой рубахе и носил кличку «сын полка».

Присягу он начал со слов:

– Военная присяга. Я гражданин СССР…

После присяги нас наконец-то вывезли на аэродром – мы проходили службу в авиационном полку. Но там мне запомнилась не техника, а огромная толпа беженцев, которых временно разместили на летном поле. Все: мужчины, женщины, дети – жили там одним большим табором с временной полевой кухней и туалетом прямо в поле. Их было там несколько тысяч. Как раз в те дни в Ферганской долине Узбекистана начались погромы и выступления узбекского населения против турков-месхитинцев, и теперь их самолетами вывозили в Центральную Россию, спасая от резни. Почему-то Грузия, откуда еще Сталин выселил этих турков, принимать их не хотела, и власти пытались пристроить их где-то под Смоленском.

Это был первый год, когда на окраинах Союза начались неожиданные национальные стычки: резня в Сумгаите, бойня в Ферганской долине. Все это казалось странным и воспринималось с недоумением.

С чего такие страсти?

На военных сборах

Депутаты на Съезде в Москве, все общество обсуждают, как нам демократизировать страну, как улучшить жизнь. А они там, на окраинах, зачем-то начинают местечковые жестокие драки. Жителям Москвы и центральной России это казалось чем-то диким и непонятным. Смотреть на это было неприятно, но воспринималось, скорее, как эпизоды, случайные вспышки. Особенно на фоне нашей «армейской» жизни, которая в основном состояла из «дурака», «козла», расписывания пульки и других

популярных настольных игр.

Хорошо шло чтение книг. В военном городке и ближайших деревнях были отличные книжные магазины. Это характерное явление советского времени: чем в более забытое богом место ты приезжал, тем более интересные и редкие книги ты мог там найти. Ходасевич, Камю, Северянин, даже Ницше были в тех книжных. В Москве это разошлось бы в одно мгновение, а тут книги могли лежать в магазинах годами. Мы скупили там все. Забавно было наблюдать, как курсанты сидели и читали вечерами стихи, как молодые курсистки.

Но главным событием наших сборов стал… круговой турнир в парном разряде по «козлу»!

Со мной в паре играл Серега, партнер по «кроссвордным» кооперативным делам. Всего в битву включилось более 20 пар, это более половины роты. В сумме нужно было сыграть не менее 200 игр, настоящий большой турнир. Мы заняли под него огромную «ленинскую» комнату. Первые игры мы выигрывали легко, но потом противники начали уже сыгрываться, и побеждать становилось все труднее и труднее. Нужно было что-то придумывать.

Чтобы хорошо играть в «козла», желательно понимать или угадывать значение костей на руках соперников, чтобы осложнить им жизнь. Ну или хотя бы как-то догадаться о костях своего напарника, тогда можно додумать, что осталось у соперников.

В общем, знать кости на руках напарника – самое важное в «козле».

И мы с Серегой придумали фишку! Если я кладу на стол кость с числом, скажем, «два» и при этом у меня на руках еще много костей с «двойкой», то я сильно и громко бью этой костью по столу. Если же, наоборот, у меня после этого хода «двоек» на руках не остается, то я тихо и плавно кладу кость на стол.

Вся фишка – в силе удара костью по столу.

На уровне ощущений сила удара примерно должна соответствовать количеству костей с этим числом, оставшихся на руках. Так я подавал сигнал другу, и этого было достаточно, чтобы безоговорочно побеждать любого соперника. Сами удары костью по столу – обычное дело в «козле», но все бьют костями просто так, для смеха и азарта. А мы били со смыслом, подавая напарнику нужный сигнал. Никто из конкурирующих пар ни о чем не догадывался, а мы выигрывали у всех подряд с разгромным счетом.

Единственной преградой на пути к победе стала пара – Прос и Кот. Они отлично играли в преферанс, а тут простое домино. Они играли азартно, смеялись и шли ва-банк.

Счет был 100: 0 в нашу пользу, а игра шла до 101-го.

И вот при счете 100: 0 я решил сыграть красиво и поставил большую «рыбу», желая, чтобы счет стал совсем уж разгромным, хотя мы могли легко победить по очкам. Но «рыба» оказалась не в нашу пользу, и счет стал 100: 80. В следующей партии уже Кот ставит «рыбу», и мы проиграли со счетом 100: 101.

Это был чуть ли не единственный обидный проигрыш в том круговом турнире, но мы вышли в полуфинал и уверенно победили в финале.

Наша победа в этом турнире – главное, что запомнилось с тех «военных сборов».

P.S.

Прошло более четверти века, изменилась страна, выросли дети и мне хочется честно признаться – мы жульничали, надо бы переиграть!

Болгария (Август 1989)

Обком комсомола назначил меня на лето командиром областного штаба ССО.

Должность хоть и звучала серьезно и за нее даже платили приличную зарплату, но по сути была примитивной. С некоторой периодичностью нужно было объезжать студенческие строительные отряды в Подмосковье, узнавать, как у них идут дела, что с техникой безопасности, и решать другие рутинные вопросы.

Но главная задача командира штаба – сидеть на «аварийном» телефоне в обкоме комсомола в Колпачном переулке. Что-то вроде дежурного секретаря, до которого мог дозвониться любой отряд, если у них что-то случится. Именно этот номер дежурного телефона был записан у всех подмосковных командиров как «аварийный». В этой «секретарской» работе, собственно, и заключалась работа командира штаба. Устав от бесполезного сидения весь июль, я стал договариваться, чтобы оставить это занятие на кого-то другого и двинуть с друзьями в Болгарию.

Как раз тем летом мы сформировали первый от ФАЛТа «иностранный» строяк. Командиром поставили Виталика. Тогда были в моде студенческие обмены с дружественными социалистическими странами. Их отряды приезжали на летнюю работу к нам, а мы уезжали к ним. Нам выпало принимать студентов из Софии. Вместе со штабом мы нашли для «наших» болгар работу в Царицыно. Реставрация дворца еще толком не началась, но какие-то раскопки шли и им поручили ремонтировать старую конюшню.

В августе мы уже сами отправились на работу в Болгарию.

Хоть это и был студенческий строительный отряд, он воспринимался нами, скорее, как отпуск, как награда за прошлые «боевые» заслуги. Мы первый раз в жизни выезжали за границу, к тому же нам разрешили взять туда жен.

Это был большой лагерь, где жили студенты из разных республик СССР и стран СЭВ. Мы не очень тесно общались между собой, но в глаза уже бросался негативный и порой враждебный настрой по отношению к нам студентов из других советских республик и соцстран.

Особенно выделялись грузины. Никакой личной антипатии не было, мы вроде бы были из одной страны, но в разговорах уже сквозила неприязнь к Москве. Они постоянно намекали, что у

Грузии теперь будет свой путь и что во всем виноваты русские. Наше восторженное отношение к новым реформам, перестройке и гласности не находило у них поддержки. Точнее, они тоже были за перестройку и демократизацию, но тут же говорили, что «перестраиваться» они будут еще быстрее, чем мы в Москве.

Примерно то же самое было слышно и от местных болгар. Еще вчера они были «братушки», но сегодня чувствовалось, что нас недолюбливают.

Мы работали на консервном комбинате под Пловдивом, грузили ящики с персиками и мыли пивные бутылки в длинном конвейерном цеху. Пиво – главный продукт, который тогда поразил в Болгарии. У нас, в СССР, было только одно пиво – «Жигулевское». А тут в любом, даже далеком сельском магазинчике по два-три сорта пива. А на комбинате мы увидели их десятки, если не сотни. Забавой стало собирать пивные этикетки, такого разнообразия пива мы не видели никогда в жизни.

Вообще, Болгария не сильно отличалась от Советского Союза, но улочки были чище и частные домики опрятнее. И много-много пива! В остальном – СССР.

В Болгарии

Не зря ходила пословица: «Курица – не птица, Болгария – не заграница».

С пивом у них все было хорошо, но одежды и обуви также не хватало. Из главных дефицитов того лета в Софии были джинсы Lee и кроссовки Romika, они продавались только в одном столичном магазине. Очередь за ними пришлось занимать с вечера.

Мы ночевали по соседству с магазином. Там, сидя ночью в

подъезде какого-то дома в болгарской столице, я, случайно купив в русском книжном магазине «Лолиту», впервые в жизни читал Набокова…

* * *

«…Ло-ли-та: кончик языка совершает путь в три шажка вниз по небу, чтобы на третьем толкнуться о зубы.

Ло. Ли. Та.

Она была Ло, просто Ло, по утрам, ростом в пять футов (без двух вершков и в одном носке). Она была Лола в длинных штанах. Она была Долли в школе. Она была Долорес на пунктире бланков. Но в моих объятьях она была всегда: Лолита. А предшественницы-то у нее были? Как же – были… Больше скажу: и Лолиты бы не оказалось никакой, если бы я не полюбил в одно далекое лето одну изначальную девочку. В некотором княжестве у моря (почти как у По).

Когда же это было, а?»[4]

Библия
(Осень 1989)

«Вам пришло письмо из Америки» – такое уведомление я неожиданно обнаружил в своем почтовом ящике в общежитии.

Первая мысль – меня, наверное, приглашают на учебу в американский университет!

В тот год это было всеобщее желание – уехать на учебу за границу. Тут сливались воедино две мечты – продолжать заниматься наукой и поехать в Америку. Зарубежные контакты стремительно расширялись, Горбачёв объявил эпоху гласности, открытости, и Америка звала и манила. Правда, брала она только лучших. С нашего факультета на тот момент в американский университет смог пробиться только один, самый лучший и самый умный из нас. Кандидатов для стажировки в Америку отбирали сверху, через ректорат и деканат. Но это было централизованно, а тут мне пришло какое-то письмо из Америки напрямую!

Я не шел, я бежал на почту.

Там точно будет приглашение на учебу или что-то с этим связанное! Что еще студенту Физтеха могут прислать из Америки? На почте мне вручили бандероль, я расписался в ее получении и тут же вскрыл.

Там лежала… Библия!

Маленькое красочное издание Ветхого и Нового Завета. Почему эту Библию прислали на мое имя и адрес, я не знаю до сих пор, лишь огромный тираж того издания говорил, что, наверное, ее рассылали многим, и я попал в какой-то случайный список. Эту Библию, как странную «гуманитарную» помощь, Америка рассылала по всему огромному Советскому Союзу. Но в наше общежитие она пришла почему-то только мне.

Я впервые держал в руках Библию. Мы были воспитаны атеистами и к церкви относились снисходительно. Это – часть нашей прошлой истории и культуры, но не более. Церкви, священники, кресты и прочие атрибуты – это что-то уходящее, сродни лаптям, свечам и старым телегам. Мы не были настроены антирелигиозно, нас учили корректно относиться к церкви и верующими людям, но их время уходит и скоро совсем уйдет. Мы лишь посмеивались над их странной «необразованностью» и «отсталостью».

Ну как можно верить в какого-то Бога, если мы уже летаем в космос и смотрим телевизор?

С перестройкой все поменялось. Поток новых книг, журналов,

статей быстро трансформировал наше сознание, и приходило понимание, что в религии и церкви все-таки что-то есть. Ведь не зря же люди столетиями в это верят! Но литературы об этом нигде не было, и эта маленькая примитивная книжка синего цвета, отправленная из Америки случайным почтовым переводом, впервые окунула меня в тему религии и веры.

Ветхий Завет: Адам и Ева, Каин и Авель, Авраам, Моисей. И Новый Завет, где приходит наконец-то Иисус Христос. Я читал эту книгу очень внимательно, всматриваясь в каждое слово, пытаясь понять тайный смысл, искренне пытаясь сразу и быстро прийти… к новой вере.

«Отче наш, сущий на небесах!
Да святится имя Твое;
да приидет Царствие Твое;
да будет воля Твоя
и на земле, как на небе;
Хлеб наш насущный
дай нам на сей день».

Я перечитывал молитву много раз, заучивал и перечитывал заново. Но молитва не шла, и вера не приходила. В голове все оставалось, как и прежде, лишь появились новые слова и образы.

И я стал читать эти рассказы сыну. Ему было тогда три года. Там, в общежитии МФТИ, у детской кроватки, вместо сказок и детских книжек я читал ему на ночь сценки из Евангелия, показывая красивые картинки из этой новой «американской» книжки. Если вера с таким трудом приходит ко мне, может, со временем что-то сможет понять он?

P.S.

Через несколько лет теща рассказала нам забавную историю.

Была весна. Она ехала с внуком на дачу, под Коломну. Автобус, как всегда, был переполнен дачниками, все везли сумки, корзинки, мешки. И, проезжая мимо полуразрушенной церкви, кто-то внезапно сказал.

– Сегодня же Христос Воскрес.

И вдруг маленький мальчик в коротких белых штанишках и белой кепке неожиданно и громко, с выражением, начал речь.

– На рассвете Саломия, Мария и Мария Магдалина пришли в сад, где была пещера, чтобы помазать принесенными ароматами тело Иисуса.

Народ в автобусе сразу замолчал, все повернулись в сторону мальчика.

– Пока они шли, то с грустью говорили между собой: «Кто отвалит нам камень от двери гроба?» – серьезным тоном продолжил мальчик и повел рассказ дальше.

– Подойдя ко гробу, женщины с удивлением увидели, что камень отвален, а он был очень большим!

И мальчик руками показал, какого размера был тот камень. Народ в автобусе заулыбался и стал еще более восторженно смотреть на него.

– Войдя в пещеру, они увидели ангела, облаченного в белую одежду. Женщины ужаснулись, но ангел сказал им…

И мальчик сделал паузу.

– Не бойтесь! Ибо знаю я, что вы ищете Иисуса распятого; Его нет здесь – Он воскрес, как сказал. Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь, и пойдите скорее, скажите ученикам Его, что он воскрес из мертвых… Христос Воскрес! – закончил он свой рассказ, а автобус, переполненный простыми советскими дачниками, еще долго смеялся и с изумлением и радостью смотрел на маленького мальчика в белой кепке.

«Красное колесо» (1990 год)

Первой книгой Солженицына, которую я прочитал, был роман «Красное колесо».

Это очень необычно – знакомиться с автором, его мыслями и идеями, начиная с конца, а не с начала. Возможно, если бы я начинал, как и все, с «Ивана Денисовича», я бы так и не дошел до его самой важной книги, которая стала одним из главных трудов всей его невероятной жизни.

Простым советским парнем Солженицын ушел на войну. Воевал в артиллерии и тайно вел дневник с запретными мыслями о Сталине и стране. За этот дневник и подозрительные письма уже под конец войны его арестовывают и отправляют на Лубянку, а дальше срок – восемь лет лагерей и пожизненная ссылка.

Истощенного, переболевшего и победившего в лагере рак, его выпустили 1956-м, при Хрущеве. Все эти годы он продолжал что-то писать для себя, без всякой надежды, что эти вещи когда-то увидят люди. Только выйдя на свободу в первые годы оттепели, он смог напечатать свой рассказ «Один день Ивана Денисовича» как реальные воспоминания о жизни в лагерях.

Его публикуют в «Новом мире», и через год Солженицына уже принимают в Союз писателей СССР. Но советская писательская слава, как и оттепель, длились недолго, и уже при Брежневе он уходит, по сути, в подполье и тайно пишет свой главный роман советского времени – «Архипелаг ГУЛАГ».

За этот роман в 1974-м, когда Солженицыну было уже 56 лет, его высылают из СССР, и он уезжает в Америку. Но там он не превращается, как многие уехавшие диссиденты, в оголтелого антисоветчика, а поселяется затворником в далеком лесном штате Вермонт. Уединяется, чтобы написать главную книгу своей жизни… о февральской революции 1917 года.

Если, живя в СССР, он выискивал по крупицам свидетельства о сталинских репрессиях и лагерях для «Архипелага», то теперь, в Вермонте, он начинает собирать материалы о февральской революции для «Красного колеса». Обратившись к историкам и потомкам эмигрантов в Америке и Европе, он подбирает огромное количество книг, документов, писем и телефонограмм тех лет, чтобы написать этот документальный роман-эпопею.

Биографию Александра Исаевича уже свободно печатали перестроечные газеты и журналы, но самих его работ и книг никто толком не читал, их просто еще не успели издать. Я начал

читать Солженицына сразу с «Красного колеса».

Роман мгновенно поразил меня своей основной мыслью: Октябрьская Революция – совсем не главное событие XX века, как нас учили, начиная со школы, а проходной эпизод, мелкий переворот. Она – лишь трагическое следствие другой, основной русской катастрофы – февральской. Именно в феврале, с отречения царя и с началом работы Временного правительства, и начнет раскручиваться тот маховик трагедий и катастроф, который и приведет к Октябрю.

А далее огромное «красное колесо» покатится по вчерашней великой России, чтобы перемолоть всех: царедворцев, крестьян и рабочих, кадетов, социал-демократов, монархистов и эсеров. И потом окончательно кровавым сталинским катком уравнять уже всех.

Это понимание «демократической» февральской революции как основного узла русской трагедии стало открытием и откровением. Оно сразу многое объясняло.

Но тут же стало заметно, что книгу почему-то не замечает «демократическая» пресса. Куски и узлы романа печатали тогда одновременно в различных журналах и изданиях, но никаких детальных рецензий или научных обсуждений не проходило. Казалось бы, роман вышел очень вовремя. У нас как раз в это время разворачивалась своя «демократическая» революция, запущенная Горбачёвым. Куда она приведет? На какие исторические аналоги и параллели нужно опереться, чтобы не повторять ошибок? Уже тогда было очевидно, что уроки того февраля для нас очень важны. Но ни те, кто был у власти, ни те, кто к ней рвался, на эти уроки уже не обращали внимание.

Я читал роман с упоением. Это был одновременно и детектив, и «стенограмма» заседаний Государственной Думы. Отчеты царского правительства, декреты Временного правительства и новоявленного Совета народных депутатов перемешивались с точной географией мятежа, вплоть до улиц и закоулков столицы империи.

Куда бежали, в кого стреляли взбунтовавшиеся солдаты запасных батальонов в ту роковую февральскую ночь в Петрограде? Там сконцентрировался в тот момент сгусток нервов русской истории, чтобы запустить это неотвратимое… «красное колесо».

Переворот сознания (1990)

Когда на улицах Москвы в 1991-м я впервые увидел приклеенную к стене листовку «Ельцин – Первый Президент РСФСР», я уже был его противником!

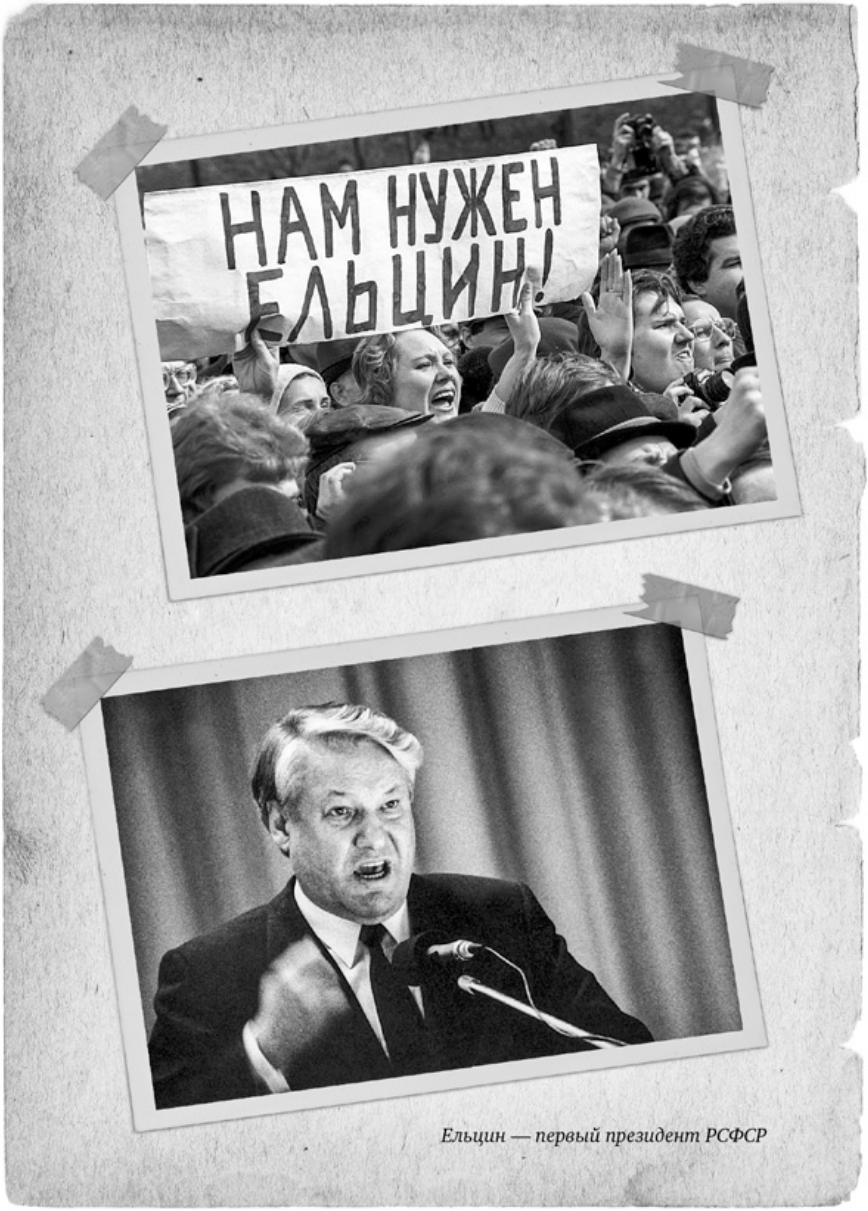
Переворот сознания, от безусловной поддержки лидеров-трибунов Межрегиональной депутатской группы (Афанасьева, Сахарова, Ельцина, Собчака) до полного их неприятия произошел за два года. Мои убеждения и мировоззрение поменялись на 180 градусов, полностью и необратимо.

Если еще весной 89-го, я, как и все вокруг, был всецело за перестройку, демократию и гласность, за Горбачёва, Ельцина и Сахарова, то к середине 1991-го я стал закоренелым противником скороспелых «демократических» реформ и болтовни о гласности.

В 1990-м в журнале «Звезда» впервые напечатали кусок из «Красного Колеса» Солженицына, «Август Четырнадцатого». До февральской революции было еще далеко, почти три года. Но запах назревающей катастрофы уже ощущался. Через несколько месяцев в «Нашем современнике» вышел следующий узел романа – «Октябрь Шестнадцатого», и до исторического разлома оставалось всего четыре месяца.

Я жил тогда каждую неделю в ожидании нового номера. Литературные журналы с их многотысячными тиражами сражались за право первыми издать Солженицына и потому очередные главы-узлы выходили в разных изданиях. Журналы грудами скапливались в комнате нашей студенческой общаги. В конце 90-го в «Неве» наконец-то напечатали «Март Семнадцатого», ключевой узел романа о последних днях великой Российской империи.

Примерно в это время я и стал другим человеком.



Ельцин — первый президент РСФСР

Все, что происходило тогда на экранах телевизоров: прямые эфиры заседаний Верховного Совета РСФСР, Съездов народных депутатов СССР, дебаты Горбачёва с Ельциным – все это я стал воспринимать исключительно в свете надвигающегося… октябрьского переворота в 1917-м в изложении Солженицына. Мыслями я жил в двух измерениях: в сегодняшних днях, начала 1990-х, и одновременно в тех далеких, весны 1917-го.

Второе действие романа под условным названием

«Народоправство, Апрель Семнадцатого», напечатал «Новый мир». К этому моменту я уже ненавидел все бутафорские «демократические» перемены нашего времени и словоблудие новых российских младореформаторов типа Бурбулиса и Гайдара. Последние главы романа «Октябрь 17-го» и «Ноябрь 17-го» вышли с опозданием почти в год, поставив последнюю жирную точку в формировании моего мировоззрения.

С тех пор я за все консервативное и против всего либерального.

P.S.

Это восприятие мира родилось именно тогда, в начале 1990-х, когда перед глазами одновременно прокручивались и взаимно перекручивались две исторические драмы: развал великой Российской Империи в 1917-м и великого Советского Союза в 1991-м.

Выборы (Весна 1990)

Весной, на волне политического бурления, я решил пойти в депутаты.

Вокруг все кипело, прошедший Съезд народных депутатов СССР неожиданно вывел на сцену совсем неизвестных людей. Народ хотел видеть во власти новые лица. В союзных республиках или в дальних регионах голосовали, как обычно, за секретарей обкомов, директоров заводов и институтов. В глубинке Съезд народных депутатов воспринимался как вчерашний Съезд КПСС, туда выдвигали видных начальников или почетных рабочих и колхозников.

Но в Москве, Подмосковье, в крупных областных центрах ситуация была иная.

Тут основную массу избирателей составляла уже условная интеллигенция. Телевидение, газеты, журналы пестрели новыми авторами и именами. Эти люди быстро становились очень популярными и легко могли избраться в любом округе Москвы или Ленинграда. Писатели, историки, журналисты, простые милиционеры и военные превращались во всеобщих любимцев и героев. Нужно озвучить какую-то яркую историю, убедительно выступать или писать статьи – и твой шанс пройти в депутаты сразу становился большим. Такого опыта у старой советской номенклатуры не было. Секретари обкомов партии или директора заводов не привыкли полемично выступать с трибуны и тем более писать разоблачительные тексты. Новые «авторы» в этом легко побеждали старых аппаратчиков, и народ голосовал за них. Так и прошли выборы в первый Съезд народных депутатов СССР.

По нашему Раменскому округу туда выбрали юриста Константина Лубенченко. Он жил в Жуковском, но работал в МГУ на юрфаке. Выдающимся оратором он не был, и вообще о нем толком никто не знал. На встречах с избирателями, а я ходил на них не раз, ничего оригинального он не говорил. Обычный набор фраз про «демократизацию и гласность». Он лишь делал акцент на юридические аспекты закрепления «демократии» через конституцию.

Из этого примера было видно, что ярких звезд на советском небосклоне крутилось не так уж и много. Самые яркие кандидаты разошлись по столичным округам, а в Подмосковье выдвигались вполне обычные люди без интригующих личных историй.

Самым главным для победы было – кто выдвигал кандидата!

Лубенченко был выдвинут от инициативной группы в ЦАГИ. Почему-то ЦАГИ выбрал не кого-то из своих ученых, а стороннего кандидата-юриста. Его поддержал и наш факультет, ФАЛТ.

ЦАГИ и Физтех были самыми авторитетными структурами в округе, считалось, что там работает и учится образованная интеллигенция – цвет страны. Они точно знают, за кого голосовать! Кроме Лубенченко, в кандидатах был какой-то партаппаратчик, но он почти не набрал голосов, и Лубенченко легко победил.

И вот через год наступали очередные выборы, теперь уже в народные депутаты РСФСР. К этим выборам «свежих» лидеров не осталось. Все звезды еще год назад были избраны в состав Съезда народных депутатов СССР. Так и оказалось, что по нашему Раменскому району интересных кандидатов в парламент РСФСР нет. Старые советские начальники идти на выборы не хотели, так как понимали, что все равно проиграют, а выдвижение новых лиц было хаотичным. За три недели до утверждения списка кандидатов в нем значился всего один человек – никому не известный школьный учитель из Раменского.

О нем знали только то, что он… «демократических» взглядов.

Тогда я и решил пойти в депутаты.

Эта неожиданная дерзкая мысль мгновенно окрылила. А почему бы нет? Совсем недавно я был секретарем комитета комсомола, поэтому факультет точно будет за меня. В городе, конечно, меня никто не знал, но других кандидатов от Жуковского не было. Я переговорил с комитетом комсомола ЦАГИ и те с радостью сказали, что поддержат меня, если я попаду в список, ведь наши институты – близнецы-братья.

Если ЦАГИ и ФАЛТ будут за меня – победа гарантирована! Нужно только провести заседание нашего «трудового и студенческого коллектива» и официально выдвинуть меня кандидатом: процедура выдвижения была именно такой – от трудовых коллективов. До завершения этапа выдвижения кандидатов оставалось две недели, вроде бы можно успеть.

И мы провели такую встречу в большой физической аудитории. Пришли кто-то из преподавателей и студентов и при одном воздержавшемся проголосовали ЗА. Мы оформили голосование как документ и скрепили печатью факультета. В тот момент мне показалось, что я уже почти победил, и я был на седьмом небе от открывающихся перспектив.

Я был, конечно, молод – всего 24 года. Я еще ничего не сделал в жизни, но примеры подобных «выдвижений» уже были, на экранах мелькали молодые лица. Почему не я?

Был только один вопрос – политические взгляды и

платформа. В тот момент я уже однозначно стоял на «консервативных» позициях, т. е. против огульных «демократических» и ультралиберальных реформ, которые, на мой тогдашний взгляд, вели к развалу страны. В голове была странная смесь – сочетание идей капитализма, патриотизма, консерватизма и монархизма. Толком разъяснить суть этих взглядов я вряд ли мог. Но тезисы Солженицына, прочно сидевшие уже в моей голове, звучали убедительно, и казалось, что этого достаточно: в полемике, если таковая случится, я смогу держаться достойно. Беспорядочные реформы Горбачёва, популизм Ельцина и депутатов из Межрегиональной депутатской группы раздражали, уже были видны первые негативные последствия скороспелых «демократических» начинаний Горбачёва. Тут точно можно было вступать в полемику и спорить.

Но в тот момент, когда меня выдвинули на ФАЛТе и поддержали на словах в ЦАГИ, о моей платформе никто толком ничего не знал. Все думали, что я «демократ», как и все вокруг. Устраивать дискуссию раньше времени не хотелось. Я еще успею со всеми поспорить, решил я, нужно сначала зарегистрироваться, а там и откроем карты.

И я повез бумагу с факультетской печатью в раменский избирком. Тамошний председатель, активный молодой мужчина, с удивлением и радостью принял наш протокол, и мы сели с ним поговорить.

– Какая у Вас политическая позиция? – сразу спросил он.

И мне пришлось ему все рассказать, скрывать было нельзя. Завтра, возможно, мне придется уже вести агитацию.

– Я против «демократов», они разваливают страну. Нужно переходить на рыночные капиталистические принципы, но власть и порядок в стране необходимо удерживать в крепких руках. Если для этого потребуется сохранить КПСС, то партию следует сохранить и постепенно реформировать. Я против резких либеральных реформ, они могут привести страну к катастрофе, – закончил я разъяснять короткие тезисы своей платформы.

Мужчина удивленно на меня смотрел, но радостно потер руки.

– Будет интересно! – сказал он. – У нас есть один кандидат от «демократов», это учитель из Раменского, один коммунист, директор местного совхоза, и вот теперь ты.

До конца регистрации оставалась одна неделя, и он в заключение сказал, что они утвердят все документы и пришлют мне официальный мандат, чтобы я мог начать агитационную работу. Я вышел окрыленным, лихорадочно продумывая следующие шаги: формировать избирательный штаб, отбирать

доверенных лиц, печатать листовки, встречаться с людьми.

От волнения колотилось сердце. Я был абсолютно уверен в победе!

Но за два дня до конца регистрации мне перезвонил этот председатель и растерянно сообщил, что у него, точнее у меня… проблема. Оказывается, ФАЛТ – только факультет и не является юридическим лицом, а относится, как филиал МФТИ, к Долгопрудному, а это совсем другой район. Поэтому они не могут принять протокол трудового коллектива от ФАЛТа.

– Как так? – растерянно бормотал я в ответ, – факультету уже 25 лет. На всех выборах мы голосуем от Раменского района. Причем тут Долгопрудный, он же в другом конце Московской области?

Но председатель извинялся и говорил, что для него самого это неожиданность и нонсенс, но наш протокол они принять не смогут. Он лично меня поддерживает и готов как-то помочь, но ему нужен звонок из Центрального Избиркома. Пусть решат там наверху, в Москве. Если ему позвонят, он внесет.

Прямых контактов в Центральном Избиркоме у меня, конечно, не было и я начал звонить всем подряд. И только один человек, близкий к «патриотическим» кругам, дал мне какой-то секретный телефон.

– Это – один из инструкторов ЦК. Он из «наших», позвоните ему, он поможет.

Я тут же с ним созвонился и объяснил суть проблемы. Он выслушал и пригласил к себе.

– Приезжайте ко мне на Ильинку.

Был поздний вечер, около 22:00, я вышел из метро и быстро шел по направлению к Кремлю. Где-то там заседали сотрудники аппарата ЦК КПСС. Так «близко» к Кремлю и его кабинетам, в жизни я еще не подходил. Охрана пропустила, и я поднялся в кабинет этого инструктора ЦК.

Кабинет был большой, весь заваленный газетами и журналами. Инструктор много курил и задумчиво смотрел куда-то вверх. Это был уже немолодой, красивый, с седой шевелюрой и мужественным выражением лица мужчина. Я не помню, как его звали, но в тот момент я чувствовал в нем родственную душу. Если кто-то может мне помочь, думал я, то только он. Это же – ЦК КПСС, что может быть у нас влиятельней и весомей?

Он был уверен в себе, но в задумчивом его взгляде была какая-то отрешенность и безысходность. Я рассказал ему еще раз про свою юридическую проблему, достал все документы про факультет, наш протокол и прочие бумаги.

– Нужно чтобы из Центрального Избиркома просто сделали

звонок в Раменское и дали добро на мое включение, – попросил я.

Инструктор ЦК все выслушал, набрал «вертушку» и попросил секретаря.

– Свяжите меня с главой Центрального Избиркома по выборам депутатов РСФСР.

Его тут же связали, и он сразу изложил Избиркому суть. Он говорил четко, все по делу и в конце добавил: «Это – наш человек».

Я замер в ожидании. Сейчас решалось все. На той стороне трубки что-то говорили и объясняли инструктору ЦК, а он, закрыв глаза, молча слушал. Он слушал объяснения минут пять и также молча положил трубку.

– Они не помогут, – ответил он, повернувшись к окну, и посмотрел куда-то вверх. – Они больше не слушают… инструкторов ЦК. Эти выборы, парень, для тебя закончились, ищи в жизни что-то еще. Мы повлиять на это уже не можем.

P.S.

Мы попрощались, и он задумчиво сказал, глядя в окно.

– Эту страну уже не спасти…

Американский университет (Осень 1990)

Зимой в самом центре Москвы, на Пушкинской площади, открыли первый в СССР американский ресторан – «Макдоналдс».

Я взял сына, и мы поехали посмотреть. Там был невероятный ажиотаж и километровая очередь на вход. Все хотели это увидеть!

Молодые парни и девушки, новые советские работники «Макдоналдса», быстро и красиво работали швабрами, каждую минуту вытирая пол. На улице были снег и грязь, а внутри все блестело. Такого не бывало в наших кафе. Уставшая недовольная тетка-уборщица могла перед уходом с работы вымыть пол, но не обязана была это делать в течение дня. Чистота – это не по-советски. И вообще, покупатели всегда мешали продавцам. Это не официанты работали на клиентов в советских кафе, а наоборот, клиенты приходили что-то выпрашивать у официантов и продавцов. Так было и в кафе «Лира» на Пушкинской, куда мы с другом часто заходили, когда договаривались встретиться в центре. Теперь «Лиру» перестроили в «Макдоналдс», и тут было все иначе!

Удивляли даже не импортные бутылки Кока-колы или необычные мягкие гамбургеры, а именно наши молодые советские девушки и парни, сумевшие устроиться в этот первый «Макдоналдс». Они все время улыбались, помогали друг другу и быстро двигались. Было видно, что они получают от своей работы огромное удовольствие! Мы ходили смотреть на это, как на цирковое или театральное представление, настолько это было необычно.

Очередь в первый «Макдоналдс» в Москве

А еще там была высокая зарплата. Это было как в стройотрядах, но при этом не нужно уезжать куда-то далеко на северную стройку, а можно работать тут, в ярком месте в центре Москвы. Устроиться в «Макдоналдс» – мечта многих молодых людей в тот год.

Нам всем хотелось нового и яркого.

«Макдоналдс» – одно из первых советско-американских совместных предприятий (СП), которые тогда открывались.

Работать в любом таком СП было очень престижно. Там хорошо платили, ты мог набраться реального опыта в английском языке и даже поехать на стажировку в Америку. Но главное, тебя учили работать не по-советски, а как-то по-новому, по-капиталистически. Так мы еще не умели.

А осенью из газет я узнал, что в Москве открывается первый «Американский Университет». Это было что-то вроде годичных курсов про то, как заниматься бизнесом! Слово «бизнес» мы еще не употребляли. У нас говорили что-то про хозрасчет, эффективность, производительность труда, но про «бизнес» – никогда. Это очень манило, и я решил туда пройти.

Чтобы попасть в этот первый «Американский Университет» в Москве, нужно было сдать два экзамена, по математике и языку. Курсы предполагалось вести на английском, а лучших студентов обещали через год отправить на стажировку в США. Экзамены проходили в одном из корпусов МГУ, и интерес был огромный. Когда я приехал на первый экзамен, по математике, то увидел огромную толпу, тысячи молодых людей, а набирали всего 100 человек.

Конкурс составил более 70 человек на место.

Даже при поступлении на Физтех у нас был конкурс человек 5–10 на место, а тут – более 70! Такого ажиотажа я еще никогда в жизни не видел. Все хотели попасть в бизнес.

И нужно сказать, это были не простые ребята и девушки. Туда могли подать документы только те, кто уже окончил институт, и поэтому здесь собрались вчерашние выпускники лучших московских вузов. Я не готовился как-то специально к тому экзамену: с математикой у нас на Физтехе все было хорошо. Экзамен представлял собой набор тестов, где нужно было из трех – пяти ответов выбрать верный – необычно для советской системы, но не трудно. С этим я справился быстро. Сложных математических задач там не было. Чуть задержали вопросы об инфляции и прибыли, тогда эти термины были незнакомы. Но интуитивно все было понятно.

Первый экзамен я сдал успешно. Он был самый сложный, на нем отсеялась основная масса претендентов. К тесту по английскому, ко второму туру, осталось только 300–400 человек, то есть 3-4 человека на место.

Английский язык после Физтеха я знал прилично, мог переводить тексты из научных журналов, газет, но разговорной практики у меня не было. А языковой экзамен был именно по «разговорному» английскому, ведь курсы предполагалось вести вживую, на английском языке.

Тут я не справился, сделал много ошибок и… не прошел.

Для меня это был сильный удар и по самолюбию, и по надеждам, вторая крупная неудача в том тяжелом 1990-м году. Весной случился дурацкий «облом» с выборами, а теперь вот этот.

Вечером, когда я приехал к жене, в общагу, я чуть не расплакался. От разочарования опускались руки…

P.S.

Но по факту, оказалось, что именно эти «неудачи» и дали мне шанс. Уже через год в стране поменяется все и начнется золотое время 90-х. Время, когда нельзя было терять ни дня. Если бы я ушел в политику, то потерял бы два или три года, а тогда время шло год за два. Если бы я уехал в Америку, то тоже проиграл бы.

Именно в России через год и начнется … настоящий бизнес.

Обмен (Январь 1991)

Поздно вечером во вторник в программе «Время» диктор неожиданно объявил о денежной реформе в стране.

Совсем недавно в отставку ушел Рыжков, председатель Совмина СССР. Горбачёв начал терять свою команду, с которой начинал перестройку. Экономика страны разваливалась, а тут еще и в жесткое противоборство с союзным правительством вступил вновь избранный Верховный Совет РСФСР.

Ельцин, избранный его председателем, сразу стал гнуть свою линию. Кто главнее – союзное правительство или законы РСФСР?

Горбачёв и его предсовмина, Рыжков, вроде бы тоже были за реформы и перевод экономики на рыночные рельсы, но напористый Ельцин вывалил на стол план «500 дней».

Горбачёв твердил о перестройке последние пять лет, а тут пришел «свежий» Ельцин и говорит, что все поменяет за считаные… 500 дней.

Трезво оценить реалистичность этих резких планов, конечно, никто не мог. Но Борис Николаевич вовсю стал бравировать этим залихватским названием, раззадоривая оппонентов. Союзное и российское руководство тогда впервые схлестнулись в споре – кто же ведет реформы в стране? Союз или Россия?

И Горбачёв, показывая обществу, что он тоже за «быстрые» реформы, согласился на ельцинский план и поменял Рыжкова на Павлова. А тот, желая быстро запустить хоть что-то, первым своим начинанием объявил… денежную реформу.

Павлов пришел в премьеры из министерства финансов и считал, что разбирается в деньгах хорошо. Он объявил об обмене старых 50- и 100-рублевых купюр (1961 года выпуска) на свежие, нового образца.

Дисбаланс в советской экономике ощущался уже вовсю. В стране пустели прилавки магазинов, очереди стояли за всем подряд. Создавалось ощущение, что на руках населения гораздо больше денег, чем товаров в магазинах. С полок сметали все.

Понять причину происходящего было трудно. Простой человек как получал свои 120 рублей зарплаты, так и получал их. У людей вроде бы не появлялось больше денег, но упорно ходила версия, что «излишки» средств находятся у цеховиков и спекулянтов, которые ворочают миллионами. И якобы в своих «общаках» они держат эти накопления именно в 50- и 100-рублевых купюрах.

Эти «лишние» деньги и смывают товары с прилавков.

Версия была, возможно, и сомнительная, но именно она легла в основу денежной реформы, с которой и начал свое премьерство Валентин Павлов.

При этом нужно успеть обменять старые 50- и 100-рублевые купюры за три дня, до конца рабочей недели. При этом не более 1000 рублей на человека. Обмен более крупных сумм должны были рассматривать специальные комиссии. Телевидение объявило об этом вечером во вторник, у народа оставались среда, четверг и пятница. Предполагалось, что спекулянты и цеховики не успеют или просто побоятся обнародовать свои незаконные многомиллиардные накопления и потеряют их. Это изъятие теневых накоплений должно было, по логике «реформаторов», снять навес «лишних» денег в стране. Сама «реформа», очевидно, задумывалась давно. Такое невозможно подготовить за одну неделю. Она продумывалось, наверное, еще при Рыжкове, но запустить этот трюк взялся Павлов.

Утром в среду я поехал на Рижский рынок, это был тогда главный вещевой и продовольственный рынок в Москве. Считалось, что на нем крутится большинство московских спекулянтов и торгашей.

Там уже царил ажиотаж, все активно обсуждали случившееся, и по площади вовсю стал распространяться слух, что «спекулянты» готовы менять свои теневые заначки на новые деньги в неограниченном количестве. При этом уже сразу назывался курс обмена 1 к 3. А если дело будет завтра, в четверг, то курс будет и 1 к 5, а в пятницу, наверное, 1 к 10.

Я тут же рванул к нам на факультет обсудить обстановку с деканатом и профкомом и предложил план:

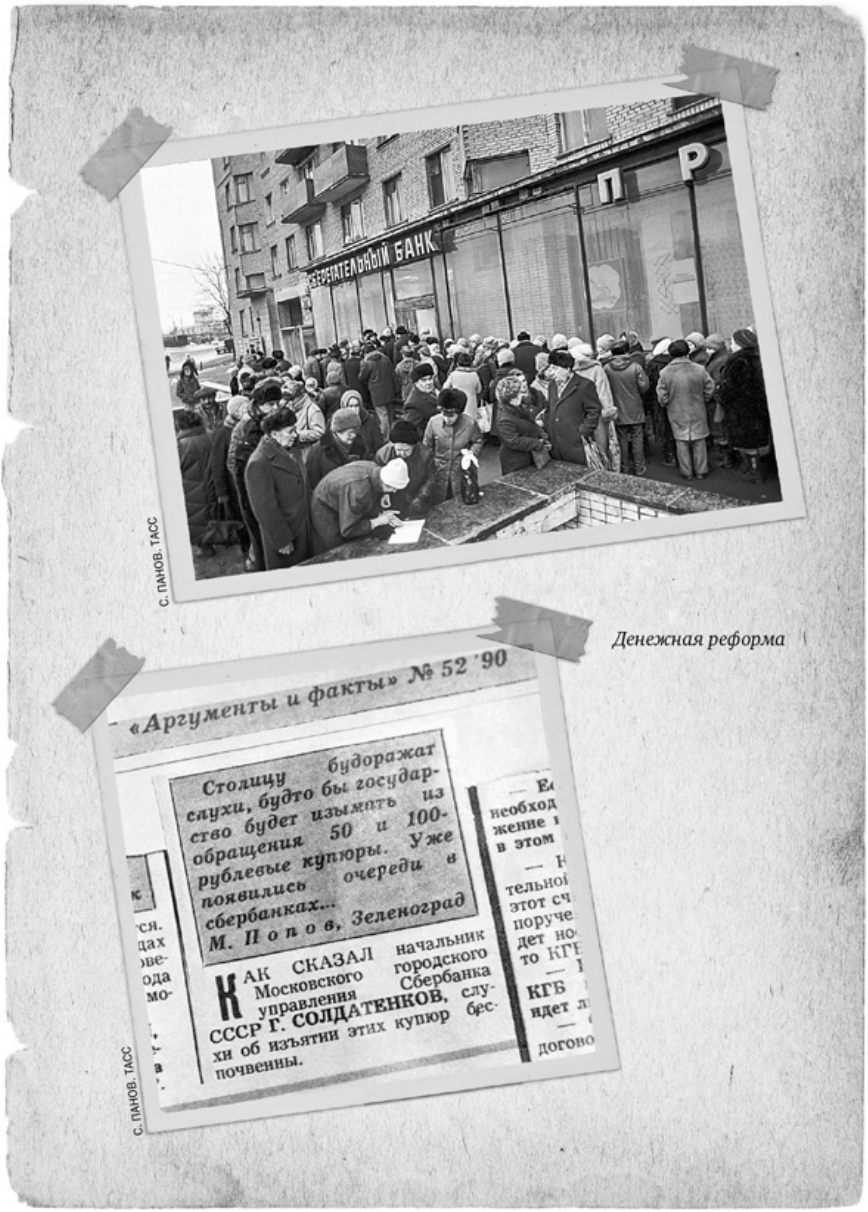
– Давайте соберем такие старые купюры у всех, у кого они есть. Может быть, что-то есть в кассе факультета. Быстро поменяем их в сберкассе на новые. Потом я поеду на Рижский рынок поменять их по курсу 1 к 5 на «старые» и быстро вернусь назад, чтобы успеть поменять их на «новые» до вечера пятницы. Как будем делить доход, решим позже.

Времени долго обсуждать не было, тут играла роль именно скорость. Факультет меня поддержал, и мы стали обходить всех сотрудников, преподавателей и студентов с вопросом:

– Есть ли у вас купюры в 50 и 100 рублей?

И тут выяснилось, что таких почти ни у кого нет. 50 и 100 рублей были тогда очень крупными купюрами. Если стипендия – 50 рублей, то ее редко выдавали одной купюрой, а если и выдавали, то студент ее тут же разменивал. Надо же на что-то жить. Сторублевки тоже появлялись в нашей среде очень редко.

Да и вообще, выяснилось, что на руках у людей, собственно, и нет особых «излишков», а если такая редкая купюра у кого-то оказывалась, то он боялся ввязываться в нашу спекуляцию.


С. ПАНОВ. ТАСС
«Аргументы и факты» № 52 '90
Столицу будоражат слухи, будто бы государство будет изымать из обращения 50 и 100-рублевые купюры. Уже появились очереди в сбербанках...
М. Попов, Зеленоград
КАК СКАЗАЛ начальник Московского городского управления Сбербанка СССР Г. СОЛДАТЕНКОВ, слухи об изъятии этих купюр бесС. ПАНОВ. ТАСС

Денежная реформа

В общем, мне удалось собрать по институту и общежитию всего 200 или 300 рублей для этой «обменной операции», и я помчался с ними к Рижскому вокзалу.

Вся площадь перед рынком бурлила. Огромная возбужденная

толпа в темных пальто и полушубках рыскала по ней в поисках вожделенных «спекулянтов» и «цеховиков», кто хотел бы поменять свои «нетрудовые» старые купюры на новенькие. Народу с новыми купюрами приехало очень много.

Мы толкались несколько часов на морозе, но безрезультатно. Этих мифических «лишних» денег так никто и не дождался на площади у Рижского рынка. «Спекулянты» не вышли на площадь со своими «заначками». Реформа Павлова провалилась.

P.S.

Народ так и не понял, зачем нужно было это затевать, тратить на это время и нервы. Стало видно, что правительство в поиске «быстрых» шагов теряет нить событий, уже не понимает, что происходит в стране. И вообще – они не знают, что делать.

Ситуация в магазинах с того момента стала еще более усугубляться, и через три месяца Кабинет министров СССР вынужденно начал реформу розничных цен. Пришел первый шок – цены взлетели раза в три.

А в оборот, впервые в советской истории, вошли купюры в 200, 500 и 1000 рублей.

Суета и безденежье (Весна 1991)

Мы пытались заниматься тогда всем подряд.

Шабашки у студентов Физтеха были обычным делом: мы клеили обои в московских новостройках и красили металлические пролеты в ангарах аэропорта Домодедово. Шабашки находились случайно, через друзей и знакомых. Для этого не нужно было устраиваться на работу или заключать специальный договор, всегда находился человек, который все организовывал и решал все вопросы. Нужно было просто физически работать.

Но подряды были небольшие, и по сроку, и по заработку. Найти надежную и долгосрочную «золотую жилу» не удавалось.

На большом Физтехе, в Долгопрудном, успешными были шабашки по гидроизоляции швов в панельных домах. Но тут нужно было иметь альпинистское снаряжение и соответствующий навык, а главное – найти сам подряд и договориться о шабашке. На швах ребята зарабатывали очень хорошо, но это была не наша тема. Нужно было искать что-то свое.

Организовав первую сделку через факультетский кооператив по продаже кроссвордов, нам показалось, что мы наконец-то нащупали свою «тему». И дело было даже не в самих кроссвордах, а в том, что мы смогли заработать большие деньги, не занимаясь тяжелыми строительными работами. И мы стали искать другие подобные варианты.

У одного из наших однокурсников был знакомый на юге, там выращивали яблоки. Сравнив их цены с нашими в магазинах Жуковского, мы увидели, что они отличались раза в два, и решили на этом заработать. Скинулись деньгами и заказали один фургон из Краснодара. Через месяц приехал трейлер с яблоками, но местные магазины отказались их покупать. Для них было полной неожиданностью, что кто-то может самостоятельно, без указания сверху, привезти машину яблок. Мы убеждали, уговаривали, но сумели пристроить только часть. В результате даже двукратное превышение розничной цены над краснодарской не покрыло всех расходов. Часть яблок пришла гнилой, расходы на транспорт оказались большими, магазины взяли немного и продали не всё. В конце концов мы едва вышли в ноль, заработать не удалось.

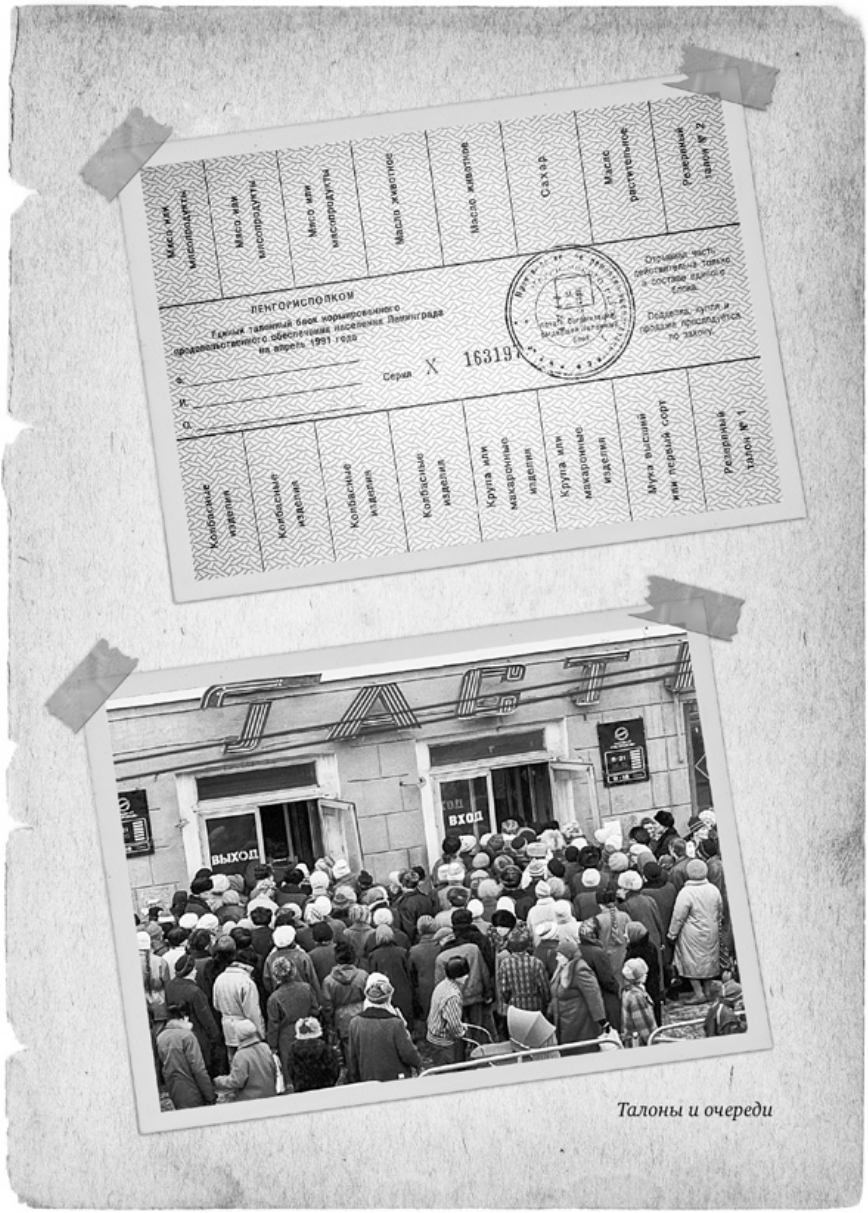
Тогда мы предприняли вторую попытку заработать на «кроссвордах», но сразу же наткнулась на проблемы. Буквально за

полгода Москва насытилась печатной продукцией, и столичный офис «Союзпечати» отказался брать на реализацию наши кроссворды. Пришлось договариваться с областными отделениями «Союзпечати», и мы поехали развозить нашу «макулатуру» в Курск, Смоленск и Рязань.

Москва – огромный город, он проглатывал все, если удавалось пристроить товар в московскую крупную сеть, а вот в регионах было иначе. Тут были не те объемы и не те скорости.

В общем, на второй «кроссвордной» сделке прибыли получить уже не удалось. Мы с трудом растолкали тираж. Пришлось даже договариваться со службами поездов дальнего следования: может, они возьмутся продать наши кроссворды?

Одним словом, «кооперативные» дела буксовали, но мы продолжали искать новые темы.



Талоны и очереди

А может… выращивать и продавать грибы? Например, шампиньоны. Или собирать автомагнитолы для «Жигулей», они тогда были в большом дефиците. А может шить футболки и майки? А может?..

Разных начинаний было много, но все это не приносило денег и отнимало много сил и времени. И при этом я продолжал ходить в ЦАГИ, учиться в аспирантуре и искать тему своей будущей диссертации.

В тот момент мы еще верили в науку. Она казалась нашей основной работой и делом жизни. Хотелось просто найти какую-то параллельную тему, «кооперативную жилу», через которую можно зарабатывать дополнительно на жизнь. Опыт вчерашних стройотрядов, шабашек показывал – это вроде бы возможно и достижимо.

Но в тот год ситуация вокруг стала неожиданно резко меняться и осложняться. Суеты было много, но деньги кончались. Уже не спасали и «кооперативные» доходы.

Повсеместно в стране начали пустеть прилавки магазинов, вводиться карточки, резко обесцениваться зарплаты. Напряжение росло. Впервые в жизни я почувствовал, что денег на жизнь стало не хватать. И при этом где-то в центре начиналось что-то совсем новое, яркое и большое. В газетах замелькали необычные слова… биржи и банки.

Что это такое? Как это работает? Мы ничего в этом не понимали, но возникало четкое ощущение, что там, в Москве, начинается что-то совсем иное.

P.S.

Острая нехватка денег на жизнь и вскипающая активность нового бизнеса в столице говорили: нужно срочно что-то менять в жизни!

Путч
(Август 1991)

Летом я записался в автошколу.

Очевидных перспектив купить машину у меня еще не было. Откуда деньги у аспиранта?

Вообще тот год начался очень тяжело. Советский Союз еще жил. По окраинам, в национальных республиках, шли какие-то стычки, но в Москве с этим было спокойно. Плохо было только в магазинах, полки опустели, не хватало почти всего. Карточки с весны стали уже нормой, по ним покупали даже колбасу. Но все равно как-то удавалось найти самое необходимое. В ходу была старая советская пословица: «Социализм – это когда в магазинах пусто, а в холодильнике полно». Действительно, большой катастрофы не было, но дефицит товаров и очереди в магазинах достигли тогда пика.

Был понедельник. Мы только расселись в учебном классе автошколы на утреннем занятии, когда вдруг объявили… о создании «Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению».

Радио сообщило, что Горбачёв болен и исполнять обязанности президента СССР теперь будет Геннадий Янаев.

Из этого первого сообщения трудно было понять, что, собственно, произошло? Что случилось с Горбачёвым? Что это за Комитет? Но сразу стало ясно, что в стране наступает что-то новое!

Все это свалилось на нас как снег на голову. Да, в магазинах были пустые полки. Да, чувствовалась неразбериха в стране, но катастрофы никто не ждал. В воздухе не было ощущения надвигающейся бури. Политические распри между Горбачёвым и Ельциным уже никого не удивляли. Все привыкли и к яростным дебатам в Парламентах СССР и РСФСР. Возможно, там, наверху, что-то и ощущалось, но внизу, среди обычных людей, ничего такого не чувствовалось.

Переворот был абсолютно неожиданным.

В первый момент я принял эту новость с радостью, даже с каким-то внутренним ликованием. Наконец-то!

В своих убеждениях я уже окончательно перешел от демократически-либеральных к консервативным. Это был непростой внутренний перелом, вокруг меня все были «демократами». Общество тогда быстро наполнялось «демократическими» идеями и лозунгами. Но, вчитываясь в

исторические параллели драматического 1917 года, я, как мне казалось, постиг что-то более важное и глубинное, чем просто увлечение «демократией».

Нельзя быстро и с наскоку менять огромную страну, ее тяжелый государственный механизм.

Яркие лозунги – красивы для митингов и выступлений, но жизнь страны, ее экономическое устройство не меняются на митингах. Это – сложный и длительный процесс. Наоборот, увлекшись митингами, мы легко можем разрушить старые налаженные связи и быстро скатимся в кризис, анархию и войну. Благие порывы могут завести страну в пропасть.

И факты тех дней уже ярко подтверждали эти опасения. Всякие новые «демократические» перемены на окраинах страны приводили совсем не к расцвету республик, а к стычкам и крови. А налаживание «демократических» принципов и методов «хозрасчета» на предприятиях почему-то не вело к росту производства, наоборот, заводы останавливались, полки магазинов пустели.

Тем не менее это не останавливало наших «младореформаторов» в их стремлении к скорым реформам, а в возникающих проблемах они винили старый партийно-хозяйственный аппарат.

– Это они, «красные директора», сопротивляются переменам, это их саботаж приводит к проблемам в стране. Не беспорядочный вал демократических реформ разваливает страну, а тихий саботаж старой системы тормозит реформы, – убеждали демократы.

В общем, проблемы в стране росли, но ряды сторонников демократии лишь увеличивались. Я был одинок в своих взглядах, по крайней мере в своем близком круге. Среди моих друзей и знакомых все были за «демократов».

И вот свершилось! Там, наверху, кто-то наконец понял, что пора поставить заслон этому валу беспорядочных реформ. Пора «ударить кулаком по столу», приструнить «демократизаторов» и остановить развал страны.

Нужно срочно все бросать и ехать в Москву, – первое, что пришло в голову.

Сейчас там, в центре, будет твориться история! Я должен быть там и своими глазами увидеть, как это будет!

В электричке по дороге в Москву я лихорадочно думал о выборе пути. Чем заниматься? Что делать? Этот день должен будет обязательно как-то определить будущее.

Тогда я еще выбирал между политикой и бизнесом. Политика была вроде бы ближе, казалась более легким и доступным делом.

Но появилась внутренняя дилемма. «Консервативная» платформа, на которую я тогда уже четко встал, по своей сути предполагала возрастной ценз.

«Консервативную» политику не делают молодые, а мне только 25.

Тот же Солженицын в своей программной книге «Как нам обустроить Россию» рисовал желаемую политическую систему страны как сложную иерархическую лестницу. Он был против прямых, свободных, альтернативных и всеобщих выборов депутатов. На таких выборах побеждают не опытом и заслугами, а глоткой и криком. Там скорее побеждают популисты и пустозвоны, чем реальные люди, заслужившие право на власть.

Он видел шаги к власти для политика как поступательное движение по лестнице вверх. Чтобы подняться выше, нужно пройти через сито времени. Сначала пройти выборы в низовых округах-уездах. Потом представители от уездов уже выбирают из своих выборщиков депутатов на более верхнюю ступень, в области-губернии. И только оттуда, после многих лет реальной работы, наиболее сильных и профессиональных людей, можно будет выдвигать на самый верх. Такая иерархия выборов создаст устойчивую пирамиду власти, связанную на местах с реальными потребностями людей и выдвигающую наверх действительно лучших кандидатов. Этот взгляд на политику и политиков казался мне тогда самым верным и честным, но он же и означал, что путь будет длинный.

Пересев из электрички в метро, я понял, что все едут на Манежную площадь. Центральный телеканалы были заблокированы новым «чрезвычайным Комитетом», но все равно люди как-то узнавали и передавали из уст в уста призыв:

– Все на Манежную!

В 12:00, когда я туда доехал, огромная площадь была уже наполовину заполнена. Метро продолжало работать как часы, и люди все прибывали и прибывали. Перед гостиницей «Москва» была устроена импровизированная сцена с трибуной, на которую один за одним выходили депутаты, журналисты и просто инициативные ораторы. Все выступающие были едины:

– Произошедшее – переворот и коммунистический реванш! Нужно это остановить, дать отпор! – кричали в рупор ораторы.

С каждым новым выступающим тональность призывов была все резче и резче.

У кремлевской стены по приказу ГКЧП были выставлены БТР и танки, они стояли в линию, вдоль всей Манежной площади. Их плотной толпой окружили митингующие, которые осаждали солдат вопросами:

– Зачем вы приехали на БТРах в центр Москвы?

Но солдаты стойко молчали и лишь пожимали плечами. Они сами не знали, зачем они тут:

– Приказали, вот и стоим.

Митингующие еще какое-то время кричали на танкистов, махали перед ними новыми российскими триколорами, но всем уже стало понятно, что солдаты скорее охраняют самих себя, чем на кого-то нападают. У них нет определенного приказа, они просто сидят на своих танках и ждут.

А митинг на трибуне все распалялся, транслировались какие-то свежие новости радиостанций о здоровье Горбачёва в Форосе, Ельцине и Верховном Совете. Уже через час вся Манежная площадь была заполнена людьми, и это огромное море ждало указаний своих «вождей».

Где-то около 13:00 раздался призыв:

– Все на защиту Белого дома, там Ельцин и Верховный Совет России!

И человеческий поток, кто на метро, кто пешком, двинулся на Красную Пресню. Ближе к Белому дому уже чувствовалась совсем другая, более тревожная, боевая атмосфера. Тут начали строить баррикады.

Было в этом что-то поистине историческое, когда рядом с метро «Баррикадная» снова стали возводиться баррикады из всего, что попадалось под руки. По своим убеждениям я был однозначно против этой уличной анархии, демонстрантов и митингующих.

Я был в душе за путч. Но как ему помочь, этому перевороту, когда кругом огромное людское море возбужденных, восторженных людей? И при этом не было ни одной группы или хотя бы одиночного пикета, кто поддерживал бы этот «Чрезвычайный Комитет». Да и сам этот «Комитет» никак не проявлял себя на улицах Москвы. Танки и БТР выглядели сурово, но они просто стояли, а солдаты, их сопровождавшие, лишь озадаченно пожимали плечами.

Вся инициатива была полностью на стороне улицы и «демократических» сил.

Я ходил в тот день среди воздвигающихся баррикад одиноким наблюдателем и просто смотрел на это как на историческое действо, которое разворачивается у меня перед глазами. Смотрел на людей – чистых, светлых и смешных одновременно.

В память врезались два человека – как типичные образчики

настоящих «защитников» Белого дома.

Посреди переулка около американского посольства стоял случайный автобус, кажется ПАЗик. И толпа решила его перевернуть, сделав из него основу очередной баррикады. Пятеро или шестеро мужчин стали его раскачивать, но автобус все не переворачивался, и люди стали подходить на подмогу. Рядом шел мужчина с дипломатом.

По-видимому, события застали его врасплох: не успев оставить чемодан дома, он пришел сюда помочь «революции»! А тут… переворачивают автобус. Это очень важно – перевернуть автобус!

В этой картинке была вся суть этой странной «революции»: в одной руке он продолжал держать свой старый советский дипломат, а другой толкал автобус! Толку от такой помощи, было, конечно, мало, но… он участвовал в революции!

Еще я запомнил женщину преклонных лет, бодрую пенсионерку. Она стояла где-то рядом с Белым домом и гордо держала табличку – «Туалет тут». Около 15:00 у здания Верховного Совета России собралась огромная толпа и какие-то руководители дали ей важное «партийное» задание – держать указатель, как пройти в туалет. На ее лице была сосредоточенность и важность исторического момента.

Она тоже нашла себя в «революции»!

Эти люди искренне верили, что пришли защищать свободу, демократию и Россию.

Находясь тут, среди этих восторженных и возбужденных людей, я видел, что их не переубедить. Простых приказов сверху от «Чрезвычайного Комитета» и обращений по телевизору будет уже недостаточно. А вскоре из здания парламента вышел Борис Ельцин. Он залез на башню стоящего рядом танка и стал читать свое обращение «К гражданам России». Когда Борис Николаевич дошел до середины, какой-то телеоператор сказал, что получается плохой ракурс.

Ельцин повернулся к оператору и стал читать обращение заново.

Все это напоминало скорее театр, чем реальный путч. Танки, БТРы, БМП стояли смирно и ничего не делали. Беспомощность и бесполезность армии лишь подстегивала всеобщий азарт, и стало понятно, что переворот провалился. Еще утром казалось, что решительные смелые люди в новом «комитете» начнут что-то серьезное.

У них было в руках все: власть, огромная мощь страны, армия, танки, солдаты, но у них не было поддержки внизу: улица была против.

И они проиграли…

P.S.

В этот день проиграли не только они. С политического олимпа сошел и Горбачёв, полностью уступив лидерство Ельцину, которого теперь было не остановить.

Поздно вечером я поехал в Коломну к жене и сыну, обескураженный и обновленный одновременно. Обескураженный от беспомощности людей, в которых утром поверил, и их идей, которые разделял. Но одновременно ушла раздвоенность, и стало яснее, что делать дальше. До этого дня я еще выбирал, чем заниматься в жизни – политикой или бизнесом?

Теперь все стало понятно и однозначно: политика для меня кончилась.

Банк. Начало (Осень 1991)

По старым стройотрядовским связям Андрей договорился, что нам временно дадут пустой кабинет в здании горкома комсомола на Колпачном. Там мы и собрались, четыре друга-однокурсника. Я, Андрей, Игорь и Леха.

Главное – в том кабинете было то, что там стоял телефон и по нему можно было звонить свободно и куда угодно.

Если есть телефон – значит, нужно куда-то звонить и что-то предлагать. Главный вопрос был: что предлагать? Торговать компьютерами или факсами, начинать организовывать новую биржу или что-то в том же духе?

Но мы быстро поняли, что это никому не нужно – уже было много и бирж и контор по торговле факсами.

И вот в какой-то момент пришла мысль…

А может – банк?

И тут Игорь сказал, что у Юли, его жены, есть тетка из Вышнего Волочка и что она вроде бы работает в каком-то банке. Может, им что-то нужно в Москве? Игорь позвонил своей родственнице, и та ему ответила: да, их старый советский Жилсоцбанк акционируется – и будет теперь называться Тверьуниверсалбанк. Она пообещала поговорить с руководителями банка о том, не хотят ли они открыть московский филиал.

Через некоторое время она перезвонила и сказала: «Им это интересно! Козырева (она была президентом банка) как раз задумалась о том, чтобы открыть в Москве филиал».

Мы тут же договорились, что Козырева приедет к нам в Москву познакомиться.

Поняв, что к этому есть интерес, мы стали искать телефоны других региональных банков и всех спрашивать:

– А не хотите ли вы открыть московский филиал?

И – о чудо! – практически везде нам говорили:

– Да.

Банки активно развивались, и все хотели открыть филиал в Москве! Таким образом, за неделю мы получили минимум три или четыре твердых предложения встретиться. Мы договорились, что к кому-то приедем сами, кто-то согласился добраться до нас в Москве.

И тут комната в здании горкома комсомола оказалась нам очень важна для презентации себя как команды. Вот, смотрите,

какие мы крутые, со связями в центре Москвы!

Уже на следующей неделе к нам на черном иностранном автомобиле приехала красивая высокая моложавая женщина, блондинка лет 40–45, Александра Михайловна Козырева. Она нам сразу понравилась. Мы заранее договорились с секретарем горкома, чтобы он временно пустил нас в свой большой кабинет – там мы с ней и встретились. Сказали мы примерно следующее:

– Мы сами из Физтеха, активные комсомольцы, входим в руководство областного штаба строительных отрядов, всех тут в Москве знаем и все можем решать, хоть и молодые. – Мы предлагаем организовать в Москве какой-нибудь бизнес для региональных банков.

Пообщавшись и познакомившись с Александрой Михайловной, мы договорились, что через два дня сами приедем в Тверь с «Программой» развития банка и создания филиала.

Надо сказать, что в тот момент мы вообще не знали, что такое банк, – и потому вся эта затея еще казалась нам сомнительной и толком мы в нее не верили. Но между собой мы договорились, что я попытаюсь набросать программу, как развивать банк, с которой мы и поедем в Тверь.

На подготовку этого документа было меньше двух дней, а мы ничего не смыслили в банках и финансах. Поэтому я стал искать книги, ездить по книжным магазинам.

И тут я понял, что там нет вообще ничего по финансовой теме. В СССР банки никому не были интересны, и потому в магазинах книг о них не было вообще.

Так в поисках хоть какой-то информации прошел день.

Оставался всего один, последний день. Пришла мысль поискать в библиотеках. Я отправился в одну, в другую, и везде мне говорили:

– Об этом книг нет.

– Может быть, вы что-то найдете на Неглинной, в Госбанке СССР, – посоветовали мне в одной из библиотек, – если только вас туда пустят.

Было шесть вечера, когда я постучался в дверь с табличкой «Библиотека Госбанка СССР» и спросил:

– А могу ли я почитать что-нибудь о банках?

Там удивились, но впустили меня, подвели к двум огромным полкам с толстыми книгами на тему «Банковское дело» и сказали, что у меня есть всего два часа до закрытия.

Это было как в ночь перед экзаменом по урматам. Я погрузился в иной мир абсолютно новых для меня терминов: «дебет», «кредит», «депозит», «акции», «аккредитивы», «облигации», «процентные ставки», «чеки» и прочее и прочее.

Видя, что я погряз в книгах и лихорадочно строчу, исписывая лист за листом, библиотекарша из Госбанка смилостивилась и просидела со мной лишних два часа.

В то время в той библиотеке я был один, вообще один.

Никому эта литература была не нужна – и потому, наверное, та женщина так удивленно и с жалостью смотрела на меня. Часов в десять вечера я вышел из библиотеки и поехал на метро, а затем на электричке назад в Жуковский, в общагу, откуда рано утром мы вчетвером с друзьями-однокурсниками должны были отправиться к Козыревой с программой.

Утром мы поехали в Тверь, по дороге обсуждая новые для нас банковские термины, пытаясь разъяснить друг другу их суть. Мы читали нашу «Программу», что-то обсуждали и смеялись. Мы были одновременно и уверены в себе, и сомневались в этой авантюре.

К обеду мы приехали в Тверь и зашли в большое старое здание советского Жилсоцбанка, на котором висела свежая табличка: «Тверьуниверсалбанк». Козырева встретила нас в своем большом кабинете, внимательно прочитала нашу бумажку, затем стала задавать вопросы, а мы отвечали, кто что мог.

В конце встречи она спросила:

– Если мы договоримся, кто у вас будет главным?

Все повернулись в мою сторону.

Надо сказать, что мы это заранее специально не обсуждали.

– Ну, тогда так и решим, – сказала Козырева. – Сергей Анатольевич, я назначаю вас директором московского филиала Тверьуниверсалбанка, начинайте формировать команду!

И мы, довольные и счастливые, вышли от нее. Походили по зданию, познакомились с кем-то еще из руководства и поехали назад в Москву.

P.S.

Когда мы ушли из кабинета Козыревой, она вызвала своего первого зама, вручила ей написанный мною листок, «Программу», и сказала:

– Разошлите по всем нашим филиалам и отделениям. Вот так мы будем теперь развивать наш банк!

НИИ ЦАГИ (Осень 1991)

Система высшего образования в московском Физтехе предусматривала, что на последних курсах института мы уже активно вели научную работу в одном из профильных отраслевых НИИ. Это позволяло после окончания института сразу влиться в науку, готовить кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию. Я был распределен в ЦАГИ.

В кабинете, где мне дали стол и стул, сидели пятеро человек. В дальнем углу располагался стол моего научного руководителя, начальника отдела, ему было тогда около 40. В другом углу располагался замначальника отдела, молодой кандидат наук, ему было 32.

По бокам от стола начальника стояли столы двух сотрудниц, женщин непонятного возраста, думаю, между 35 и 45. В их задачу входило собирать в папки какие-то бумаги, которые давал им начальник отдела, а также чертить графики на основе данных, которые мы периодически получали от экспериментов в аэродинамической трубе. Эксперименты тогда уже проходили редко, и потому реальной работы и загрузки у женщин не было. Постепенно я стал понимать, что одна из основных задач мужской части нашего отдела заключалась в том, чтобы загрузить работой двух наших женщин. Основной же задачей этих сотрудниц было… заваривать чай.

Это была отдельная и очень важная процедура. Состояла она из следующих этапов. Освободить стол или хотя бы угол стола от бумаг и чертежей. Положить на него деревянную доску. Поставить на доску чайник, предварительно наполнив его водой. Засунуть в него кипятильник, опустить крышку. Поднять крышку, когда закипит вода, вынуть кипятильник, снова опустить крышку. На отдельную доску поставить фарфоровый чайничек, насыпать туда индийский чай «со слоном», залить кипяток, закрыть чайничек. Обернуть чайничек полотенцем и через 5 минут предложить всем… чайную паузу! Такая процедура непременно проделывалась два раз в день – утром и ближе к вечеру, не считая обеденного перерыва.

Я просидел в том кабинете около года – последние шесть месяцев выпускного курса института, когда я готовил дипломную работу по аэродинамике вихревых потоков у носовой части истребителя на больших углах атаки, и первые шесть месяцев аспирантуры, когда я должен был начинать работу над

кандидатской. Еще не окончив институт, я увидел, что дела в ЦАГИ идут тухло. Реальной исследовательской работы уже почти не было, больших научных задач тоже. Все пытались придумать себе какое-то занятие, но как-то очень отвлеченно, без прорывов.

В основном все отделы, и наш в том числе, занимались компьютеризацией. Сначала стояла задача получить компьютер для начальника отдела, затем – для сотрудников-мужчин. Потом в институт завезли «мышки», и все стали выбивать себе их. Вскоре появился большой общий компьютерный зал, и я стал пропадать там целыми днями и иногда оставался на ночь, готовя дипломную работу.

В наш общий кабинет приходить не хотелось, там царила скука и какая-то полная бесперспективность. Начальнику отдела – 40, его заместителю – 32, мне – 25. «Я что, семь лет так и буду тут сидеть до должности замначальника отдела? – думал я. – И 15 лет до начальника отдела? И все это между чайными паузами?!» Обо всех наших студенческих шабашках и проектах я никому в отделе не рассказывал. Будучи студентом, а потом аспирантом, я имел свободный график и потому не спрашивал у начальника, можно ли мне уйти и когда прийти в следующий раз. Но я был человеком дисциплинированным и ответственным и потому успевал и побывать в том кабинете, и посидеть в общем компьютерном зале института. Успевал я заниматься и «коммерцией», и комсомольской работой на факультете, и семейной жизнью, нашему первому сыну тогда было уже около трех лет.

И вот как-то осенью 1991 года – посреди рабочего дня, как раз перед очередной чайной паузой, – я зашел в наш кабинет отделения механики летательных аппаратов ЦАГИ с тортом. Поздоровался со всеми и сказал, что пришел попрощаться:

– Я решил уйти из науки в бизнес!

Наши тетушки замерли, точнее, замер весь отдел. Думаю, у всех тогда были смешанные чувства.

Начальник вздохнул с облегчением, потому что я снял с него груз ответственности – искать мне тему кандидатской, когда он сам все никак не мог придумать тему для своей докторской. Его молодой заместитель, наверное, тоже вздохнул с облегчением, поскольку в моем лице ушел молодой и прыткий, который мог бы еще его и подсидеть. Дама помоложе в первый момент меня пожалела.

– Как же ты теперь без работы? У тебя же ребенок! – сказала она.

У нее самой был сын лет пяти, и она боялась, что ее муж может потерять работу. И только вторая дама, та что постарше,

смотрела на меня с восторгом и восхищением. «Так и надо, – говорил мне ее взгляд. – Это настоящий мужской поступок».

– А куда ты идешь? – спросили меня коллеги, когда мы уже почти допили чай и съели почти весь торт.

– Мы открываем филиал банка, – сказал я. – И я буду директором.

Все так и замерли с недоеденными кусками торта во рту!

– Банка? Какого? – стали они наперебой расспрашивать меня.

– Коммерческого, – гордо ответил я.

Потом, конечно, все долго смеялись. Они и радовались за меня, и ничего не могли понять. Что такое вообще банк? Что я мог знать об этом, когда я тут месяц за месяцем вроде бы сидел рядом с ними? Сами-то они ничего о банках не знали. В общем, вопросов тогда было больше, чем ответов – и у них, и у меня. Ведь все только начиналось.

Когда я уже выходил из кабинета, кто-то меня спросил: «А какая у тебя там будет зарплата?»

Я, чуть смущаясь, ответил: «Одна тысяча рублей».

И это был второй шок для них, так как 1000 рублей в тот момент, кажется, составляла зарплату всего нашего отдела, включая начальника.

Мы попрощались, и я ушел.

Я не стал их совсем травмировать: на самом деле мне дали тогда зарплату в 2000 рублей!

P.S.

Через два года, когда советская наука совсем разваливалась, когда во всех советских НИИ перестали выплачивать зарплаты и начались повальные увольнения, почти весь свой отдел я принял к нам на работу в банк. Одна из тех сотрудниц пришла к нам в бухгалтерию, другая стала операционисткой в филиале в Жуковском.

А своего начальника я устроил управляющим в одном из наших московских отделений.

И только тот молодой зам, кажется, так и остался в науке.

Первый кредит (Декабрь 1991)

Мы начали работу банка с самых простых операций, а именно: пошли по близлежащим магазинам с предложением, чтобы они открывали у нас счета, а мы бы помогали с инкассацией и прочим.

И тут же от этих магазинов стали поступать вопросы, выдаем ли мы кредиты.

– Конечно, – отвечали мы, хотя у нас тогда денег еще не было, банк только открылся.

Поэтому мы попросили тверской офис перевести на наш московский корреспондентский счет хоть какие-то деньги.

Так все постепенно и началось.

Мы объезжали соседние конторы и магазины, они открывали у нас счета и переводили нам деньги. Кроме этого, что-то нам переслала и головная контора из Твери. Я впервые получил выписку из РКЦ ЦБ (расчетно-кассового центра Центрального Банка), что у нас там есть деньги.

Деньги вначале были небольшие для банковского дела, но уже и не малые для нас, вчерашних студентов – какие-то миллионы. Впрочем, тогда мы воспринимали их просто как цифры на бумажке. Сначала деньги приходили к нам, затем стали уходить, когда первые клиенты стали приносить свои поручения на переводы.

Жизнь потихоньку закрутилась. Я каждый день следил за выпиской из РКЦ и видел, как двигаются деньги туда-сюда. Сколько-то приходило к нам и сколько-то уходило от нас. Мы начинали обучаться бухгалтерии, вести баланс, учет операций, приходы-уходы, дебеты-кредиты, номера балансовых счетов, выписки из РКЦ, отчеты в головную контору в Тверь…

В общем, мы погрузились в бумаги. На этих бумагах и бумажках были какие-то числа с нулями, и мы понимали, что все эти цифры означают деньги. Но самих денег мы еще не видели, не держали их в руках и, честно говоря, в первое время с трудом сознавали, что все эти циферки – суть реальные деньги.

К концу первого месяца нашей работы в выписках счет уже стал многомиллионным, а самих денег мы еще не видели. И все это объяснялось тем, что мы к тому времени просто не успели открыть свой кассовый узел!

Центральный Банк по Москве дал Тверьуниверсалбанку разрешение на открытие московского филиала и утвердил меня

на должность директора, но работать с наличными разрешил только после запуска кассового узла. Строительство затянулось, и мы все никак не могли сдать этот узел, чтобы его принял ЦБ. Где-то через месяц мы его таки достроили, и касса наконец-то открылась!

Как раз к этому времени у нас появился клиент, с которым мы стали договариваться о первом кредите!

Это был Дима Зайцев или Зойша, как мы его звали между собой, – наш же физтех-однокашник с ФАЛТа. Мы все тогда еще жили в общаге и активно между собой обменивались информацией, кто и чем занимается. Дима с друзьями вот уже полгода как занимался торговлей металлом.

Я не раз с завистью слышал про них в общаге и про их торговые успехи. Истории про баснословно прибыльные сделки, когда кто-то покупал вагон алюминия в одном месте и продавал этот вагон в другом, будоражили наше сознание!

Узнав, что мы занялись «банковским делом», Зойша пришел к нам с предложением взять у нас кредит. Именно так: он возьмет, а не мы дадим.

Это он, крутой трейдер с полугодовым стажем прибыльных сделок пришел тогда к нам, юнцам-банкирам, чтобы научить, как нужно зарабатывать! При этом банкиров он тогда не знал, а если с кем и общался из банковского персонала, то только с пожилыми операционистками за стеклом сберкассы. И потому он сам не очень-то осознавал, что такое взять кредит.

Мы тоже тогда это с трудом понимали. Например, мы даже не подумали спросить о каком-нибудь залоге. Ну правда, откуда мог быть у Димы-Зойшы залог? Он, как и мы, жил в общаге, все, чем он располагал, – это стул и железная кровать, да и та казенная, так откуда у него мог взяться залог?

Так что мы его ни о чем таком даже не спрашивали.

Главное, что было у Зойши, – это сделка! Он пришел со сделкой!

Я уже не помню точно, в чем заключалась ее суть, но примерно это было так: он договорился с работниками какой-то железнодорожной станции под Москвой, что ему отцепят три вагона алюминия и продадут по заниженной цене.

И при этом он договорился с каким-то заводом в Сибири, что там купят у него эти три вагона по значительно более высокой цене – прибыль ожидалась то ли 30, то ли 40 %.

Основная проблема сделки – и, соответственно, основная задача, – заключалась в том, что расплатиться здесь, под Москвой, за алюминий он должен был наличными! Из-за этого и цена оказалась такой низкой. Те вагоны ему предлагали купить за

10 миллионов рублей наличными.

И вот Зойша пришел к нам и спросил, можем ли мы дать ему кредит в 10 миллионов и именно наличными? Вопрос его звучал примерно так:

– Ну что, слабо, банкиры?

Мы даже не стали разбираться, реальна ли сама сделка.

Мы принялись изучать инструкции ЦБ про кредиты. Нас интересовало, как выдать кредит компании или кооперативу, да еще так, чтобы деньги можно было снять наличными.

Тогда мы действительно не понимали, можно или нет.

Раньше, в Советском Союзе, все слышали про какие-то миллиарды на строительство того, на строительство сего, но все расчеты между предприятиями шли безналом. Наличных предоставлялось ровно столько, сколько нужно было для выдачи зарплат, и ни копейки больше. Советские миллиарды были для всех нас тогда абстракцией. Их никто не видел. Каждый видел только те 100 рублей, которые получал раз в месяц. Поэтому вопрос о том, можем ли мы дать Зойше 10 миллионов рублей кредита наличными, был для нас всех сверхнетривиальным.

Но, вчитавшись в инструкцию тогдашнего ЦБ, мы вдруг поняли: да, можем! Мы решили попробовать!

Мы подписали кредитный договор с Димой, перевели на счет его кооператива 10 миллионов безналичных рублей и взяли его заявление на снятие наличных, чтобы отвезти в РКЦ.

В тот день мы не знали, чем все это закончится. На нашем корсчете в РКЦ в тот день лежало около 20 миллионов безналичных рублей. Утром мы послали в РКЦ нашего кассира с заявлением: он должен был снять наличными 10 миллионов рублей, чтобы выдать их клиенту. Диму мы попросили приехать ближе к вечеру, так как не знали, получится у нас или нет.

Днем мне перезвонил кассир и сказал, что деньги нам в РКЦ выдали, они их везут.

Вечером приехал Зойша, и мы все собрались в нашей большой переговорной комнате, чтобы еще раз обсудить кредит, сделку и выдать ему эти деньги. Мы сидели, разговаривали, шутили о чем-то, смеялись, а потом попросили кассира принести-таки деньги, чтоб отдать их Зойше.

И вот кассирша начала пачками заносить в переговорную комнату 10 миллионов рублей.

Пачек было много, очень много.

Мы все сидели вокруг стола, а стол заполнялся и заполнялся этими пачками свеженапечатанных денег. Когда принесли все – мы замерли.

Груда денег завораживала, это была какая-то магическая

картина. Мы никогда еще в жизни не видели столько денег!

И они лежали вот так просто на столе перед нами. Их можно было взять, пощупать, потрогать. В этот момент их можно было даже положить в карман.

В переговорной комнате никого не было, кроме нас четверых и Зойшы.

Все мы этим утром на электричке приехали из нашей облупленной физтеховской общаги. А сейчас сидим тут впятером, и перед нами эта куча денег!

– Это круто, мужики! – произнес Зойша, все еще завороженно смотря на груду денег.

Так же, чуть очумело, взирали на них и мы.

– Работать с налом – это круто, это круто, – запинаясь, стал говорить Дима.

В тот момент наши роли поменялись. Он стал обычным трейдером металла, который перегоняет куда-то вагоны с алюминием, а мы стали настоящими банкирами. Все почувствовали, что мы – уже круче. Мы могли вот так положить на стол 10 миллионов рублей налом, а он нет.

СССР (Декабрь 1991)

Распад СССР произошел абсолютно незаметно. Разговоры о новом «союзном договоре» шли с трибун Съезда народных депутатов уже давно, о нем постоянно говорил Горбачёв, и к этим разговорам все привыкли, как к рутине. Ну был «старый» договор, теперь будет «новый». Какая разница? Нам, гражданам великого Советского Союза, это было безразлично. Никто даже не мог подумать, что собравшиеся в Беловежской пуще Ельцин, Кравчук и Шушкевич могут отменить СССР.

Как это может быть? Как можно, например, отменить день или ночь? Они собираются и подписывают какие-то договоры просто так, для игры. Мало ли, по какому поводу встречаются руководители регионов. Всерьез эти встречи не воспринимал никто. Ни общесоюзное, ни общероссийское телевидение их тоже громко не освещали, все было буднично.

За полгода до Беловежского соглашения Горбачёв провел декларативный референдум «О сохранении СССР». Вопрос «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик?» казался глупым и диким. А как иначе? Народ, естественно, ответил «за» подавляющим большинством (78 %). Но сам референдум и постановка вопроса не воспринимались нами серьезно, а напоминали старые советские лозунги в духе «Мы за мир во всем мире!».

И вот Горбачёв провел полгода назад свой «глупый» референдум, а теперь Ельцин отвечает ему таким же глупым «договором» в Беловежье. Наверное, вскоре Горбачёв как-то ответит, и подпишут новый договор и т. д. и т. п. Мы уже привыкли к их, Горбачёва и Ельцина, спорам и «драчкам». Единственное, что в тот момент вдруг резануло слух: названия «СССР» больше нет! Так объявили по телевидению. Телеведущие, сообщая эту новость, ухмылялись и удивленно пожимали плечами, сообщая, что пока временно придумано название… «СНГ»! Это молнией пронзило сознание. «Бред какой-то, – первое, что приходило в голову, – Как это, нет "СССР"?..»

Обсуждение нового названия Союза тут же началось на телевидении и в газетах. В основном все пытались придумать новое содержание для старого любимого сочетания «СССР». Нужно только заменить слово «Социалистических». В тот момент уже считалось, что мы строим, скорее, капитализм. Под сомнение

ставили и слово «Советских», тут тоже начались вопросы. Но, даже убрав эти два явно идеологизированных термина, можно было найти новую сущность для привычной аббревиатуры. На ум приходило «Содружество Свободных Суверенных Республик» или «Союз Суверенных Самостоятельных Республик» или что-то в этом роде.

В те дни казалось, что странное и нелепое слово из трех букв – «СНГ» – это временный симулякр. Завтра наверху придумают что-то новое, договорятся и подпишут уже какой-то окончательный договор, где все останется по-прежнему, как и было – СССР. Так понимали ситуацию внизу. Понимали ли ее также наверху? Думаю, да. Эти игры в «Беловежские соглашения» там считали, скорее, кабинетными забавами, шахматной партией. Сегодня один съел пешку соперника, а завтра противник съест твою. И игра продолжится.

Но нет ничего более постоянного, чем временное. И оказалось, что СССР умер внезапно. Все произошло неожиданно для всех: и для играющих, и для зрителей. Год назад я окончил Физтех. В моем паспорте гражданина СССР стоял штамп о временной прописке в общежитии в Жуковском. Прописка была именно «временной», и она скоро заканчивалась, так как предстояло покинуть общагу. И потому нужно было получить какую-то новую прописку, временную или постоянную.

По старым советским правилам именно прописка определяла все, а в данном случае, к какой стране тебя отнесут. Я был женат, жена была из Подмосковья, и, прописавшись после института у тещи, я стал гражданином России. Но, если бы я не был женат и не смог бы быстро найти работу, то пришлось бы хоть на время вернуться в Горловку, на Украину, и тогда я стал бы гражданином Украины. Полное понимание смысла произошедшего пришло именно в этот момент!

Вдруг оказалось, что мы все поделились и разделились. Неожиданно я вдруг стал гражданином России, а мои родители, жившие тогда в Горловке, гражданами Украины. Это все еще не казалось серьезным, но у них вдруг появился жовто-блакитный паспорт. Родных это шокировало. Российский паспорт выглядел однозначно более крутым и важным. Россия – первый сорт, Украина – второй.

Россия воспринималась всеми как вчерашний Советский Союз, просто с другим названием. И на российский паспорт смотрели как на обновленный советский. А вот украинский таковым не был, его считали чем-то временным. Это вроде и не паспорт, а квиток, как квитанция о месте прописки, не более.

P.S.

События 1991 года сыграли в нашей жизни роковую роль. «Россияне», как ласково стал называть нас Ельцин, тихо радовались, что перешли в вагон «первого класса» и убаюканные этой нежданной «радостью» проспали развал Союза. А украинцы, вдруг оказавшись во втором, надолго запомнили эту обиду…

Расслоение (1992)

Как только мы занялись банковским делом, у нас сразу появились деньги.

Маржа в те годы была огромной. Если ты привлекал депозит под 20 %, а кредит выдавал под 100 %, то уже трудно было уловить разницу, где в этой марже банковское, а где твое? Мы ничего специально не откладывали, но «лишние» деньги появились сразу, и их количество являло собой разительный контраст с тем, как нищало все вокруг.

Подавляющая часть населения стремительно беднела.

В советских учреждениях, на заводах, фабриках и в научных заведениях пытались как-то индексировать и повышать зарплаты, но цены в магазинах росли в десятки раз быстрее советских зарплат. Скорость всеобщего обнищания поражала, но одновременно с такой же скоростью, но в обратном направлении, у нас, молодых банкиров, росли доходы.

Да, мы все время бегали, крутились, что-то придумывали и организовывали.

Но все равно, скорость, с которой мы зарабатывали, – завораживала. Вчера у тебя ничего не было. Ты вместе со всеми стоял в длинных очередях с талоном на колбасу. А сегодня ты просто доставал из «тумбочки» деньги и покупал все, что хотел.

Первой такой покупкой, потрясшей мое воображение, стали четыре автомобиля, которые мы купили на нашу команду. Каждому по «Москвичу-2141». Достали деньги из тумбочки и купили себе по автомобилю.

Доступность цели, о которой еще вчера ты не мог даже подумать, – поразила.

Именно тогда впервые пришло понимание, что такое… настоящие деньги. С ними легко было решить любую самую смелую и немыслимую для советского человека задачу. Окончательное понимание, что можно уже не задумываться о деньгах на жизнь, пришло через год, когда мы с семьей въехали в арендованную совминовскую дачу на Рублевке.

Там жил еще вчера какой-то советский министр, а сейчас туда въезжали мы.

Перед заселением наш банковский завхоз спросил:

– Вам купить в спальные комнаты и столовую телевизоры и какую-то музыкальную технику?

Я ответил:

– Покупайте.

Когда вечером я приехал в этот дом в лесу на Рублевке, в коридоре стопками стояли коробки с телевизорами и аудиоаппаратурой. Их было очень много. За меня расплатились, и я даже толком не задумался, сколько же это стоит. Деньги на подобные расходы стали уже несущественны.

Этот невероятный, головокружительный рост доходов произошел всего за каких-то пару лет, между 91-м и 93-м.

Родители тогда еще жили на Украине, в Горловке. Я периодически звонил им, узнавал, как дела, как и чем они живут. А там, как и везде вокруг, останавливались фабрики и шахты, зарплаты падали. В тот год я предложил маме:

– Давайте я куплю вам квартиру побольше. Сколько сейчас стоят квартиры в нашем доме?

Мамин ответ поверг меня в шок: я вдруг понял, что могу легко купить всю нашу пятиэтажку, в которой прошло мое детство. Вот просто могу достать из тумбочки деньги и купить.

Скорость всеобщего падения невероятным образом контрастировала со скоростью роста наших доходов. И главное, нам не казалось тогда, что мы занимаемся чем-то сверхъестественным. Легкость, с которой зарабатывались деньги, создавала иллюзию, что то же самое могут делать все вокруг.

Просто не сиди на месте. Двигайся. Берись за что-то новое, и у тебя будут деньги. По крайней мере так казалось нам в Москве.

И в этой гонке выигрывали совсем не те, у кого были вчерашние «советские» связи или родственники в больших кабинетах. Нет. Совсем не так. В начале 90-х выигрывали те, кто быстро бегал, кто не сидел на месте и искал.

Это был момент всеобщей эйфории.

С телевизионных экранов и государственных трибун никто не говорил: «Обогащайтесь!».

Но запреты и преграды были сняты, и впервые за многие годы люди ринулись в эту пучину. Зарабатывать деньги! Это было время восторженного подъема у одних и обескураженности от неожиданного падения у других…

Но такая ситуация еще не воспринималась как процесс окончательного расслоения общества. Все смотрели на это как на спортивное состязание, как на очередную таблицу подведения итогов соцсоревнования: кто больше добыл, кто лучше построил. Лидеры новых «капиталистических» гонок воспринимались, скорее, как герои.

Сегодня победил он, а завтра сможешь победить ты!

P.S.

Мы жили в советской стране, где все были равны. И эту гонку мы начали вместе, с одной стартовой черты.

Банковский строяк (1991–1993)

Мы начали создавать наш банк, как стройотряд.

Формально мы, конечно, устроились на работу в банк, который еще вчера был отделением советского Жилсоцбанка, но в душе мы начинали свое новое дело. В студенческих стройотрядах было примерно так же. Формально нас устраивали летом на работу и зачисляли в штат строительной конторы или совхоза, но сами мы чувствовали себя отдельной командой и воспринимали наш строяк как свое, пусть короткое, но яркое и личное дело.

Разница между стройотрядом и банком теперь была лишь в том, что мы уже не были студентами и понимали, что это всерьез и надолго. Но был тот же восторженный дух старта и нового дела.

Мы не остались работать в науке и государственных институтах, как было положено в советской практике, а выбрали неизвестность и свое дело.

Это будоражило.

Новые задачи и идеи приходили в голову постоянно, и команда быстро росла. Мы никого толком не знали в Москве и брали на работу только своих, таких же как и мы, выпускников Физтеха. Мы начали с команды в четыре человека, а уже через год у нас в московском филиале работало более 100 вчерашних студентов-физтехов. Все осваивали азы финансов и нового для них банковского дела.

В самом начале пути мы остановили свой выбор на Тверьуниверсалбанке. Но у нас были и другие варианты. Свое согласие тогда нам дали и в Курсксоцбанке, бывшем курском отделении Жилсоцбанка СССР. Мы даже съездили туда с такой же «Программой» и договорились, что будем открывать филиал в Москве и для них.

Но работать на два банка одновременно было невозможно, и я позвал Юру, еще одного товарища и друга по Физтеху. Он был родом из Запорожья и дважды ездил мастером со мной в стройках. Если кому-то и доверить серьезное дело, то только ему:

– Юра, у нас есть второй банк. Первый мы уже открываем сами, а второй готовы отдать тебе.

На тот момент Юра вообще ничего не знал о банках, как и мы ничего не знали о них еще месяц назад. Пришлось прочитать небольшую лекцию, провести ликбез: на что делать упор и с чего начать разговор, когда они поедут в Курск. Тут же мы вместе примерно прикинули, кого им брать в команду.

В нашем «тверском» банке мы уже сформировали костяк из шести человек и набрали первый круг приближенных к этому костяку. Это было человек 20–30. Уже наполнялся физтехами и третий круг, а при этом оставались близкие друзья-товарищи, которые пока продолжали сидеть в своих советских НИИ, но которых хотелось взять поближе к себе. Если и опираться на кого-то, то лучше уж на своих. Из вчерашних друзей-студентов Юра и начнет формировать и свой костяк, а потом первый и второй круг команды.

Через неделю он вернулся из Курска и сказал, что тоже договорился и начинает создавать свой московский филиал. Мы стартовали с разницей всего в несколько месяцев.

Глядя на нас с Юрой, стали открывать «свои» банки и другие команды физтехов. В те годы, между 1991-м и 1993-м, сотни физтехов нашли себя в банковском и финансовом мире. Но не только там.

Параллельно с нами стали появляться пулы «страховщиков». Это вторая по численности когорта, которая была сформирована тогда из знакомых физтехов.

Далее пошли строительство и ретейл.

P.S.

Тогда мы еще не воспринимали происходящее в разрезе собственности и формирования личных бизнес-империй. Нас никто этому не учил. Мы просто приходили зарабатывать деньги. Именно такой опыт мы вынесли из советских студенческих стройотрядов. Его мы и начали претворять в жизнь, постепенно превращая свой банковский «строяк» в настоящий бизнес.

О деньгах (Весна 1992)

Я хорошо запомнил тот момент, когда у меня вдруг изменилось восприятие денег как таковых.

Мы стояли с Игорем, моим лучшим школьным другом, на платформе «Выхино» в ожидании электрички. Он приехал тогда ко мне из Киева повидаться, и мы вели с ним наши вечные задушевные разговоры.

Это был мой самый близкий друг. После техникума я поступил в МФТИ и осел в Жуковском, а он не сумел сходу пройти на филфак МГУ, попал в армию и вернулся на Украину. Поэтому встречались мы теперь нечасто, и во время редких встреч старались говорить не о каких-то мелочах, бытовухе, а о чем-то главном и сокровенном.

– Зачем тебе банк, Сергей? – спросил меня тогда Игорь. – Это же какая-то бухгалтерия, какие-то вечные счета, бумажки, бюрократия. Это же скучно.

И я начал рассказывать Игорю о своем новом состоянии, о том, во что я тогда окунулся и погрузился. И пока я все это разъяснял ему, я сам вдруг понял для себя эту новую суть.

Будучи советскими школьниками и студентами, мы вообще не думали о деньгах. Деньги не были нашим приоритетом, целью и предметом мечтаний.

Мы думали о науке, творчестве. Я хотел стать ученым и делать открытия либо руководить институтом или крупным заводом.

Эти мечты были довольно абстрактны, но очень амбициозны.

Деньги советскому молодому человеку виделись вещью второстепенной.

Их, конечно, всегда не хватало, всегда хотелось иметь больше. Но они тогда были нужны для простых, примитивных задач. Купить джинсы, небольшой телевизор, холодильник. Всегда не хватало денег на книги, на дорогую импортную технику или экзотические продукты вроде ананасов или апельсинов. Но, с другой стороны, такие редкие товары были в дефиците, за ними еще нужно было потолкаться в очередях.

И потому нехватка денег «компенсировалась» дефицитом самих этих товаров.

Деньги были не нужны!

Но как только мы начали банковский бизнес, ситуация сразу стала кардинально меняться.

Наши студенческие деньги почти закончились. К тому же именно тогда начались первые гайдаровские реформы, и цены в магазинах отпустили в свободное плавание. Стипендии, зарплаты и пенсии у всех стали стремительно обесцениваться.

Денег на жизнь уже с трудом хватало, и потому первым и основным стимулом пойти работать в банк была большая зарплата. В этом не хотелось признаваться близким и самому себе. Это казалось чем-то мелочным и мещанским. Но так было только первые 2-3 месяца.

Постепенно я начал замечать, что у меня меняется отношение к деньгам. Я перестал думать о них как о получке. А проработав в банке полгода, я вообще перестал думать о зарплате.

– Деньги дают возможность продвигать идеи, делать новые проекты! – разъяснял я Игорю свои внутренние открытия. – Деньги нужны совсем не для зарплаты и каких-то мелких покупок. С помощью денег можно начинать что-то новое!

Я тогда понял, что любую идею, любой проект можно оценить в деньгах.

Все что угодно!

Придумал что-то, подсчитал, сколько нужно денег, – и запускаешь.

– Мы приехали когда-то покорять Москву, – увлеченно вещал я другу. – Но как ее «покорить» – мы не понимали. И вот сейчас именно благодаря деньгам это вдруг стало возможным!

Я перечислял ему совсем свежие мысли и идеи, которые в тот момент уже бурлили в моей голове. Там было все: и офисы банка по всей стране, и покупка газет и журналов, и открытие телеканала, и запуск новых производств и прочее и прочее.

В основе всех тех проектов не лежало никакой продуманной бизнес-идеи, у меня не было стройного бизнес-плана. Мы не считали скрупулезно доходы, расходы, прибыль. Увлекал сам масштаб задуманного.

– Мы можем делать все! Оказывается, деньги – невероятно мощный инструмент! И это совсем не мещанство, не ради «улучшения быта», не ради корысти, – как бы оправдывался я перед другом.

Но то, что я говорил тогда, не было оправданием – в тот момент я действительно в это верил!

P.S.

Прошло много лет, когда я вдруг понял, что тот разговор состоялся в очень важный и интересный момент времени для всей

страны. Это был момент транзитного перехода в понимании сущности денег как таковых.

Остап Бендер в «Золотом теленке» также удивился незаметно для него произошедшей перемене, когда деньги стали не нужны в молодой советской России. Он отобрал у Корейко миллионы рублей, ждал всеобщего поклонения и ликования, а вокруг него все молчали. Никому не были интересны его миллионы. Даже пиво на них нельзя было купить. «Пиво только членам профсоюза!»

И вот через 70 лет произошел обратный переход!

О бизнесе (Осень 1992)

Через год после открытия банка мы раздали друг другу по пистолету.

Больших проблем с бандитами у нас не было, и вообще уголовный мир был где-то далеко. Московские банки в начале 90-х развивались стремительно, и бандитский мир за нами не поспевал. Привычный рэкет был где-то на окраинах, по вещевым рынкам и малым городам, в столичные банки они не совались.

Мы взяли пистолеты скорее по приколу, для ощущения собственной важности и игры.

Это был браунинг.

Я носил его в кармане куртки и, поднимаясь по лестнице к себе в квартиру на девятый этаж, – лифт тогда часто не работал, – я крепко сжимал его в руке. Хотелось сжать его сильнее и сильнее.

Холод стали передавал энергию всему телу, одновременно сжимались скулы.

Мне 27. Позади Физтех, впереди банк, а в руке браунинг.

Каждый мужчина когда-то должен сделать свой жизненный выбор, кем ему быть!

Мы встали на тропу бизнеса, будущее было не ясно, но сжимая пистолет в руке, приходило ощущение правоты и правильности выбранного пути.

Бизнес, как и война, – мужское дело.

Тактика, стратегия, тылы, оборона, резервы, склады, штабы.

И… минута боя, короткая и яркая, когда нужно принимать решения мгновенно, влет.

P.S.

Потом, через годы, когда осядет пыль и можно будет подвести итоги, мы разберем завалы прошлых проб и ошибок. Но ощущение холодной стали в руке останется навсегда…

Америка (Лето 1993)

Летом 1993-го в Москве было решено отобрать около 100 молодых банкиров, чтобы отправить в США на краткосрочную учебу.

Это был Российско-американский банковский форум. От типовых банковских курсов сегодняшнего дня те, первые, отличались тем, что их готовил лично Джеральд Корриган, председатель Федерального резервного банка Нью-Йорка, – он сам все организовывал, сам читал лекции.

Для меня это был первый выезд за границу (не считая лета, проведенного в стройотряде в Болгарии). И, когда я попал сразу в Америку, в Нью-Йорк, на Манхэттен, – у меня закружилась голова.

В первый месяц учебы нас расположили в корпусах престижного Фэрфилдского университета. Стояло лето, студенты были на каникулах, и университет со всеми своими «фасилитис» оказался в нашем распоряжении: с полями для гольфа и теннисными кортами, бассейнами и фитнес-клубом, огромными лекционными залами. Один коттедж с отдельной кухней на четверых банкиров-студентов и большой общий студенческий ресторан рядом с католической университетской церковью.

Для меня, вчерашнего советского студента, еще два года назад жившего в комнате общежития в 10 квадратных метров, – это было как в кино. Как в американском кино.

Джерри Корриган подготовил специальную учебную программу для русских банкиров, чтобы за месяц преподать нам основы банковского дела и одновременно показать цвет банковской Америки.

В один из уик-эндов он повез всю нашу делегацию к Дэвиду Рокфеллеру в его огромное поместье под Нью-Йорком, с замком, китайскими садами, конюшней, огромным парком ретро-автомобилей и большим полем для гольфа. Посол России в США на том приеме с юмором тогда сказал: «Мы хотели вам, молодым советским банкирам, показать, как живут… простые американцы!»

Дэвид Рокфеллер был уже довольно стар и слаб, но еще достаточно бодр, чтобы учить всех азам гольфа. Он не поленился каждому из нас показать по одному удару. А в конце приема он стал раздавать всем автографы. Визитки своей я тогда не взял и потому подсунул ему 100-долларовую банкноту. Он посмотрел на

нее и сказал, что это очень большие деньги и что он не готов их испортить своей подписью. Мы посмеялись, но я его все-таки упросил.

Ту 100-долларовую купюру я возил с собой несколько лет как талисман.

После месяца учебы Корриган разослал нас по разным штатам США, по разным городам поработать в американских банках. Это было реальное и полное погружение в жизнь настоящей Америки, в ее финансовый мир! Кого-то отправили в штат Огайо, кого-то в Оклахому, Техас, Неваду, Массачусетс, во Флориду и Небраску.

Я попал в самый центр – в Нью-Йорк, на Манхэттен, в Chemical Bank.

Это все трудно сейчас представить, трудно понять мотивацию американского банковского истеблишмента того времени. Зачем им это было нужно? Зачем они так возились с молодыми русскими банкирами? Наверное, в тот момент не только мы сами были очарованы Америкой, но и она была очарована новой Россией. Старая Америка хотела понравиться молодой России и делала тогда для этого все.

Chemical Bank выделил мне отдельную квартиру на Манхэттене и рабочее место в кредитном департаменте. Президент банка пообедал со мной на собственном этаже небоскреба, познакомил там со всеми руководителями, и каждый отдел стал погружать меня в особенности своей работы: как сотрудники общаются с клиентами, как изучают залоги, как взаимодействуют с адвокатами, как торгуют ценными бумагами.

Но, кроме собственно работы в банке, Корриган решил, что

нужно пойти еще дальше – и поселил нас в семьи реальных американских банкиров, чтобы мы увидели, как они живут.

Так я попал в дом Алекса Родзянко.

А уже ближе к концу этой американской учебы один из замов Алекса предложил мне… облететь Нью-Йорк. Он был пилотом-любителем и управлял небольшим самолетом.

И вот в одно летнее воскресенье мы полетели с ним к статуе Свободы. Вдвоем в кабине двухместного самолета – над Манхэттеном, над всеми этими билдингами и небоскребами!

Где-то над Гудзоном он сказал мне:

– Держи штурвал, – и отпустил его.

P.S.

Когда я вернулся в нашу маленькую и низкую Москву – а именно такой она мне тогда показалась после месяца жизни среди огромных небоскребов, – я, конечно, был окрылен увиденным. Хотелось перевернуть мир!

Родзянко (Август 1993)

Когда президент Chemical Bank объявил, что я какое-то время поживу в семье у Алекса Родзянко… я замер.

– Он работает в нашем инвестиционном департаменте и у него, кстати, какие-то русские корни, – небрежно добавил руководитель банка.

– Это те самые Родзянко, чей предок возглавлял последнюю Государственную Думу Российской империи? – недоверчиво уточнил я.

– Да, да. Он, кажется, из семьи старых русских эмигрантов, – подтвердил высокопоставленный американский банкир.

У меня в тот момент заколотилось от волнения сердце.

Мало того, что я оказался впервые в Америке, а завтра поеду в Нью-Йорк, на Манхеттен, смотреть, как работает американский банк. Я еще и познакомлюсь с потомком самого Родзянко, который принимал отречение царя.

Несколько лет назад, на волне увлечения Солженицыным и его «Красным колесом», я погрузился в пучину событий февральской революции 1917 года, ее фамилий и персонажей. Керенский, Львов, Милюков, Шульгин, Набоков, Гучков… и конечно, Родзянко, глава Думы. Это были ключевые люди тех дней, далекая, безвозвратно ушедшая Россия.

Чтобы лучше понять, что же там случилось, я пытался тогда найти все об этих людях, их убеждениях, перипетиях и интригах вокруг российского парламента и царского двора. Мне казалось, что ключ к поиску правильных путей лежит где-то там. Не зря ведь и Солженицын начал раскопки именно с этих дней.

И вот судьба невероятным образом сводит меня с потомками Родзянко. И не где-нибудь, а в Нью-Йорке, в центре современного мира, на самых высоких этажах его небоскребов.

Алексу Родзянко было чуть более 40. В нем чувствовались спокойствие и стать.

По-русски он говорил свободно, но на каком-то особом русском языке. Это не был язык вчерашних советских эмигрантов, засоренный американскими жаргонами и словечками. А был именно старый русский язык с чуть измененной интонацией, на американский манер.

Его отец, Олег Михайлович, внук того самого председателя Государственной Думы, родился в Югославии, в первые годы эмиграции, когда семья с остатками Белой армии покинула

большевистскую Россию. После Второй мировой им пришлось уехать и из Европы, чтобы обосноваться в США.

Алекс родился тут и был уже настоящим американцем. Но дома они говорили только по-русски, в семье так было заведено. Там, под Нью-Йорком, в доме Алексея и Инны Родзянко, я впервые увидел настоящую русскую семью.

У них было шестеро детей.

Когда мы сели ужинать, Алекс, вдруг встал. За ним поднялась жена и все дети. В тот момент я замешкался, не понял, что к чему, а он перекрестился и стал читать «Отче наш», за ним читала молитву вся семья.

Это была настоящая большая православная семья и при этом абсолютно современная.

Каждое утро мы садились с Алексом в его новый «Ягуар» и ехали до ближайшей станции, где оставляли авто и пересаживались на электричку, чтобы доехать на Манхеттен, откуда уже пешком шли до небоскреба Chemical Bank.

Я познавал жизнь настоящего американского банкира.

По дороге нужно успеть прочитать *Financial Times*, просмотреть новости и котировки акций, бондов, взаимных фондов. В этих утренних неспешных поездках Алекс рассказывал, как работают американские банки.

Он торговал бондами развивающихся стран. Это были бумаги стран Юго-Восточной Азии, кажется, еще Турции, Африки, а теперь и России.

Он очень радовался в те дни и хвастался отцу:

– Я заработал первый миллион на России и советских долгах.

В этом было для него что-то не только финансовое, но именно родовое. Он гордился, что в России впервые появились наконец-то ценные бумаги, и они торгуются теперь на главных финансовых площадках мира. И он, как банкир, впервые что-то заработал на России. На той России, из которой когда-то были вынуждены уехать его предки, но которая все эти годы оставалась ментально с ними.

Алекс был настоящим американским инвестиционным банкиром, торговал с Лондоном и Токио, а по выходным всей семьей они обязательно ходили в церковь. Небольшой Свято-Покровский храм в городке Наяк под Нью-Йорком основал его отец, а теперь по праздникам тут в церковном хоре пели дети Алекса. Глядя на эту семью, я видел образец для подражания. Мы должны быть такими же! Бережно хранить память о прошлом и при этом быть абсолютно современными людьми. Как это совместить?

Я расспрашивал Алекса о структуре американских банков, а

он расспрашивал меня о наших «молодых» банковских делах в Москве.

Тогда, летом 93-го, Алекс Родзянко, правнук последнего Председателя Государственной Думы царской России, впервые задумался о… возвращении в Россию.

P.S.

Это было невероятное время переплетения судеб и новых надежд, когда потомок древнего российского аристократического рода и вчерашний секретарь комитета комсомола думали об одном. Мы все были полны планов и амбиций – строить новую Россию.

Белый дом (Октябрь 1993)

Единой вертикали власти в стране еще не было, власть поровну делили президент Ельцин и Верховный Совет.

Они конфликтовали постоянно и по любому поводу, а отношения между Ельциным и Хасбулатовым, председателем Верховного Совета, становились все хуже и хуже.

Президент все больше забирал властные полномочия под себя, передавая управление страной доверенным людям. «Младореформаторы» (Бурбулис, Гайдар, Чубайс) ретиво перетягивали под себя нити управления, отодвигая на задворки депутатский корпус.

Еще вчера депутаты, проходя через всенародные выборы, думали, что именно они будут реформировать Россию. Но на практике, в реальной жизни, оказывалось, что правительственные и прочие высокие кабинеты постепенно занимали люди, приближенные к Ельцину и его семье, а депутатский корпус оказывался далеко в стороне.

Кто такие эти Бурбулис, Чубайс и Гайдар, выдвинутые Ельциным? Кто их избирал, чтобы они «реформировали» страну так, как хочется им? Было уже очевидно, что сам Ельцин, вчерашний «опальный» секретарь свердловского обкома, мало что понимал в рыночных реформах. Собственного плана у него не было, а скоропалительные прожекты писали именно «младореформаторы», которые многих раздражали.

Под давлением Верховного Совета Ельцин поменял ненавистного уже всем Гайдара на Черномырдина, но все равно конфликт между Администрацией президента и депутатами не утихал. Они все время мешали друг другу в работе и сыпали взаимными оскорблениями. Конфликт усиливался, переходя в непримиримую вражду.

Расстрел Белого дома

И 21 сентября 1993-го Ельцин подписал указ о роспуске Верховного Совета.

В тот же вечер в ответ экстренно собрался Верховный Совет и принял постановление о прекращении полномочий президента Ельцина, назначив Руцкого исполняющим обязанности президента.

Я сразу поехал в тот вечер к зданию Верховного Совета. Белый дом стоял свободный и открытый в излучине Москвы-реки.

Со всех сторон туда начали стекаться люди, и на заднем дворе парламента собралось огромное людское море. Все были возбуждены и задавались одним вопросом:

– Что будет дальше? Как решить этот спор?

На длинную трибуну, в которую превратили парапет нижнего яруса, один за одним выходили депутаты и озвучивали очередные новости, шаги и действия против указа Ельцина. Но главное, все ждали, что скажет Конституционный суд. В тот момент почему-то всем казалось, что именно Конституционный суд может разрешить этот спор: кто же прав – Ельцин или парламент? Каждые пять минут кто-то выходил на трибуну и говорил, что председатель Конституционного суда Зорькин скоро объявит решение суда.

И вот с парапета парламента было объявлено, что Конституционный суд признал указ Ельцина не законным и что есть все основания для отрешения президента от должности. Люди закричали:

– УРАААААА!!!

Это был момент истины и всеобщего ликования на заднем дворе Белого дома.

В ту минуту все собравшиеся, и я в том числе, были абсолютно уверены, что российский парламент победил и Ельцин будет свергнут. Мы изменим ход истории!

«Либеральный» зигзаг закончится, и обновленная Россия остановит развал Союза. Мы будем создавать новую большую сильную страну. Если президентом станет генерал Руцкой, то он будет опираться на избранных народных депутатов, а не на шустрых никому не известных выскочек. Споры между парламентом и президентом наконец-то закончатся. Страна найдет свой путь, не разрушая старый Союз, а воздвигая на его фундаменте новую Россию.

Я уезжал поздно ночью от Белого дома с абсолютной уверенностью в нашей победе.

Но следующее утро показало, что все не так. Президент Ельцин продолжал держать власть в своих руках и вообще не обращал внимания на парламент и на решение Конституционного суда. Из новостей стало лишь понятно, что он усилил кольцо ОМОНа вокруг Белого дома, а под конец дня еще и отключил там свет, отопление и связь.

Дом стоял теперь одинокий, большой полуоцепленный и неосвещенный.

Я стал приезжать к нему каждый день, обстановка все время накалялась.

Уже 24-го там стали формировать «отряды» и «полки»

обороны. Люди начали жечь костры, возводить примитивные баррикады, ставить военные палатки. Откуда-то появилось оружие. Люди, собиравшиеся у Белого дома, были плохо одеты и выглядели удручающе. В поношенной одежде, но с горящими глазами, они приезжали туда каждый день – защищать Белый дом.

К этой осени я уже был хоть и молодым, но состоявшимся банкиром, с машиной и деньгами. Наш банк быстро рос, мы открывали новые отделения в Москве. Я только что приехал с учебы из Америки. У меня было все хорошо в бизнесе, но меня не оставляло чувство, что сейчас тут, у Белого дома, творится наша история.

Я должен быть тут. Здесь собрался мой народ, я чувствовал это нутром, мы были одних взглядов и смотрели на страну одинаково. Я был хорошо одет, а они плохо. У меня был удачный бизнес, а большинство там собравшихся были выкинуты на обочину жизни новыми реформами. Но это были мои люди, мы были одной крови и убеждений.

Тут не было коммунистов и красных флагов. А если и были, то это не был реванш старой КПСС. Тут было много «казаков», «афганцев» и каких-то «русских общин». Непонятный еще новый «русский мир» пришел отвоевывать у либералов свой парламент, отстаивать свой дом.

Все пытались записаться в «полки» обороны, но брали не всех. Руцкой с трибуны объявил, что будут принимать только тех, кто имеет реальный военный опыт и умеет держать в руках оружие.

Но главное – стоять!

Если мы будем сюда приходить каждый день, мы победим. Проходы к Белому дому тогда еще были открыты. ГАИ и лужковский ОМОН лишь усилили свои посты. Но так было только два дня.

Уже 25 сентября пути сообщения были перекрыты внутренними войсками, и к Белому дому пройти было нереально. Ельцин и мэр Москвы Лужков полностью оцепили здание парламента, теперь добраться до осажденных депутатов и их защитников стало очень трудно. Практически невозможно. Я пытался вечерами найти способы туда пробраться. Хотелось быть с ними вместе, но солдаты в касках и бронежилетах стояли плотным кольцом, все было перекрыто. А по телевидению передавали обескураживающую от безысходности картинку из осажденного здания парламента, где депутаты, одетые в пальто и куртки, при свечах, заседали в холодном темном зале и писали очередные свои призывы к народу России.

Это не могло длиться бесконечно, и ситуация взорвалась.

3 октября осажденные «отряды» обороны Белого дома прорвали кольцо оцепления, было захвачено соседнее здание мэрии на Калининском проспекте. Наконец-то силами восставших был взят второй дом и Руцкой объявил, что нужно брать телецентр «Останкино». Туда они и двинулись на отбитых у ОМОНа грузовиках. Стрельба в Москве началась 3 октября и не прекращалась до утра.

Кровь пролилась, убитых было много, но сколько, еще никто не знал.

Это был пик исторической драмы нашей страны, ее кульминация. Стало ясно, что сегодня или завтра все окончательно решится.

Я выехал к Белому дому рано утром. Оставил джип где-то во дворах Старого Арбата и пошел на Калининский проспект. Он был абсолютно пустой. Лишь небольшие группы людей бежали в сторону Белого дома, там слышалась стрельба, но как магнитом он тянул к себе.

Огромный калининский мост перед Белым домом был пуст и свободен. Вокруг лишь было беспорядочное движение людей, перепуганных милиционеров и военных с оружием. Никто не понимал, кто за кого. Кто кого защищает? И кто откуда стреляет?

На мосту собралась большая, в несколько сотен человек, толпа, я добежал до нее. Люди стояли вдоль парапета. Щелчки выстрелов слышались со всех сторон. Толпа, как единое целое, то поднималась, то пригибалась к земле, люди показывали друг другу, откуда идет стрельба.

В эти минуты абсолютно исчез страх.

Невероятная картинка хаоса возбуждала и одновременно отключала сознание. Хотелось видеть и впитать в себя весь этот невероятный абсурд происходящего, чтобы никогда этого не забыть.

– Танки! – крикнул вдруг кто-то из толпы, и все устремили взгляд на набережную Тараса Шевченко, куда подъехали несколько то ли танков, то ли БТР. Башня одного из них начала медленно-медленно поворачиваться в сторону Белого дома.

Я смотрел то на танк, то на Дом, то на танк, то на Дом.

Неужели он будет стрелять? – мелькнуло в голове.

БТР и танки уже давно стояли в центре Москвы, мы привыкли к ним. Они въезжали в центр и раньше, в 91-м, при ГКЧП. Но тогда они стояли тихо и неподвижно, а сейчас танк… поворачивал свою башню.

Престарелые коммунисты из ГКЧП, путчисты, ввели танки в город, но не решились из них стрелять, неужели на это пойдет демократически избранный президент?

И выстрел прогремел!

Дальше все развивалось, как в немом кино. Я почти не слышал звуков, а все происходящее как будто замедлилось в своем движении.

Сначала вспышка выстрела из ствола, и мы резко повернули головы в сторону Белого дома. Снаряд попал точно в окно 12-го этажа и там, в одно мгновение, вылетели все окна и стекла.

Ровной линией, по всему этажу.

С глухим хлопком, как огромная белая стая, из пробоин выбитых окон вылетели в воздух сотни, тысячи листов бумаги, труды советских канцелярий… и, кружась, стали падать вниз.

– Уууууххх! – закричала толпа, в которой я стоял.

– Наверное, вакуумным били, – сказал какой-то «знаток».

И тут же раздался второй выстрел. И снова разбившиеся окна, но этажом выше, и та же стая белых листов бумаги вылетела из окон осажденного парламента.

– Ураааааа! – в ответ на выстрел закричала толпа.

Инстинктивно я отшатнулся от нее. В эту секунду стало понятно, что тут собрались не защитники Дома и не сторонники депутатов, а просто наблюдатели и зеваки, причем злые и возбужденные. Этой толпе нравилось, как танк стрелял в Белый дом, они пришли на это посмотреть и кричали «Ура!». Нервы не выдержали.

– Там же люди, – стал кричать я, – там русские люди, как же можно стрелять в своих?!

Толпа свирепо смотрела на меня, а я на них. Мы что-то кричали друг другу и уже начали махать руками. Это точно закончилось бы дракой или чем-то похуже, если бы не автоматная очередь, которая пронеслась где-то рядом, – и все рассеялись по мосту, стараясь укрыться за парапетом.

Все смешалось.

Танк выстрелил еще пару раз и замолчал. Слышны лишь были одиночные выстрелы оттуда, из Белого дома. Кто-то от злости и безысходности пытался отстреливаться, но вскоре замолчал и он.

Стало ясно, что Дом пал.

Я пошел назад к Арбату, сел в джип и поехал к нам в офис. Все сидели у телевизора и смотрели, ошарашенные, трансляцию CNN от Белого дома. Я начал было рассказывать все, что видел сам, но сразу же понял, что друзья и коллеги против Верховного Совета и, скорее, поддерживают Ельцина и этот расстрел. Тут, как и на мосту, я был одинок.

Не вступая в пустой и бесполезный спор, я сел в машину и поехал домой, к жене и детям.

* * *

Наша эпопея закончилась.

Но картинка обугленного Белого дома, как черно-белое старое фото в альбоме, теперь останется в памяти навсегда.

notes

Сноски

1

«Город золотой» – песня из репертуара Бориса Гребенщикова. Автор текста – Анри Волхонский.

2

Московский авиационный институт.

З

Физтеховский сленг, означающий «бардак».

Набоков В. Лолита. – М.: Художественная литература, 1991.